

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В.Ломоносова

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Волкова Алина Александровна

**Региональные механизмы разрешения международных
торговых споров**

5.1.5 – Международно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук,
доцент Кадышева О.В.

Москва – 2025

Оглавление

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	4
Введение.....	8
Глава 1. Региональные торговые соглашения и их роль в регулировании мировой торговли.....	23
1.1. Распространение РТС: причины и следствия	23
1.2. Проблема соотношения норм ВТО и региональных торговых соглашений	30
1.3. Контрольные механизмы в статьях XXIV ГАТТ и V ГАТС и их практическое применение.....	40
Глава 2. Механизмы разрешения споров в РТС	66
2.1. Типология и эволюция механизмов разрешения споров в РТС	66
2.2. Практика рассмотрения споров в рамках РТС.....	73
2.3. Проблемные аспекты взаимодействия ОРС ВТО и региональных систем разрешения международных торговых споров.....	79
2.4. Вопросы прямого эффекта права ВТО в контексте разрешения споров в рамках региональных торговых соглашений.....	93
Глава 3. Механизмы разрешения споров в торговых соглашениях между ЕАЭС и третьими государствами	103
3.1. Соглашения ЕАЭС с третьими странами	103
3.2. Механизмы разрешения споров в соглашениях ЕАЭС с третьими странами	105
3.3. Квасисудебная модель разрешения споров: общее и особенное в процедурных вопросах	107
3.4. Проблемные вопросы квазисудебных механизмов разрешения споров в соглашениях ЕАЭС с третьими странами.....	110
Заключение.....	113

Перечень использованных источников.....	118
--	------------

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
Асунсьонский договор	Договор, заключенный между Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем от 26 марта 1991 года, целью которого являлось создание общего рынка между участниками (МЕРКОСУР).
ВТО	Всемирная торговая организация
ГАТС	Генеральное соглашение по торговле услугами от 15 апреля 1994 года
ГАТТ	Генеральное соглашение по тарифам и торговле
ГАТТ 1947	Генеральное соглашение по тарифам и торговле от 30 октября 1947 года
ГАТТ 1994	Генеральное соглашение по тарифам и торговле от 15 апреля 1994 года
Договор о ЕАЭС	Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года
Договор о ЕЭС	Договор о создании Европейского экономического сообщества от 25 марта 1957 года
Дохийский раунд	Раунд торговых переговоров в рамках Всемирной торговой организации.

	Официальное начало проведения данного этапа переговоров было утверждено на Четвертой министерской конференции Всемирной торговой организации, проводимой в Дохе (Катар) в 2001 году
ДРС	Договоренность о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров от 15 апреля 1994 года
ДФТС	Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года.
ЕАСТ // EFTA	Европейская ассоциация свободной торговли // European Free Trade Association
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский Союз
ЕЭК	Евразийская экономическая комиссия
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество

ЗСТ	Зона свободной торговли
КМП ООН	Комиссия международного права ООН
КРТС / Комитет по РТС	Комитет по региональным торговым соглашениям
МЕРКОСУР	Общий рынок стран Южного конуса
МТО	Международная торговая организация
НАФТА	Североамериканское соглашение о свободной торговле
ОРС ВТО	Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации
Протокол Оливос	Протокол Оливос о разрешении споров в МЕРКОСУР от 18 февраля 2002 года.
РТС	Региональное торговое соглашение
Уругвайский раунд	Раунд Торговых переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле, начавшийся в 1986 году в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) и продлившийся до 1994 года.
СЕТА	Comprehensive Economic and Trade Agreement // Всеобъемлющее экономическое и торговое

	соглашение между ЕС и Канадой от 30 октября 2016 года
TTIP	Transatlantic Trade and Investment Partnership // Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между ЕС и США

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Одной из заметных особенностей современного международно-правового регулирования международной торговли является возрастающая роль в этих процессах региональных торговых соглашений (РТС)¹. Появившиеся впервые с 1950-х годов и до определённого времени остававшиеся в тени таких универсальных соглашений о регулировании международной торговли как Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) и соглашения ВТО, РТС стали особенно популярны среди государств с конца XX века, причём их распространение связывалось в первую очередь с резким замедлением нормотворческой деятельности государств на уровне ВТО. Кроме того, двум или нескольким государствам оказалось проще и быстрее договориться об общих для них правилах, чем пытаться добиться согласования этих же норм на универсальном уровне всеми государствами, к тому же ограниченный состав государств-участников РТС давал возможность пойти глубже и дальше, чем это допускалось правилами ВТО. В этих условиях ставится вопрос о целесообразности перехода к новому порядку принятия решений в ВТО, при котором решение принимается теми государствами, которые хотят видеть развитие ВТО в этом направлении, в противном случае при отсутствии альтернативы консенсуальному принятию решений, необходимые правила всё же будут приняты, но уже за пределами ВТО, а именно в различного рода РТС.

Широкому распространению самых разнообразных РТС также способствовала слабость контрольного механизма на уровне ВТО, который бы обеспечивал соответствие заключаемых РТС правилам ВТО. Финальный текст ст. XXIV ГАТТ, которая должна была играть основную роль в этом вопросе,

¹ Несмотря на то что исследователи выделяют несколько форм региональных или субрегиональных торговых соглашений (валютные союзы, общий рынок, таможенные союзы, зоны свободной торговли, преференциальные торговые соглашения. См.: Alam S., Islam. N. Preferential Trade Agreements and the Scope of GATT Article XXIV, GATS Article V and the Enabling Clause: An Appraisal of GATT/WTO // Netherlands International Law Review. Jurisprudence. 2009. Vol. 56. No. 1. P. 2), в настоящей работе применительно ко всем этим формам будет использован общий термин «региональные торговые соглашения», который охватывает любые региональные соглашения, предусматривающие некоторые преференции участникам таких соглашений, в то же время не распространяя эти преференции на третьи страны.

оказался очень расплывчатым, что оставило многие вопросы открытыми для различных толкований и сделало эту статью очень неэффективной. Процедура контроля за созданием РТС в рамках созданного для этих целей в ВТО Комитета по РТС из предварительной (*ex ante*) превратилась де-факто в последующую (*ex post*), что очевидным образом расходится с теми намерениями, которыми руководствовались государства при разработке ими ст. XXIV ГАТТ.

На сегодня проблема соотношения норм РТС и норм соглашений ВТО является одной из наиболее актуальных в современной повестке ВТО, а своего рода «институциональный конфликт» между ВТО и многочисленными РТС, рассматривается как одна из причин серьёзного замедления регуляторного процесса на уровне ВТО.

В ходе Уругвайского раунда торговых переговоров, который привел к созданию ВТО, ряд государств выражал свою обеспокоенность низкой эффективностью ст. XXIV ГАТТ, предлагая предусмотреть в рамках этой статьи новый механизм контроля за созданием РТС, который был бы также уполномочен рассматривать вопросы компенсации третьим странам, чьи интересы оказались затронуты такими РТС². Итогом развернувшейся дискуссии стало принятие Договорённости в отношении интерпретации ст. XXIV ГАТТ, которая, однако, не привела к значимым результатам. Дополнительно следует отметить, что государства-члены ВТО лишь в очень редких случаях оспаривали соответствие РТС многосторонним правилам торговли в ОРС ВТО.

При этом одним из вызовов для ВТО стало появление в каждом РТС собственных механизмов разрешения споров, которые варьировались от дипломатических способов в виде проведения консультаций и переговоров до создания постоянно действующего суда данного РТС (как в случае с

² Alam S., Islam. N. Op. cit. P. 5.

Европейским Союзом и Евразийским экономическим союзом). С учётом того, что в рамках этих механизмов предполагалось толковать и применять нормы РТС, практически аналогичные нормам ВТО, это создавало потенциальный риск появления конкурирующих и противоречащих друг другу толкований, что грозило уже фрагментацией права международной торговли. С другой стороны, заметная неурегулированность правил доступа к ОРС ВТО и к региональным механизмам разрешения торговых споров, равно как и отсутствие между ними какой-либо иерархии и приоритетности выносимых ими решений, создавало угрозу конкуренции юрисдикций универсальных и региональных механизмов разрешения торговых споров, что могло выливаться в появление противоречащих друг другу решений и отсутствие какой-либо предсказуемости и правовой определённости для государств.

В XXI веке произошёл заметный процесс усложнения региональных механизмов разрешения торговых споров, когда в рамках одного РТС в форме таможенного союза помимо основного механизма в виде постоянного суда появляется порядок разрешения споров, предусмотренный соглашениями между этими торговыми союзами (в первую очередь это ЕС и ЕАЭС) и третьими государствами. Это ставит дополнительные вопросы о соотношении двух механизмов и о приоритетности принимаемых ими решений в силу того, что речь может пойти о толковании и применении ими одних и тех же норм конкретного РТС. Ситуация может ещё больше усложниться, если в рамках этих двух механизмов при разрешении ими торговых споров будут по-разному применяться нормы ВТО и накопленная практика разрешения споров на уровне ВТО.

Среди других факторов, непосредственно влияющих на актуальность выбранной темы, можно отметить кризис Апелляционного органа ОРС ВТО, выразившийся в приостановлении им своей деятельности с конца 2019 года. Это вызвало новую волну интереса как у государств, так и у представителей доктрины к предусмотренным РТС механизмам разрешения торговых споров,

которые даже стали рассматриваться как одна из полноценных альтернатив ОРС ВТО.

Кроме того, одним из наиболее дискуссионных вопросов в международном праве остаётся проблема использования национальными судами государств-членов ВТО положений, содержащихся в соглашениях ВТО, при этом такие вопросы, как применение норм ВТО органами по разрешению споров, созданными в рамках региональных торговых соглашений (РТС), практически не рассматриваются исследователями. Однако отмечаемый в последние два десятилетия количественный рост РТС, в том числе и в форме таможенных союзов (например, ЕАЭС) заставляет посмотреть на эту проблему по-новому с доктринальной и практической точек зрения, учитывая ее нерешённость на уровне ВТО и самих РТС.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) также не остался в стороне от общей мировой тенденции к расширению сети РТС, приступив к поэтапному заключению таких соглашений с третьими странами. В том, что касается механизмов по рассмотрению споров, предусмотренных в этих Соглашениях ЕАЭС, то нужно отметить, что почти все они используют скопированную с ВТО модель квазисудебного механизма разрешения споров или сочетание политико-дипломатического и квазисудебного механизма разрешения споров в зависимости от предмета спора. Остаётся открытым вопрос, насколько это представляет собой реальный риск для монополии Суда ЕАЭС по толкованию норм ЕАЭС, но исключать вероятность такого хода событий не приходится.

Всё вышеперечисленное требует соответствующего доктринального осмысления и говорит о несомненной актуальности заявленной темы диссертационного исследования как для доктрины, так и для практики, особенно принимая во внимание тот факт, что созданный при активном участии России Евразийский экономический союз также является региональным торговым соглашением, где в качестве механизма разрешения споров используется постоянно действующий Суд ЕАЭС, а самим ЕАЭС уже

заключён ряд торговых соглашений с третьими странами, где также предусмотрены индивидуализированные механизмы разрешения споров между участниками этих соглашений.

Степень научной разработанности. Невзирая на уже указанную актуальность настоящего диссертационного исследования, степень её разработанности как в отечественной, так и в зарубежной науке можно признать как незаслуженно невысокую. До настоящего времени в российской правовой доктрине отсутствуют комплексные научные исследования типологии региональных механизмов разрешения торговых споров, причин, по которым государства предпочитают те или иные механизмы при разработке ими РТС, эволюция таких предпочтений, а также динамика обращений государств к таким механизмам. Единственным диссертационным исследованием в этой сфере остаётся защищённая в 2018 году диссертация А.Р. Хузахановой, которая посвящена исключительно судебным механизмам региональных торговых соглашений³. В появившихся в середине второго десятилетия нескольких публикациях отечественных исследователей, посвящённых механизмам разрешения споров, предусмотренным региональными торговыми соглашениями, рассматривались в первую очередь общие вопросы их взаимоотношений с универсальным механизмом разрешения торговых споров на уровне ВТО, однако без учёта влияния на такие взаимоотношения специфики того или иного механизма в конкретном РТС⁴. Анализу этих вопросов, а также возможных рисков конфликта юрисдикций универсальных и региональных механизмов разрешения споров посвящены публикации таких исследователей как В.А. Бублик, А.В. Губарева,

³Хузаханова А.Р. Судебный механизм международных организаций региональной экономической интеграции: дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Хузаханова Асия Рустемовна. Казань. 2018. 240 с.

⁴См.: Кожеуров Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: «Смотр правовых сил» // Российский юридический журнал. 2016. №. 4. С. 94-112; Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №. 2. С. 223–236; Boklan D., Lifshits I. Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 169–193; Колос Д.Г. Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. №. 3. С. 21–41.

Б.Л. Зимненко, О.В. Кадышева, Д.Г. Колос, С.В. Комендантов, А.С. Смбтян, А.М. Солнцев, А.В. Яковенко. Вопросы деятельности Суда ЕАЭС и взаимодействия универсального механизма разрешения споров на уровне ВТО и Суда ЕАЭС рассматривались в публикациях Д.С. Боклан, Я.С. Кожеурова, И.М. Лифшица, Н.А. Соколовой. Проблематика кризиса ОРС ВТО и его влияния на региональные механизмы разрешения споров анализировалась в статьях А.С. Исполинова, О.В. Кадышевой, М.П. Трунк-Федоровой. Различные аспекты действия норм ВТО анализировалась в трудах Н.Е. Тюриной, И.В. Гудкова, С.И. Щеголева.

Если говорить о зарубежных авторах, степень разработанности данной темы здесь ощутимо выше, в первую очередь за счёт исследований проблематики взаимоотношений механизмов разрешения споров в ВТО и в РТС, а также общих вопросов соотношения норм ВТО и РТС. Вопросы основных характеристик РТС, причин их популярности и соотношения с нормами ВТО исследовались такими авторами, как: S. Cho, H. Horn, M. Krajewski, R. Leal-Arcas, T. Low, P. Mavroidis, S. J. Powell, A. Sapir, J-A Crawford. Риски параллельного разрешения торговых споров в ВТО и на уровне РТС, а также возможные пути разрешения юрисдикционных конфликтов между ними рассматривались в работах K.J. Alter, M. Busch, C. Furner, T. Graewert, L. Gruszczynski, C. Henckels, J. Hillman, L. Hsu, A. Izaguerri, N. Lederer, G. Marceau, M. Mbengue, S. Meunier, J. Pauwelyn, L. Salles, C. Sergaki, N. Son Tan, C. Todeschini-Marthe, J. Wyatt, S. Yang. Проблематика специфики механизмов разрешения споров в различных РТС и вопросы классификации таких механизмов затрагивались такими авторами, как: T. Allee, I. Bercero, L. Biukovic, M. Bronckers, C. Chase, J-A. Crawford, M. Elsig, C. Furculita, G. Gruni, R. McDougall, J. Smith, P. Ugaz, A. Yanovich. Современная практика рассмотрения споров на уровне региональных торговых соглашений анализировалась в трудах A. Arpas, T. Brooks, W. Davey, T. Dolle, S. Falls, M. García, S. Lester, I. Manak, L. Medina, J. Namgoong, A. Nissen, P. Paiement, A. Sapir, G. Vidigal. Вопросы использования государствами региональных

механизмов разрешения торговых споров как возможной альтернативы ОРС ВТО рассматривались такими авторами, как: С.Furculita, J. Grigoroва, E. Zachari. Однако зарубежные работы не охватывают вопросы рассмотрения споров в ЕАЭС как регионального торгового соглашения, а также в рамках механизмов по разрешению споров, предусмотренных в соглашениях, заключённых ЕАЭС с третьими государствами.

Теоретическую основу диссертации составили научные исследования таких представителей российской доктрины по общетеоретическим вопросам международного права, как: А.Х. Абашидзе, Л.П. Ануфриева, К.А. Бекяшев, И.П. Блищенко, Г.М. Вельяминов, А.Н. Вылегжанин, Г.К. Дмитриева, И.И. Дюмулен, И.В. Зенкин, Ф.И. Кожевников, Ю.М. Колосов, В.И. Лисовский, И.И. Лукашук, Ю.Н. Малеев, В.Л. Толстых, Г.И. Тункин, С.В. Черниченко, Е.А. Шибаета, В.М. Шумилов. Среди использованных автором работ учёных, специализирующихся на изучении различных аспектов взаимодействия ВТО и РТС особо следует отметить труды Д.С. Боклан, А.С. Исполинова, О.В. Кадышевой, И.Л. Лифшица, И.В. Рачкова, Ю.Е. Ровнова, А.С. Смбатян, А.М. Солнцева, Н.Е. Тюриной.

Рассмотренные в указанных работах подходы и выводы в совокупности составили теоретическую основу настоящего исследования.

Нормативно-правовую базу и эмпирическую основу настоящего диссертационного исследования составили соглашения ВТО, региональные торговые соглашения, включая Договор о ЕАЭС и соглашения, заключённые между ЕАЭС и третьими странами, нормативно-правовые акты ЕС, ЕАЭС, России и других стран. Кроме того, при написании работы использовались также доклады третейских групп и Апелляционного органа ВТО, решения третейских групп, созданных в рамках различных РТС, решения Суда ЕС и Суда ЕАЭС.

Объект и предмет исследования.

Объектом диссертационного исследования являются отношения между государствами-участниками региональных торговых соглашений по поводу предусмотренных в них механизмов разрешения возникающих торговых споров, в частности, по поводу порядка их создания, компетенции, обязательности выносимых ими решений, а также соотношение норм заключаемых РТС с правилами ВТО и вопросов возможных юрисдикционных конфликтов между региональными механизмами разрешения торговых споров и универсальным механизмом в лице ОРС ВТО.

Предметом диссертационного исследования являются теоретические и практические аспекты создания государствами и деятельности механизмов разрешения торговых споров, предусмотренных различными региональными торговыми соглашениями, их взаимодействие с ОРС ВТО, а также различные варианты минимизации рисков юрисдикционных конфликтов между этими двумя уровнями разрешения торговых споров, и рисков появления противоречащих друг другу толкований сходных положений применимых международных договоров и вынесенных по существу спора решений.

Цели и задачи диссертационного исследования. **Целью** настоящей диссертационной работы является выявление особенностей правового регулирования создания и деятельности механизмов разрешения торговых межгосударственных споров, разработки их типологии и вариантов их взаимодействия с универсальным механизмом по разрешению торговых споров, предусмотренным соглашениями ВТО.

Для достижения этой цели автор попытался решить следующие конкретные задачи:

- выявить признаки и дать определение понятию механизмов по разрешению споров, предусмотренных региональными торговыми соглашениями, определить место этих механизмов в структуре РТС, опираясь при этом на доктринальные источники и доступные эмпирические данные, и дать авторскую типологию этих механизмов;

- определить этапы эволюции механизмов по разрешению споров, предусмотренных различными РТС, и определить причины преобладания тех или иных механизмов в РТС на разных этапах;

- доказать взаимосвязь между развитием и углублением интеграционных процессов и выбором государствами определённой модели механизма по разрешению торговых споров в рамках конкретного интеграционного объединения;

- выявить общие закономерности и тенденции развития региональных механизмов разрешения торговых межгосударственных споров;

- проанализировать общие и специфические тенденции развития практики региональных механизмов по разрешению торговых споров по отношению к докладам, подготовленным третейскими группами и Апелляционным органом ОРС ВТО;

- на основании анализа договорных положений и доступной практики разрешения торговых споров выявить причины отдаваемого государствами предпочтения в пользу универсального или регионального механизма разрешения торгов;

- на основании анализа положений торговых соглашений, заключаемых Европейским Союзом и Евразийским экономическим союзом с третьими странами, рассмотреть особенности предусмотренных этими соглашениями механизмов по разрешению споров, сферу их компетенции, порядок определения надлежащего ответчика в случае предъявления требований к ЕС или ЕАЭС и к их государствам-членам, а также возможные варианты взаимодействия этих механизмов с Судом ЕС и Судом ЕАЭС.

Научная новизна диссертационного исследования. Как в отечественной, так и в зарубежной доктрине международного права нет устоявшейся комплексной оценки предусмотренных многочисленными региональными торговыми соглашениями механизмов разрешения межгосударственных споров. Остаются не до конца изученными вопросы

типологии этих механизмов, их эволюция, причины появления в тех или иных РТС определённых механизмов разрешения споров, а также факторы, влияющие на выбор, сделанный государствами в ходе разработки ими текста РТС. Среди отечественных учёных-международников внимание уделялось лишь отдельным аспектам этой проблематики, в первую очередь вопросам рисков юрисдикционных конфликтов между *ad hoc* арбитражами, создаваемыми в рамках таких РТС, как соглашения о зоне свободной торговли, и ОРС ВТО. Однако в отечественной доктрине комплексно не исследовались общие вопросы создания и деятельности региональных механизмов по разрешению торговых споров, а также практика рассмотрения ими таких споров. При этом настоящее диссертационное исследование представляет собой первое в отечественной науке международного права комплексное научное исследование появления и эволюции региональных механизмов по разрешению межгосударственных торговых споров, динамики их использования государствами, а также их взаимоотношений с ОРС ВТО в зависимости от выбранного государствами типа регионального механизма. Впервые в отечественной науке рассмотрена в сравнительно-правовом аспекте проблематика механизмов по разрешению споров, предусмотренных в соглашениях ЕС и ЕАЭС, заключаемых с третьими странами, сфера их компетенции, порядок определения надлежащего ответчика в случае предъявления требований одновременно к ЕС или к ЕАЭС и их государствам-членам, а также возможные варианты взаимодействия этих механизмов с Судом ЕС и Судом ЕАЭС. Кроме этого, впервые в отечественной науке проанализирована динамика споров, передаваемых государствами в региональные механизмы по разрешению споров уже после начала кризиса системы рассмотрения споров на уровне ВТО.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что работа представляет собой комплексное исследование правового регулирования создания и деятельности предусмотренных региональными торговыми соглашениями механизмов по

разрешению межгосударственных торговых споров. Анализ этих вопросов, а также практики применения государствами этих механизмов может быть полезен при подготовке позиции Российской Федерации при разработке и согласовании соответствующих положений в тексте торговых соглашений, заключаемых совместно ЕАЭС и его государствами-членами с третьими странами. Данное исследование может служить основой для дальнейших научных исследований теоретических и практических проблем правового регулирования механизмов разрешения торговых споров, предусматриваемых заключаемыми государствами региональных торговых соглашениях.

Выводы настоящего диссертационного исследования могут быть использованы в научной и учебной деятельности, в ходе проведения лекционных и семинарских занятий, при разработке пособий, монографий, методических рекомендаций, научных статей по курсу «Международное право», а также специальным курсам - «Право ВТО», «Право ЕАЭС».

Практическая значимость исследования определяется тем, что отдельные выводы диссертации могут быть использованы в ходе разработки позиции Российской Федерации по защите своих интересов при рассмотрении межгосударственных торговых споров как **в рамках ВТО, так и в механизмах по разрешению споров, предусмотренных региональными торговыми соглашениями с участием Российской Федерации и ЕАЭС.**

Методологическую основу настоящего диссертационного исследования составили такие общенаучные методы, как диалектический, статистический и системный. Кроме этого, использованы такие частнонаучные методы, как историко-правовой, формально-догматический и сравнительно-правовой.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие положения и выводы:

1. Многочисленные и самые разнообразные региональные торговые соглашения стали неотъемлемой чертой современного регулирования международной торговли. Помимо создания зон свободной торговли, РТС в

современных условиях регулируют вопросы инвестиций, интеллектуальной собственности, защиты прав потребителей, трудовых и экологических стандартов, зачастую идя гораздо дальше, чем существующие нормы ВТО и даже вступая в открытое противоречие с ними. При этом для ВТО, в задачи которой входит либерализация международной торговли на универсальном уровне, проблема резкого роста популярности региональных торговых соглашений и, соответственно, роста региональных правовых режимов, является самым серьёзным вызовом за все 30 лет её существования.

2. Включение положений о порядке разрешения споров стали обязательным условием для заключаемых РТС в силу неизбежности появления у сторон разночтений в отношении объема и сути обязательств, взятых на себя их сторонами. В современных РТС наблюдается заметная эволюция в сторону использования в них независимых судебных или арбитражных механизмов, в рамках которых выносятся обязательные решения по спорам, причём абсолютное большинство современных РТС предусматривают в качестве механизма для разрешения споров передачу споров на рассмотрение *ad hoc* арбитражного трибунала.

3. На практике рост общего количества региональных торговых соглашений не привёл к росту числа торговых споров, рассматриваемых в рамках соответствующих региональных механизмов. Абсолютное большинство таких региональных механизмов остаётся вообще незадействованными в силу того, что государства — участники РТС по-прежнему предпочитают рассматривать споры между собой на уровне ВТО, даже имея при этом доступ к региональным механизмам. Региональные механизмы используются для разрешения споров, которые касаются вопросов, выходящих за рамки ВТО (например, вопросы соблюдения трудовых стандартов, охраны труда и окружающей среды), и поэтому не могут быть рассмотрены ОРС ВТО. Решающими факторами в пользу выбора государствами ОРС ВТО являются не только удобство ОРС ВТО, но и желание государств избежать ситуации с вероятной фрагментацией международного

торгового права в виде различного толкования сотен международных региональных торговых соглашений, применяемых многочисленными разнообразными региональными механизмами разрешения споров.

4. В том, что касается механизмов по рассмотрению споров, предусмотренных в Соглашениях ЕАЭС с третьими странами, нужно отметить, что почти все они (за исключением Соглашения с КНР) используют скопированную с ВТО модель квазисудебного механизма разрешения споров или сочетание политико-дипломатического и квазисудебного механизма разрешения споров в зависимости от предмета спора. Квазисудебный механизм предусматривает стадию обязательных консультаций до передачи спора в *ad hoc* арбитраж, стадию арбитражного разбирательства и стадию контроля над исполнением принятых арбитражем решений.

5. В отличие от ВТО, в случае возникновения спора на уровне Соглашений ЕАЭС стороны спора будут оказываться перед необходимостью создания каждый раз и за свой счёт структуры по администрированию спора фактически на одноразовой основе, что повлечёт за собой соответствующие административные, финансовые и процедурные проблемы.

6. Региональные механизмы разрешения споров будут скорее всего использоваться в тех случаях, когда одна из сторон спора не является участником ВТО (Иран и сам ЕАЭС), либо когда речь идёт о невыполнении одной из сторон обязательств ВТО-плюс или ВТО-экстра, споры о которых не относятся к компетенции ОРС ВТО. Во всех остальных случаях стороны спора будут предпочитать передать возникший спор на рассмотрение в ВТО, используя для этого возможность, предусмотренную этими Соглашениями.

Апробация результатов диссертационного исследования. Результаты проведённого исследования апробированы автором в виде следующих докладов на научно-практических конференциях по международному праву:

1. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2022», МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,

11-22 апреля 2022. Тема доклада: «Соотношение ОРС ВТО и региональных механизмов рассмотрения торговых споров: новый виток дискуссий»;

2. Круглый стол для аспирантов на тему «ВТО: «Уйти нельзя остаться» (к 10-летию членства Российской Федерации в ВТО)», Москва, Россия, 20 октября 2022. Тема доклада: «Проблемные аспекты взаимодействия ОРС ВТО и региональных механизмов разрешения международных торговых споров»;

3. XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», Секция Юриспруденция, Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 12 апреля 2023. Тема доклада: «Проблема конфликта юрисдикций универсального и регионального механизма разрешения международных торговых споров: пути решения»;

4. Научно-образовательный межкафедральный круглый стол «Международное право и современность: теоретико-практический взгляд», Москва, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, секция международного права, 26 апреля 2023. Тема доклада: «Проблема конфликта юрисдикции в контексте отношений ОРС ВТО и региональных механизмов разрешения международных торговых споров»;

5. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2024», МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 12-26 апреля 2024. Тема доклада: Актуальные проблемы использования механизмов разрешения споров в соглашениях между ЕАЭС и третьими государствами;

Основные научные положения и выводы диссертационного исследования отражены в шести публикациях автора в следующих рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных RSCI, и в изданиях из перечня, рекомендованного Минобрнауки России, на основании решения Ученого совета МГУ им. М.В. Ломоносова от 28 декабря 2020 г.:

1. Маркина А.А. (Волкова А. А.) Роль и причины распространения региональных торговых соглашений в международном торговом праве // Евразийский юридический журнал. 2021. №6 (157). С. 51–53. (0.488 п.л.).

2. Волкова А. А. Проблема соответствия региональных торговых соглашений праву ВТО // Евразийский юридический журнал. 2021. №7 (158). С. 65–67. (0.451 п.л.).

3. Волкова А. А. Соотношение ОРС ВТО и региональных механизмов рассмотрения торговых споров: новый виток дискуссий // Евразийский юридический журнал. 2022. №9 (172). С. 33–36. (0.699 п.л.).

4. Волкова А. А. Проблемные аспекты взаимодействия ОРС ВТО и региональных систем разрешения международных торговых споров // Евразийский юридический журнал. 2023. №3 (178). С. 35–39. (0.759 п.з.).

5. Волкова А. А. Механизмы разрешения споров в региональных торговых соглашениях: прошлое, настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. №11 (168) С. 147-158. (1.153 п.л.).

6. Волкова А.А. Механизмы разрешения споров в торговых соглашениях между ЕАЭС и третьими государствами // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 6 . С. 217-225. (0.535 п.л.).

Структура диссертационного исследования определяется целями и задачами исследования, которое состоит из списка сокращений, введения, трёх глав, включающих 11 параграфов, а также заключения и библиографии.

Глава 1. Региональные торговые соглашения и их роль в регулировании мировой торговли

1.1. Распространение РТС: причины и следствия

Первые РТС появились ещё в 1950-х годах⁵, при этом на момент создания ВТО в середине 1990-х годов в мире насчитывалось только 43 действующих РТС. В доктрине выделяются несколько «волн» (фаз) торгового регионализма в виде заключаемых государствами РТС⁶. Первая такая волна (1950-1960-е годы) связана с европейским регионализмом, то есть с образованием Европейских Сообществ, на смену которой приходит вторая волна в виде американского регионализма (создание с конца 1980-х годов НАФТА, МЕРКОСУР, Андского Сообщества). Третья волна началась в первой декаде XXI века и знаменует собой эру «глобального регионализма», связанного с кризисом регулятивной деятельности на уровне ВТО, а также с активным распространением РТС в Азии и Африке и появлением межрегиональных РТС⁷.

Настоящий бум таких соглашений начался с конца 1990-х. По состоянию на 1 декабря 2024 года в мире насчитывается 373 действующих соглашений, в отношении которых были направлены уведомления в Секретариат ВТО, и около 600 РТС, по которым государства решили по различным причинам не направлять такое уведомление⁸. Можно поддержать высказанное в доктрине мнение, согласно которому РТС стали основной и возможно необратимой характеристикой современной многосторонней торговой системы⁹. При этом

⁵ Первыми РТС, о которые государства направили уведомления в ГАТТ, стали договоры о создании Европейских Сообществ, подписанные в 1951–1957 гг.

⁶ Cho S. Breaking the Barrier between Regionalism and Multilateralism: A New Perspective on Trade Regionalism // Harvard International Law Journal. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 426-428.

⁷ Devuyt Y. Serdarevic A. The World Trade Organization and Regional Trade Agreements: Bridging the Constitutional Credibility Gap // Duke Journal of Comparative & International Law. 2007. Vol. 18. No. 1. P. 8-11.

⁸ Regional trade agreements. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (дата обращения: 03.12.2024).

⁹ Chase, C., Yanovich, A., Crawford, J. Ugaz, P. Mapping of Dispute Settlement Mechanisms in Regional Trade Agreements – Innovative or Variations on a Theme? // Acharya, R. (Ed.) Regional Trade Agreements and the Trading System. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. P. 608.

проблема резкого роста популярности региональных торговых соглашений является самым серьёзным вызовом для ВТО за 29 лет её существования.

Сегодня можно уже выделить основные тенденции в эволюции РТС, которые во многом объясняют вызываемый ими интерес в академической литературе. Во-первых, на сегодня абсолютное большинство РТС — это соглашения о зонах (ассоциациях) свободной торговли (с англ.: *free-trade area*), которые устанавливают «свободный» режим торговли между государствами-участниками (по подсчётам исследователей, эти соглашения составляют 90% от общего числа РТС, при этом на долю таможенных союзов приходится оставшиеся 10 процентов¹⁰, из них только 16 полноценно действующих, включая ЕАЭС¹¹). В зонах свободной торговли полностью устраняются либо радикально снижаются таможенные тарифы на внутреннюю торговлю между странами этой зоны, однако в отношениях с третьими государствами каждый участник такой зоны проводит самостоятельную торговую политику. В то время как в таможенных союзах от государств-членов требуется не только устранение барьеров во внутренней торговле, но и проведение общей торговой политики по отношению к третьим государствам¹². В этом коренное отличие зон свободной торговли от таможенных союзов (с англ.: *customs union*) (к ним можно отнести Европейский Союз (далее также — ЕС) и Евразийский экономический союз (далее также — ЕАЭС), означающих, как правило, не только введение единого таможенного тарифа и проведение единой таможенной политики государств-участников, но и передачу полномочий по регулированию торговли с третьими странами специальному наднациональному органу (Европейская

¹⁰ Leal-Arcas R. Proliferation of Regional Trade Agreements: Complementing or Supplanting Multilateralism? // Chicago Journal of International Law. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 601.

¹¹ Caribbean Community (CARICOM); Central American Common Market (CACM); Eurasian Economic Union (EAEU); European Union (EU); EU–Andorra CU; EU–San Marino CU; EU–Turkey CU (EUTCU); South African CU (SACU); Andean Community (CAN); Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA); East African Community (EAC); Economic and Monetary Community of Central Africa (CEMAC); Economic Community of West African States (ECOWAS); Gulf Cooperation Council (GCC); Southern Common Market (MERCOSUR); и West African Economic and Monetary Union (WAEMU).

¹² Ovádek M., Willemyns I. International Law of Customs Unions: Conceptual Variety, Legal Ambiguity and Diverse Practice // European Journal of International Law. 2019. Vol. 30. Issue 2. P.367

Комиссия в ЕС, Евразийская экономическая комиссия в ЕАЭС). Эти органы наделены правом принимать общеобязательные нормативные акты, замещающие соответствующие национальные нормы и подлежащие применению всеми субъектами внутреннего права государств — членом такого объединения¹³.

Именно поэтому все таможенные союзы предполагают наличие постоянного суда как для разрешения споров между государствами, так и для осуществления контроля за правоммерностью актов этих органов (в том числе с помощью исков от частных лиц)¹⁴. В зонах свободной торговли таких наднациональных органов нет, поэтому отсутствует потребность в таком постоянном судебном контроле, а для разрешения споров между государствами — участниками таких соглашений предусматриваются арбитражные процедуры в виде *ad hoc* арбитражей.

Во-вторых, если раньше чаще заключались двусторонние соглашения о зоне свободной торговли, то в последнее время заключаются соглашения сразу между несколькими странами, причём это не обязательно должны быть страны одного региона. Это означает, что слово «региональный» применительно к современным РТС перестало означать привязку к какому-то конкретному региону, а используется лишь для противопоставления этих соглашений универсальным соглашениям, заключаемым на уровне ВТО.

В-третьих, тенденция последних лет состоит в заключении так называемых мега-РТС, создающих зоны свободной торговли, которые охватывают все государства одного континента (Соглашение об Африканской континентальной зоне свободной торговли¹⁵ (с англ.: *Agreement establishing African Continental free trade area*, АСФТА; далее также — АКФТА) было

¹³ Исполинов А. С. Что скрывается за броским термином интеграционное правосудие? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. No. 3. С. 110–111.

¹⁴ Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russia (Русский закон). 2017. No. 10. С.61.

¹⁵ Agreement establishing African Continental free trade area. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-treaty-consolidated_text_on_cfta_-_en.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

подписано в марте 2018 года в Руанде и вступило в силу с 30 мая 2019 года) или несколько континентов. Раньше к таким относились Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (с англ.: *North American Free Trade Agreement*, НАФТА; далее — НАФТА¹⁶) и Доминиканско-центральноамериканское соглашение о зоне свободной торговли (с англ.: *Dominican Republic-Central American Free Trade Agreement*, САФТА-DR)¹⁷. Теперь к ним можно отнести объединяющее 11 стран от Канады до Брунея Транс-тихоокеанское партнерство между странами Азиатско-Тихоокеанского региона (с англ.: *Comprehensive Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*¹⁸), подписанное 8 марта 2018 года (в июне 2023 года был подписан протокол о присоединении к этому соглашению Великобритании). Ещё более крупным по своему влиянию на мировую торговлю могло стать Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между ЕС и США (с англ.: *Transatlantic Trade and Investment Partnership*; далее — ТТИР), однако сторонам не удалось прийти к согласию, и в апреле 2019 года Совет ЕС особым решением признал предыдущие директивы, относящиеся к переговорам по ТТИР, «устаревшими и более не актуальными»¹⁹. Несмотря на провал ТТИР, 30 октября 2016 года было успешно подписано схожее соглашение — Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между ЕС и Канадой (с англ.: *Comprehensive Economic and Trade Agreement*, далее — СЕТА)²⁰.

В-четвёртых, в той или иной степени в различных РТС участвуют все страны мира, при этом нормой становится участие государства сразу в

¹⁶ North American Free Trade Agreement. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6187%2814%29.pdf> (дата обращения: 23.05.2024)

¹⁷ Dominican Republic - Central America - United States Free Trade Agreement URL: http://www.sice.oas.org/Trade/CAFTA/CAFTADR_e/CAFTADRinpdf_e.asp (дата обращения: 23.05.2024).

¹⁸ Comprehensive Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9121/CBP-9121.pdf> (дата обращения 23.05.2024).

¹⁹ См.: Council of the European Union. Council decision authorising the opening of negotiations with the United States of America for an agreement on the elimination of tariffs for industrial goods. 6052/19. 9 April 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39180/st06052-en19.pdf> (дата обращения 23.05.2024).

²⁰ Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part // Official Journal of the European Union. L 11. Vol. 60. 14 January 2017. P. 23–1079.

нескольких соглашениях. Например, Вьетнам весной 2015 года подписал соглашение о зоне свободной торговли с ЕАЭС, а в октябре успешно завершил переговоры о своём участии в уже упомянутом выше Транс-тихоокеанском партнёрстве между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

В-пятых, значительно изменилось содержание РТС. Помимо создания зон свободной торговли, РТС ныне регулируют вопросы инвестиций, интеллектуальной собственности, защиты прав потребителей, трудовых и экологических стандартов, зачастую идя гораздо дальше, чем существующие нормы ВТО. При этом все РТС различаются не только по составу участников, но и по объёму льгот и преференций, предоставляемых их участникам.

Исследователи выделяют несколько причин такого количественного и качественного роста РТС. Среди них немаловажное место занимают резкое замедление процесса либерализации международной торговли, вызванное особенностями принятия решений в ВТО. ЕС и США, как главные инициаторы создания этой организации, с самого начала настаивали на так называемом «пакетном» подходе, при котором государствам — членам ВТО необходимо обсуждать и принимать все соглашения сразу. В 1994 году это позволило обеспечить распространение норм ВТО на все государства-члены. Однако такой «пакетный» подход predetermined и очень медленный темп переговоров в рамках следующего, Дохийского раунда переговоров, продолжающегося уже более 20-ти лет. Стало очевидно, что в силу различия интересов 166 членом ВТО, среди которых 162 государства, а также Китайская республика (Тайвань), Европейский союз и 2 таможенные территории (Гонконг и Макао), очень сложно одновременно достичь компромисса по широкому кругу вопросов. Ситуация осложняется тем, что, несмотря на положения Марракешского соглашения о различных вариантах принятия решений, на практике все решения в ВТО принимаются государствами-членами консенсусом, что делает практически невозможным достижение

согласия между ними²¹. Как отмечается в литературе, замедление и значительные сложности в регулятивной деятельности ВТО напрямую связаны с правилом консенсуса²². На данный момент членами ВТО является 162 государства, а продолжающийся процесс переговоров о вступлении в ВТО новых государств предполагает ещё большее расширение организации уже в ближайшем будущем²³, что также снижает шансы на достижение консенсуса на уровне ВТО. Согласно меткому замечанию одного из авторов, обратной стороной требования консенсуса является то, что оно представляет собой готовый рецепт для тупика, патовой ситуации и паралича²⁴.

Сложившаяся ситуация с разработкой и принятием новых универсальных норм на уровне ВТО вынудила государства самостоятельно решать вопросы дальнейшей либерализации мировой торговли уже на региональном уровне. В рамках РТС процесс достижения согласия оказался эффективнее из-за, как правило, небольшого числа государств-участников и отсутствия в РТС «пакетного» подхода, принятого в ВТО²⁵. Именно поэтому в 2006 г. после безуспешного этапа переговоров в рамках Дохийского раунда Комиссия Европейского Союза в лице П. Мандельсона, члена Комиссии, курирующего торговую политику, заявила, что ЕС будет реализовывать политику двусторонних торговых соглашений как часть общей глобальной стратегии по повышению своей конкурентоспособности²⁶. После чего в конце 2006 года Комиссия ЕС заявила о начале двусторонних торговых переговоров с Индией, Южной Кореей, странами АСЕАН и Андского Сообщества, указав, что двусторонний подход позволит Европейскому Союзу проводить дальнейшую

²¹ Zampetti A., Low P., Mavroidis P. Consensus Decision-Making and Legislative Inertia at the WTO: Can International Law Help? // *Journal of World Trade*. 2022. Vol.56. No.1. P. 4.

²² Jackson J. The Perils of Globalization and the World Trading System // *Fordham International Law Journal*, 2000, Vol. 24. No. 1. P. 379.

²³ Leal-Arcas R. Proliferation of Regional Trade Agreements: Complementing or Supplanting Multilateralism? // *Chicago Journal of International Law*. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 628.

²⁴ Jackson J. Op. cit. P. 380.

²⁵ Cho S. Defragmenting World Trade // *Northwestern Journal of International Law & Business*. 2006. Vol. 27. Issue 1. P. 41.

²⁶ Mandelson P. EU Trade Commissioner, Speech at the London School of Economics: Bilateral Agreements in EU Trade Policy. Oct. 9. 2006. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_06_574 (дата обращения: 01.11.2024).

либерализацию тарифов, лучше рассматривать нетарифные меры и установить равные условия с для конкуренции с нашими конкурентами на главных рынках²⁷.

Кроме того, практика показала, что в РТС можно предусмотреть более строгие, чем на уровне ВТО, обязательства (ВТО-плюс), либо согласовать новые, в ВТО еще не принятые (ВТО-экстра). В целом можно сказать, что РТС, в отличие от тех же соглашений ВТО, отличаются гибкостью в отношении своего содержания²⁸.

Ещё одной привлекательной чертой РТС является то, что РТС предполагают введение льгот, согласуемых между собой ограниченным числом стран, в то время как на уровне ВТО эти льготы необходимо будет распространить на все государства — члены ВТО. Это открывает широкие возможности для выдвижения дополнительных требований, в том числе и политического характера, к государствам, желающим вступить в такое соглашения, особенно если речь идёт о льготном для них доступе на такие привлекательные рынки как США и ЕС.

Исследователи выделяют несколько причин такого количественного и качественного роста РТС.

Исследователи отмечают, что распространение РТС снижает желание государств успешно завершить многосторонние переговоры на универсальном уровне (например, уже упомянутый Дохийский раунд)²⁹. Нынешнее распространение РТС также негативно влияет на прозрачность в многосторонней торговой системе и её правилах, поскольку неясно, какие именно государства заключают друг с другом соглашения и какого рода льготы в них предусмотрены, учитывая, что «все заключают РТС со всеми»³⁰,

²⁷ Commission of the European Communities. Global Europe: Competing in the World. A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. COM (2006) 567 final. Oct. 4, 2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006DC0567> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁸ Powell S.J., Low T. Is the WTO Quietly Fading Away?: The New Regionalism and Global Trade Rules // Georgetown Journal of Law & Public Policy. 2011. Vol. 9. P. 269.

²⁹ См.: Leal-Arcas R. Op. cit. P. 624.

³⁰ Ibid.

что усугубляется многочисленными отказами государств уведомлять ВТО о заключённых РТС. Увеличение количества РТС, вытесняющих многосторонние торговые переговоры в качестве альтернативного способа либерализации мировой торговли, получило в литературе название «эффект “миски спагетти”» (англ.: *spaghetti bowl effect*)³¹. Дело в том, что соединив на карте страны, между которыми заключены РТС (каждое со своими правилами и тарифами), можно заметить, что карта похожа на тарелку спагетти³².

Заключение РТС помогает странам интегрироваться в многостороннюю торговую систему, но в то же время данные соглашения представляют собой фундаментальный отход от принципа наибольшего благоприятствования. Данный принцип является основополагающим для деятельности ВТО и обязывает государства-члены безоговорочно предоставлять друг другу любые льготы и привилегии, влияющие на таможенные пошлины, сборы, правила и процедуры, которые они предоставляют товарам, происходящим из любого другого государства-члена или предназначенным для него. РТС же по определению предоставляют преференциальный режим только государствам –участникам таких соглашений, являясь в этом случае исключением из принципа наибольшего благоприятствования³³.

1.2. Проблема соотношения норм ВТО и региональных торговых соглашений

Проблема соотношения норм РТС и норм соглашений ВТО является одной из наиболее актуальных в современной повестке ВТО. Эксперты выделяют как минимум три аспекта указанной проблемы: коллизии норм

³¹ Этот термин ввел американский экономист Джагдиш Бхагвати. См.: Bhagwati J. US Trade Policy: The Infatuation with FTAs. April 1995. Discussion Paper Series No. 726. P. 4. URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8CN7BFM> (дата обращения: 10.12.2023).

³² Lee S.L., Park K.S., Seo Y. Multinational Firm's Production Decisions under Overlapping Free Trade Agreements: Rule of Origin Requirements and Environmental Regulation // Sustainability. 2016. Vol. 9. P. 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/312250411_Multinational_Firm's_Production_Decisions_under_Overlapping_Free_Trade_Agreements_Rule_of_Origin_Requirements_and_Environmental_Regulation. (дата обращения: 10.12.2023).

³³ Leal-Arcas R. Op. cit. P. 602.

(англ.: *conflict of law*) РТС и положений соглашений ВТО и пути их разрешения, конкуренция юрисдикций (англ.: *conflict of jurisdiction*) ОРС ВТО и региональных механизмов разрешения споров, а также место соглашений ВТО и РТС в международной торговой системе³⁴. Ряд авторов прямо указывает на, по их мнению, «институциональный конфликт» между ВТО и многочисленными РТС, как одну из причин серьёзного замедления регуляторного процесса на уровне ВТО³⁵.

Однако анализ проблемы соотношения норм ВТО и норм РТС, на наш взгляд, невозможен без характеристики особенностей норм ВТО. Право ВТО (или правопорядок ВТО) при всей дискуссионности этих терминов несомненно является частью международного права. Тем не менее правопорядок ВТО обладает рядом отличительных особенностей. В первую очередь к таким особенностям относится порядок принятия решений, включая порядок изменения соглашений, заключенных в рамках ВТО. Еще в ходе Уругвайского раунда международных торговых переговоров на стадии обсуждения проектов соглашений ВТО государства согласились исходить из того, что эти соглашения будут представлять собой *Single Undertaking*, то есть одно целое³⁶. В литературе рассматривается в качестве похожего примера разработка единого согласованного текста (*Single Negotiating Text*), который был использован при согласовании текста Конвенции ООН по морскому праву 1982 года³⁷. Правда, при этом отмечается, что такие сравнения носят условный характер, в силу того, что эта Конвенция была подписана в 1982 году, однако

³⁴ Комендантов С.В. Соглашения о свободной торговле ЕАЭС и его государств-членов с третьими государствами: эволюция, реализация и перспективы // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. No. 7. URL: <https://inter-legal.ru/soglasheniya-o-svobodnoj-torgovle-eaes-i-ego-gosudarstv-chlenov-s-tretimi-gosudarstvami-evolyutsiya-realizatsiya-i-perspektivy> (дата обращения: 15.12.23).

³⁵ Picker C. Regional Trade Agreements v. the WTO: A Proposal for Reform of Article XXIV to Counter this Institutional Threat // University of Pennsylvania Journal of International Law. 2005. Vol. 26. No. 2. P. 318.

³⁶ Wolfe R. The WTO Single Undertaking as Negotiating Technique and Constitutive Metaphor // Journal of International Economic Law. 2009. Vol. 12. No. 4. P. 835; Mendoza M.R., Wilke M. Revisiting the single undertaking: towards a more balanced approach to WTO negotiations // Making Global Trade Governance Work for Development: Perspectives and Priorities from Developing Countries / Deere-Birkbeck C. (eds.). Cambridge University Press. 2011. P. 486.

³⁷ Conference Report, The Third United Nations Law of the Sea Conference: The Current Status and the Informal Single Negotiating Text // Case Western Reserve Journal of International Law. 1976. Vol. 8. P. 35-40.

вступила в силу только в 1994 году после получения 60-й ратификации, при этом многие государства обусловили свои ратификации многочисленными заявлениями и оговорками³⁸. В целом использованный при разработке текста Конвенции подход «Единого согласованного текста» был признан в литературе «полезным переговорным инструментом», который однако оказал мало влияния на процесс ратификации Конвенции и никакого влияния на создание соответствующих *acquis* этого международного договора³⁹. При этом в ВТО благодаря подходу *Single Undertaking* соглашение о создании ВТО было подписано в апреле 1994 года и вступило в силу 1 января 1995 года, а все 125 государств-членов ГАТТ стали первоначальными членами ВТО. С другой стороны, в доктрине используемая в ВТО техника переговоров сравнивается со сложным переговорным процессом в ЕС, где каждая страна имеет право вето при обсуждении изменений в учредительные договоры и часто используется принцип изменяемой геометрии, однако такой подход более характерен не для ВТО, а для ГАТТ с его плюратеральными кодексами⁴⁰. Поэтому можно согласиться с высказанным с мнением о том, что концепция «*Single Undertaking*» нужно рассматривать как инструмент проведения сложных многосторонних переговоров, не имеющий аналогов в международной практике⁴¹.

Кроме того, подход «*Single Undertaking*» позволяет сохранить *acquis* ВТО⁴², под которым понимается совокупность накопленных в рамках ВТО нормативных актов и решений органов ВТО, а также доклады третейских групп и Апелляционного органа, которая должна быть полностью воспринята

³⁸ Wolfe R. Op.cit. . P. 842.

³⁹ Wolfe R. Op. cit. P. 842.

⁴⁰ Van Grastek G., Sauvé P. The Consistency of WTO Rules: Can the Single Undertaking Be Squared with Variable Geometry? // Journal of International Economic Law. 2006. Vol. 9. No. 4. P. 839.

⁴¹ Wolfe R. Op. cit. P. 837.

⁴² В отечественной литературе отмечается, что термин “*aquis*” появился в ЕС и долгое время был ассоциирован исключительно с Европейским союзом, однако со временем был заимствован другими международными организациями включая ВТО. Исполинов А. С. Концепция *acquis communautaire* в праве ЕС // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. No. 5. С. 68–88. О ВТО *acquis* говорит в своих исследования Д.С. Боклан См.: Boklan D., Starshinova O., Bahri A. Joint Statement Initiatives: A Legitimate End to ‘Until Everything is Agreed’? // Journal of World Trade. 2023. Vol. 57. No. 2. P. 360.

государствами, вступающими в ВТО⁴³. Накопленные в рамках ГАТТ *acquis* были аккумулированы и перенесены в практику ВТО на основании ст. XVI Соглашения о создании ВТО, согласно которой ВТО руководствуется решениями, процедурами и обычной практикой ГАТТ 1947 года и сегодня включают в себя все соглашения ВТО в их толковании различными комитетами ВТО и ОРС ВТО, при этом государства-члены ВТО не могут выбрать что-либо из них по собственному усмотрению или сделать к ним какие-либо оговорки, что подразумевает применение государствами-членами ВТО всех соглашений в отношении всех других членов ВТО⁴⁴.

В этом отношении можно привести слова третьей группы в деле Korea - Certain Dairy Products, где группа отметила, что Соглашение ВТО является *Single Undertaking*, а следовательно, все обязательства в рамках ВТО являются совокупными по своей природе, и государства-члены ВТО должны всех их соблюдать одновременно⁴⁵.

На практике такой подход означает, во-первых, отсутствие возможности для государств присоединяться или подписывать соглашения ВТО по собственному выбору (подписание Соглашения о создании ВТО означает взятие на себя обязательств по всем охваченным им соглашениям). Во-вторых, такой подход означал (по крайней мере, до недавнего времени) также отсутствие возможности вносить изменения только в одно соглашение (буквально - ничего не считается согласованным до тех пор, пока все не будет согласовано - *Nothing is agreed until everything is agreed*)⁴⁶. Для внесения изменений в конкретное соглашение необходимо найти консенсус в отношении изменений в тексты других охваченных соглашений.

Сторонники продолжения применения концепции *Single Undertaking* в ВТО настаивают, что она позволяет каждому государству иметь право голоса

⁴³ Wolfe R. Op. cit. P.843.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ WTO Panel report. Korea - Definite Safeguard Measure on Imports of Certain Dairy Products. WT/DS98/R. 21 June 1999. §. 7.38.

⁴⁶ Boklan D., Starshinova O., Bahri A. Joint Statement Initiatives: A Legitimate End to 'Until Everything is Agreed'? // Journal of World Trade. 2023. Vol. 57. No. 2. P. 358.

и право вето в ходе эволюции системы ВТО, уменьшая тем самым риски проявления иерархичности среди государств-членов ВТО⁴⁷.

Однако за последнее время все громче звучат голоса критиков, которые отмечают, что нормотворческая функция в ВТО серьёзно осложнена «одним конституционным дефектом», а именно ожиданиями, а во многих случаях нормативными требованиями консенсуса при принятии решений, что ограничивает возможность ВТО принимать критически важные решения в силу того, что достижение консенсуса среди всех членов ВТО требует много времени, если он вообще может быть достижим⁴⁸. Одобренное консенсусом в 2022 году Соглашение по рыболовным субсидиям (*Agreement on Fisheries Subsidies*) стало всего лишь вторым многосторонним соглашением на уровне ВТО, принятым с 1995 года.

В этих условиях критики говорят о целесообразности перехода к новому порядку принятия решений, при котором решение принимается теми государствами, которые хотят видеть развитие ВТО в этом направлении, в противном случае при отсутствии альтернативы консенсуальному принятию решений, необходимые правила все же будут приняты, но уже за пределами ВТО, что может привести к фрагментации регулирования мировой торговли⁴⁹. Очевидно, что речь идёт как раз о различного рода РТС. В этом отношении внимание, в том числе и в отечественной литературе, предлагается обратить на практику так называемых «совместных инициатив», как одной из возможных альтернатив правилу принятия решений в ВТО консенсусом⁵⁰.

Именно принятие решений консенсусом как часть общего подхода к соглашениям ВТО как к *Single Undertaking* дало основание Комиссии международного права ООН (далее – КМП ООН) в своем докладе о

⁴⁷ Wolfe R. Op. cit. P. 850-851.

⁴⁸ Zampetti A., Low P., Mavroidis P. Consensus Decision-Making and Legislative Inertia at the WTO: Can International Law Help? // Journal of World Trade. 2022. Vol.56. no 1. P. 2. О критике правила консенсуса в ВТО в отечественной и зарубежной литературе также см. Boklan D., Bahri A. The WTO's Collapsing Judicial and Legislative Wings: Is 'Consensus' the Real Elephant in the Room? // Global Trade and Customs Journal. 2022, Vol. 17. Issue 2. P. 81-90; Guan W. Consensus Yet Not Consented: A Critique of the WTO Decision-Making by Consensus // Journal of International Economic Law. 2014. Vol. 17. No. 1. P.77-104.

⁴⁹ Boklan D., Starshinova O., Bahri A. Op. cit. P. 341.

⁵⁰ Boklan D., Starshinova O., Bahri A. Op. cit. P. 359.

фрагментации международного права, в котором несколько страниц посвящено особенностям правопорядка ВТО, отнести его к так называемым специализированным (автономным) режимам (*self-contained regimes*)⁵¹.

КМП ООН выделяет ряд других особенностей правопорядка ВТО, включая специфику применимого права при разрешении споров, которое ограничено только соглашениями ВТО, а нормы других международных соглашений, в которых участвуют государства-члены ВТО, должны лишь приниматься во внимание⁵². Кроме того, отдельно среди специфических черт правопорядка ВТО КМП ООН выделяет техники толкования норм права ВТО, используемые третейскими группами и Апелляционным органом⁵³.

Еще одной особенностью правопорядка ВТО является наличие собственного обладающего спецификой механизма разрешения споров между государствами-членами ВТО. Специфика этого механизма состоит в том, что он сочетает в себе дипломатические и судебные черты. К первым можно отнести то, что третейские группы и Апелляционный орган не выносят решения, как в суде или в арбитраже, а представляют доклады, которые потом утверждаются всеми государствами-членами ВТО. В самих докладах содержатся лишь рекомендации государству, нарушившему свои обязательства по праву ВТО, исправить установленные нарушения, в отличие от обязательных для исполнения судебных или арбитражных решений. К числу судебных черт можно отнести фактически обязательную юрисдикцию ОРС ВТО по спорам и процедуру рассмотрения спора третейскими группами и Апелляционным органом, которая близка к судебной состязательной процедуре. Кроме того, порядок формирования третейских групп похож на порядок создания арбитражных трибуналов, а порядок формирования Апелляционного органа похож на порядок учреждения международных судов.

⁵¹ ILC. Report of the Study Group of the International Law Commission. Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law. A/CN.4/L.682. §165–171. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

⁵² ILC. Fragmentation report. § 444.

⁵³ ILC. Fragmentation report. § 450.

Отдельно можно указать на рассмотренный ниже подход ВТО к возможности для государств-членов создавать региональные объединения в той же сфере, что и ВТО, предусмотренный статьёй XXIV ГАТТ и имеющий самое непосредственное отношение к настоящему исследованию.

В целом можно сделать вывод о том, что несмотря на специфический характер правопорядка ВТО, он все равно остаётся подсистемой международного права, что подтверждается тем, что сам Апелляционный орган активно использует для целей толкования положений соглашений ВТО правила толкования, изложенные в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Кроме того, с точки зрения Апелляционного органа, нормы соглашений ВТО не могут быть истолкованы в клинической изоляции от публичного международного права⁵⁴.

В этом отношении по-прежнему очень дискуссионной остается проблема соотношения норм ВТО и положений различных РТС, анализу которой посвящены многочисленные публикации как отечественных, так и зарубежных авторов⁵⁵. При этом в зарубежной литературе можно выделить две группы авторов, предлагающих взаимоисключающие объяснения по

⁵⁴ WTO Appellate Body Report. United States — Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 29 April 1996. P. 17.

⁵⁵ Среди наиболее известных можно отметить такие работы как Petersmann E.-U. The WTO and Regional Trade Agreements as Competing Fora for Constitutional Reforms: Trade and Human Rights // *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System* / Bartels, L., Ortino, F. (eds.). Oxford University Press. 2006. P. 281–312; Pauwelyn J, Alschner W. Forget about the WTO: The network of relations between PTAs and double PTAs // *Trade cooperation : the purpose, design and effects of preferential trade agreement* / Dür A, Elsig M, (eds.). Cambridge University Press. 2015. P. 497-532. Pauwelyn J. A Typology of Multilateral Treaty Obligations: Are WTO Obligations Bilateral or Collective in Nature? // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. No. 5. P. 907-951; Devuyt Y. Serdarevic, A. The World Trade Organization and Regional Trade Agreements: Bridging the Constitutional Credibility Gap // *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2007. Vol. 18. No. 1. P. 1-75; Cho S. Breaking the Barrier between Regionalism and Multilateralism: A New Perspective on Trade Regionalism // *Harvard International Law Journal*. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 419-465; Langille J. Neither Constitution nor Contract: Understanding the WTO by Examining the Legal Limits on Contracting Out Through Regional Trade Agreements // *New York University Law Review*. 2011. Vol. 86. No. 5. P. 1482-1518; Dunoff J. Why Constitutionalism Now?: Text, Context and the Historical Contingency of Ideas // *Journal of International Law & International Relations*, 2005, Vol. 1. No. 1-2 P.191-212; Jackson J. The Perils of Globalization and the World Trading System // *Fordham International Law Journal*. 2000, Vol. 24. Issue 1. P. 371-382; Cottier T. Foltea M. Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreements // *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System* / Bartels L., Ortino F. (eds). Oxford University Press. 2006. P. 43-76; Marceau G. The primacy of the WTO dispute settlement system // *Questions of International Law*. Vol. 23. 2015. P. 3-13; Matsushita M., Lee Y.S. Proliferation of Free Trade Agreements and Some Systemic Issues - In Relation to the WTO Disciplines and Development Perspectives // *The Law and Development Review*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 23-50; Picker C. Regional Trade Agreements v. the WTO: A Proposal for Reform of Article XXIV to Counter this Institutional Threat // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2005. Vol. 26. No. 2. P. 267-319; Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. No. 2. С. 223–236.

вопросу соотношения норм ВТО и правил РТС. Авторы, входящие в первую группу (условно можно назвать их конституционалисты), исходят из того, что Соглашение о создании ВТО является своего рода конституцией, обладающей в силу этого верховенством над всеми положениями любых РТС.

К наиболее авторитетным сторонникам этой точки зрения можно отнести Дж. Джексона, который рассматривает Соглашение о создании ВТО как «конституционную хартию, регулирующую международную торговлю»⁵⁶. В этой конструкции ст. XXIV ГАТТ, ст. V ГАТС и Разрешительная оговорка рассматриваются как устанавливающие многосторонние конституционные пределы, в рамках которых могут действовать государства-члены ВТО при создании ими РТС⁵⁷. В свою очередь, Е.-Ю. Петерсман утверждает, что нормы ВТО носят конституционный характер по отношению к нормам РТС в том смысле, что они являются «высшей формой права международной торговли», и в силу этого эти нормы не могут быть нарушены, и от них нельзя отойти⁵⁸. По мнению других авторов из группы конституционалистов, в результате устанавливается вертикальный (иерархический) режим, в котором обязательства, вытекающие из норм ВТО, имеют приоритет перед другими обязательствами, и обязательства, вытекающие из норм ВТО нельзя изменить или от них отойти на основе соглашения между отдельными государствами-членами ВТО⁵⁹.

Из этого вытекает, что те РТС, которые противоречат положениям ВТО, должны рассматриваться как недействительные *ab initio*, то есть с момента их заключения, либо нарушающие международно-правовые обязательства, вытекающие из соглашений ВТО, и поэтому влекущие международно-правовую ответственность для государств, заключивших такие РТС⁶⁰. Именно

⁵⁶ Jackson J. Op. cit. P. 375.

⁵⁷ Devuyst Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 4-5.

⁵⁸ Petersmann E.-U. The WTO and Regional Trade Agreements as Competing Fora for Constitutional Reforms: Trade and Human Rights // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / Bartels, L., Ortino, F. (eds.). Oxford University Press. 2006. P.

⁵⁹ Langille J. Op. cit. P. 1493.

⁶⁰ Devuyst Y., Serdarevic A. op.cit. P. 6.

в рамках такого конституционного подхода, исходящего из приоритета норм ВТО, предполагается реформировать путем усиления регулирования сегодняшнюю достаточно слабую и неэффективную систему контроля в ВТО над создаваемыми государствами РТС⁶¹. В отечественной науке этой точки зрения придерживается Д. Видус, утверждающий в своей статье, что «любое соглашение о таможенном союзе, зоне свободной торговли или временное соглашение, вступившее в силу без предварительного согласия Комитета по региональным торговым соглашениям, считается недействительным»⁶². Однако, на наш взгляд, можно согласиться с мнением реалистов, которые критикуют конституционалистский подход к РТС, указывая, что его применение рискует обернуться увеличением разрыва между возможностями ВТО и ожиданиями, который несёт в себе подход к нормам ВТО как к конституционным положениям⁶³.

Сторонники второй точки зрения оспаривают утверждения о конституционном характере норм Соглашения о создании ВТО, утверждая, что для таких предположений нет эмпирической основы⁶⁴. Так, Ю. Пауэллин говорит, что обязательства по праву ВТО не носят коллективный характер и представляют собой совокупность двусторонних обязательств между государствами членами ВТО, которые можно изменять и дополнять путем заключения отдельного соглашения между отдельными странами-членами ВТО⁶⁵. Он же указывает на то, что иерархичный характер норм ВТО по отношению к нормам РТС явно преувеличен, так как ст. XXIV ГАТТ, ст. V ГАТС и Разрешительная оговорка ничего не говорят о запрете РТС или об их недействительности в случае нарушения этих статей, а только контролируют

⁶¹ Cottier T. Foltea M. Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreements // *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System* / Bartels L., Ortino F. (eds). Oxford University Press. 2006. P. 67.

⁶² Видус Д. Э. Некоторые проблемы деятельности Комитета по региональным торговым соглашениям // *Международное право и международные организации*. 2019. № 1. С. 43.

⁶³ Devuyst Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 6.

⁶⁴ Dunoff J. Why Constitutionalism Now?: Text, Context and the Historical Contingency of Ideas // *Journal of International Law & International Relations*. 2005. Vol. 1. No. 1-2. P. 197-198.

⁶⁵ Pauwelyn J. A Typology of Multilateral Treaty Obligations: Are WTO Obligations Bilateral or Collective in Nature? // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. No. 5. P. 908.

недискриминационный характер этих соглашений по отношению к третьим странам⁶⁶. Приводя в качестве примера Соглашение НАФТА, он отмечает, что в том случае, если применительно к этому соглашению будет установлено нарушение требований ст. XXIV ГАТТ, это не будет означать, что действие НАФТА должно быть прекращено или само соглашение будет являться недействительным, а лишь будет предполагать невозможность сослаться на это соглашение для оправдания преференций, предоставленных, например, США, Канаде, а не Европейскому Союзу⁶⁷.

Говоря о проблеме соотношения норм ВТО и положений различных РТС, можно также отдельно отметить высказанное в отечественной литературе мнение Д.С. Боклан, которая при рассмотрении этого вопроса на примере Договора о ЕАЭС пришла к выводу о том, что в случае противоречия нормы соглашения ВТО и нормы Договора о ЕАЭС должна применяться норма соглашения ВТО⁶⁸. На это явным образом указывает Протокол о функционировании Евразийского экономического союза в рамках многосторонней торговой системы (приложение N 31 к Договору о Евразийском экономическом союзе) (Астана, 29 мая 2014 г.), где отмечается, что положения Соглашения ВТО имеют приоритет над соответствующими положениями международных договоров, заключенных в рамках Таможенного союза и ЕАЭС, и решений, принятых его органами. При этом, по ее мнению, сами ст. XXIV ГАТТ и ст. V ГАТС не рассматривают РТС как изменяющие соглашения ВТО, а говорят о допустимых, правомерных исключениях, т.е. случаях, когда государства-члены ВТО имеют право отступать от положений ГАТТ и ГАТС, причем при соблюдении определенных условий, обозначенных в этих статьях⁶⁹.

⁶⁶ Pauwelyn J, Alschner W. Op. cit. P. 498-499.

⁶⁷ Pauwelyn J, Alschner W. Op. cit. P. 499.

⁶⁸ Боклан Д.С. Указ. соч. С. 227.

⁶⁹ Боклан Д.С. Указ. соч. С. 227.

Обобщая рассмотрение вопросов соотношения норм ВТО и норм различных РТС, необходимо еще раз подчеркнуть, что в отсутствие прямого разрешения этой проблемы на уровне самой ВТО (или в тексте самых РТС, как это было сделано в случае в Договором о ЕАЭС), подобная неразрешенность создаёт значительную правовую неопределенность на практике. В доктрине высказаны предложения о конституционалистском подходе к этому вопросу, при котором нормы ВТО заведомо имеют приоритет перед положениями РТС, что подразумевает недействительность норм РТС в случае их противоречия с нормами ВТО. Однако, на наш взгляд, такие идеи смотрятся мало реалистичными в силу масштабности распространения РТС и очевидного нежелания самих государств следовать этому подходу. Представляется, что более близким к уже существующей современной практике государств можно расценивать высказанное предложение считать нормы каждого регионального торгового соглашения как *lex specialis* по отношению к нормам ВТО в отсутствие явного указания об обратном в тексте данного РТС.

1.3. Контрольные механизмы в статьях XXIV ГАТТ и V ГАТС и их практическое применение

Сегодня на уровне ВТО правовое регулирование создания РТС представлено несколькими положениями соглашений ВТО. В первую очередь к ним относятся статья XXIV ГАТТ и статья V Генерального соглашения по торговле услугами⁷⁰ (далее – ГАТС). В случае РТС, заключаемых между наименее развитыми государствами, эти вопросы регулируются Решением государств-участников ГАТТ от 28 ноября 1979 года о дифференцированном и более благоприятном режиме, взаимности и более полном участии развивающихся стран (так называемая «Разрешительная оговорка, англ.:

⁷⁰ Генеральное Соглашение по торговле услугами (ГАТС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров). Марракеш. 15 апреля 1994 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/2541542/> (дата обращения: 25.02.2024).

Enabling clause)⁷¹. Эта оговорка разрешает наименее развитым государствам создавать между собой РТС, отходя при этом от требований ст. XXIV ГАТТ, и лишь при условии направления соответствующего уведомления в секретариат ГАТТ (сейчас в секретариат ВТО). Такое толкование Разрешительной оговорки было подтверждено Секретариатом ВТО в докладе 2007 года, где было отмечено, что единственным требованием к РТС, заключаемым в рамках Разрешительной оговорки, является определенный уровень прозрачности в виде направления государствами-участниками таких РТС уведомления в ВТО⁷². В своем докладе по делу *ЕС – Tariff Preferences* Апелляционный орган указал, что Разрешительная оговорка является составной частью ГАТТ 1994 года и представляет собой исключение из обязательства государств-членов ВТО предоставить остальным государствам режим наибольшего благоприятствования, предусмотренного ст. I.1 ГАТТ 1994 года⁷³.

Из этих контрольных механизмов наибольшую известность получила ст. XXIV ГАТТ как чаще всего применяемая на практике. При этом, как отмечается в литературе, ни одно другое положение ГАТТ не вызывало такой разброс и противоречивость мнений в академическом сообществе как эта статья⁷⁴. Надо отметить, что проблеме толкования и применения ст. XXIV ГАТТ посвящены многочисленные публикации западных исследователей⁷⁵,

⁷¹ Decision on Differential and More Favourable Treatment, Reciprocity and Fuller Participation of Developing Countries. 28 November 1979. GATT document L/4903. BISD 26S/203. Para. 2 (c).

⁷² WTO. World Trade Report 2007: Six Decades of Multilateral Cooperation: What Have We Learnt?. Geneva, 2007 P. 305.

⁷³ WTO Appellate Body Report. European Communities – Conditions for the Granting of Tariff Preferences to Developing Countries. WT/DS246/AB/R. 7 April 2004. § 90.

⁷⁴ Alam S. Islam. N. Op.cit. P. 4; Hilpold P. Regional Integration According to Article XXIV GATT – Between Law and Politic // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. 2003. Vol. 7. P. 224.

⁷⁵ Можно отметить следующие публикации: Alam S. Islam. N. Preferential Trade Agreements and the Scope of GATT Article XXIV, GATS Article V and the Enabling Clause: An Appraisal of GATT/WTO // Netherlands International Law Review. Jurisprudence. 2009. Vol. 56. No. 1. P. 1 – 34; Chase K. Multilateralism Compromised: The Mysterious Origins of GATT Article XXIV // World Trade Review. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 1–30; Hilpold P. Regional Integration According to Article XXIV GATT - Between Law and Politics // Max Planck Yearbook of United Nations Law. 2003. Vol. 7. P. 219-260; Mrázová M., Vines D., Zissimos B. Is the GATT/WTO's Article XXIV bad? // Journal of International Economics. 2013. Vol. 89. Issue. 1. P. 216–232; Picker C. Regional Trade Agreements v. the WTO: A Proposal for Reform of Article XXIV to Counter this Institutional Threat // University of Pennsylvania Journal of International Law. 2005. Vol. 26. No. 2. P. 267-319; Swinbank A. British Perspectives on the GATT Article XXIV Negotiations Following the First EC Enlargement: 'Probably More Important and More Difficult than the Consideration of the Treaty of Rome Itself' // The International History Review. 2023. Vol. 45. No. 5. P. 824-841; Zakir H. Weak Discipline: GATT Article XXIV and the Emerging WTO Jurisprudence on RTAs // North Dakota Law

при этом для отечественных авторов это проблематика остаётся на периферии их интересов. Среди многочисленных негативных оценок можно указать такие как «запредельно эластичная», «необычно сложная», «полная пробелов, двусмысленных и неясных фраз», «неудача, если не фиаско»⁷⁶.

Для того, чтобы понять причину таких резких оценок и логику статьи XXIV ГАТТ, которая к тому же является самой длинной статьёй этого соглашения, необходимо для начала отметить, что эта статья полностью копирует статью XXIV ГАТТ 1947 года, что приводит к необходимости исследовать историю её разработки (вопрос, который до сих пор не освещался в отечественной науке).

Согласно принятой в доктрине до недавнего времени точки зрения, включение в текст ГАТТ 1947 года статьи XXIV, которая разрешала при определённых условиях создание таможенных союзов и зон свободной торговли, являлась своего рода компромиссом между США, с одной стороны, странами Европы и развивающимися странами, с другой. США, с учетом негативного опыта протекционистских торговых войн между двумя мировыми войнам, настаивали на безусловном применении в отношениях между государствами-членами ГАТТ принципа наиболее благоприятствуемой нации, исключающего применение каких-либо торговых преимуществ только для ряда государств, а не для всех участников ГАТТ⁷⁷. Со своей стороны, страны Западной Европы хотели получить исключение из этого принципа для того, чтобы развивать свой региональный интеграционный проект и восстановить разрушенную войной экономику. В свою очередь, развивающиеся страны Латинской Америки и Азии предпочитали сохранить особых торговые отношения с бывшими метрополиям (речь в первую очередь шла о Британском

Review. 2003. Vol. 79. No.4. P. 879-919; Nsour M. Regional Trade Agreements in the Era of Globalization: A Legal Analysis // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. 2008. Vol. 33. No. P. 359-435.

⁷⁶ Chase K. Op. cit. P. 1.

⁷⁷ Devuyt Y. Serdarevic A. Op. cit. P. 16.

Содружестве наций) и считали зоны свободной торговли наиболее подходящей формой для них в отличие от таможенных союзов⁷⁸.

В силу этого статья XXIV ГАТТ долгое время рассматривалась как некая уступка со стороны США, сделанная в ходе переговоров для того, чтобы получить максимально широкую поддержку созданию Международной Торговой Организации⁷⁹. В свою очередь, неизменность уже существовавших во время создания ГАТТ преференциальных соглашений и неприменение к ним ст. XXIV были зафиксировано в пар. 2 ст. I ГАТТ⁸⁰. Однако ставшие доступными в последнее время документы опровергают эту точку зрения и показывают, что инициатива появления ст. XXIV исходила как раз со стороны США, которые в тоже самое время в течение пяти месяцев вели конфиденциальные переговоры с Канадой о создании зоны свободной торговли, для чего требовалось внести соответствующие изменения в тексты проектов ГАТТ и Устава МТО (Гаванская Хартия)⁸¹. Первоначальные проекты Устава МТО содержали достаточно жёсткие формулировки, разрешая только создание региональных таможенных союзов, но даже это могло быть заблокировано другими государствами-членами МТО⁸². Найденный в итоге компромисс, вошедший в финальный текст ГАТТ, позволял государствам-членам ГАТТ создавать не только таможенные союзы, но и зоны свободной торговли, несмотря на то, что переговоры между США и Канадой закончились неудачей, равно как и проект создания МТО⁸³. Именно попытка совместить в рамках одной статьи соглашения столь разнонаправленные интересы привела к появлению объёмного и сложного для понимания текста, который, по словам

⁷⁸ Zakir H. Op. cit. P. 883.

⁷⁹ Langille J. Op. cit. P. 1501.

⁸⁰ Это касалось Британских имперских преференций, преференций в рамках Французского Союза, преференций, выданных странами Бенилюкса и США, преференций между Чили и соседними странами, а также преференций, предоставленных Ливано-сирийским таможенным союзом Палестине и Иордании. Zakir H. Op.cit. P. 882.

⁸¹ Chase K. Op. cit. P. 12.

⁸² Chase K. Op. cit. P. 3.

⁸³ Devuyt Y. Serdarevic, A. Op.cit. P.18.

одного автора, практически сразу стал «источником раздражения и недоумения»⁸⁴.

Как закреплено в пунктах 4 и 5 статьи XXIV ГАТТ, «соответственно, положения настоящего Соглашения не должны препятствовать образованию территориями договаривающихся сторон таможенного союза или зоны свободной торговли, или принятию временного соглашения, необходимого для образования таможенного союза или зоны свободной торговли», при этом «целью таможенного союза или зоны свободной торговли должно быть содействие торговле между составляющими их территориями, а не создание барьеров для торговли других договаривающихся сторон с этими территориями».

Однако ст. XXIV не предоставляет членам ГАТТ/ВТО неограниченное право создавать РТС, что было подтверждено в докладе третьей группы по делу *Turkey's Restrictions on Textile*, где было отмечено, что слово «соответственно», использованное в начале п. 5 ст. XXIV, означает право создавать РТС, но с определенными условиями⁸⁵.

Эти условия были сформулированы в п. 4-9, где предусмотрен ряд материальных и процессуальных требований, предъявляемых к заключаемым государствами-членами ГАТТ соглашениям о зоне свободной торговли и создаваемым таможенным союзам⁸⁶. При этом каждое требование направлено на минимизацию возможного негативного эффекта от создания зон свободной торговли или таможенного союза.

Во-первых, речь идёт о требовании определенного порога внутренней торговли между государствами-участниками соглашения, который будет затронут этим соглашением. В соответствии с п. 8 (a) (i) ст. XXIV «пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли ... отменяются в

⁸⁴ Chase K. Op. cit. P. 1.

⁸⁵ WTO. Panel Report Turkey — Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/R. 31 May 1999. §. 9.105.

⁸⁶ Tegegn Y. AfCFTA's Notification Options to WTO: Enabling Clause or Article XXIV Exception // Mizan Law Review. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 366.

отношении практически всей (“*substantially all*”) торговли между составляющими территориями союза, или, по крайней мере, в отношении **практически всей торговли** товарами, происходящими из этих территорий», в то время как п. 8 (b) устанавливает, что «под зоной свободной торговли понимается группа из двух или более таможенных территорий, в которых отменены пошлины и другие ограничительные меры регулирования торговли... для **практически всей торговли** между составляющими территориями в отношении товаров, происходящих из этих территорий».

Требование о том, что в рамках зоны свободной торговли или таможенного союза должна быть задействована «практически вся» внутренняя торговля между государствами-участниками, имеет свою логику и историю его формулирования в ходе согласования финального текста ст. XXIV. Логика этого требования состоит в исключении возможности заключения государствами соглашения о зоне свободной торговле или о таможенном союзе лишь по ограниченному кругу товаров. Для того чтобы воспользоваться разрешённым в ст. XXIV исключением из принципа наиболее благоприятствуемой нации, государства должны предпринять значительные усилия и в течение определённого разумного срока устранить или в рамках таможенного союза, или зоны свободной торговли практически все барьеры во внутренней торговле, что могло бы как-то компенсировать в глазах всех остальных участников ГАТТ использование этого исключения⁸⁷. Кроме того, предполагалось, что устранение всех барьеров внутри зоны свободной торговли или таможенного союза может повлечь за собой рост мировой торговли в целом за счёт открытия новых рынков для государств-участников такого регионального соглашения⁸⁸.

Как отмечается в литературе, требование о «практически всей торговле» было введено по настоянию США, которые в ходе своих конфиденциальных переговоров с Канадой о создании зоны свободной торговли (совпавшими во

⁸⁷ Langille J. Op. cit. P. 1502.

⁸⁸ Ibid.

времени с переговорами по ГАТТ) не хотели полностью снимать свои ограничения на импорт пшеницы и сезонных фруктов, что в свою очередь требовало определённой гибкости в тексте ст. XXIV ГАТТ⁸⁹.

В пп. 5(a) и 5(b) указанной статьи установлено требование о том, чтобы пошлины в отношении торговли с договаривающимися сторонами, не являющимися участниками таможенного союза или соглашения о зоне свободной торговли, не были в целом более высокими или более ограничительными, чем общее значение пошлин или мер регулирования торговли, применявшихся до образования такого союза или зоны свободной торговли.

В свою очередь, п.6 ст. XXIV касается ситуации, когда государства-члены таможенного союза увеличивают таможенные пошлины в торговле с странами-участниками ГАТТ, но не входящими в таможенный союз. В этом случае заинтересованные стороны должны вступить в переговоры о размере компенсации за такие меры и порядке ее выплаты. Однако такое требование о компенсации не распространяется на зоны свободной торговли.

В п. 7 ст. XXIV предусмотрена обязанность для государств, вступающих в таможенный союз или создающих зону свободной торговли, незамедлительно уведомить об этом всех остальных государств-участников ГАТТ и предоставить им информацию касательно предложенного союза или зоны, достаточную для того, чтобы они могли выработать свою позицию, а также «составить такие доклады и рекомендации для договаривающихся сторон, которые они сочтут необходимыми».

В дальнейшем уже при создании ВТО текст ст. XXIV ГАТТ 1947 г. полностью и без каких-либо изменений был воспроизведён в ст. XXIV ГАТТ 1994 г.

⁸⁹ Devuyst Y. Serdarevic, A. Op. cit. P. 24.

В том, что касается регулирования вопросов РТС в рамках ГАТС, то в соответствии со статьёй V ГАТС это соглашение «не препятствует никому из государств-членов участвовать в или заключать какое-либо соглашение, направленное на либерализацию торговли услугами между сторонами или среди сторон такого соглашения при условии, что такое соглашение:

(a) охватывает существенное число секторов и (b) не допускает дискриминации или устраняет в существенной мере всякую дискриминацию...»

Статья V ГАТС не проводит различия между таможенными союзами и зонами свободной торговли по следующим причинам. Во-первых, услуги не облагаются таможенными пошлинами, и для услуг нет разницы между таможенными союзами или зонами свободной торговли. Во-вторых, либерализация услуг требует более высокого уровня экономической интеграции, чем либерализация товаров. Не все таможенные союзы и зоны свободной торговли предусматривают либерализацию услуг⁹⁰.

Статья V ГАТС и статья XXIV ГАТТ содержат аналогичные условия в отношении РТС, а именно существенный охват торговли и обязательство не повышать общий уровень барьеров в торговле по сравнению с уровнем, применявшимся до принятия РТС. Однако, как отмечается в литературе, практика по применению ст. V ГАТС гораздо менее представительна, чем практика по ст. XXIV ГАТТ, которая существует с 1947 года.⁹¹

В свою очередь, пп. с) пункта 2 указанного выше Решения «Дифференцированный и более благоприятный режим, взаимность и более полное участие развивающихся стран» 1979 года («Разрешительная оговорка») допускает заключение РТС для торговли товарами между наименее развитыми странами⁹² и при этом эти страны освобождаются от соблюдения

⁹⁰ Krajewski M. Services Liberalization in Regional Trade Agreements: Lessons for GATS “Unfinished Business? // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / Bartels, L., Ortino, F. (eds.). Oxford University Press. 2006. P. 178.

⁹¹ Devuyt Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 21.

⁹² Differential and more favourable treatment reciprocity and fuller participation of developing countries. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/enabling1979_e.htm (дата обращения: 25.02.2024).

установленных ст. XXIV ГАТТ требований, за исключением требования о незамедлительном уведомлении о заключённом РТС.

Также, как и п. 4 ст. XXIV ГАТТ, п. 3 Разрешительной оговорки предусматривает, что РТС между развивающимися государствами должны быть направлены на содействие торговле между заключившими их государствами и не создавать барьеры для их торговли с третьими государствами. Кроме того, такие РТС не должны быть препятствием для либерализации торговли на многостороннем уровне. При этом в отличие от ст. XXIV ГАТТ, Разрешительная оговорка ничего не говорит о требовании к объёму затронутой РТС внутренней торговли, разрешая развивающимся государствам уменьшать тарифы в соответствии с некими критериями, которые должны быть предусмотрены странами-членами ВТО (но так и не были конкретизированы)⁹³.

а) Практика применения ст. XXIV ГАТТ до создания ВТО.

Как уже отмечалось выше, финальный текст ст. XXIV оказался очень расплывчатым, что оставило многие вопросы открытыми для различных толкований и сделало, по мнению ряда авторов, эту статью нежизнеспособной с самого начала⁹⁴.

Вплоть до создания ВТО в 1995 г. оценка соответствия РТС, заключаемых государствами-участниками ГАТТ, требованиям, установленным ст. XXIV ГАТТ, проводилась рабочими группами, создаваемыми на *ad hoc* основе другими государствами-участниками ГАТТ, не входящими в эти РТС. В задачу таких рабочих групп входила проверка поступившего РТС в свете положений ГАТТ и подготовка доклада для его последующего утверждения Советом ГАТТ вместе с подготовленными рекомендациями в адрес стран-участников РТС⁹⁵.

Как отмечается в литературе, государства в этот период в целом старались соблюдать требование уведомлять другие государства-участники ГАТТ о

⁹³ Zakir H. Op. cit. P. 902.

⁹⁴ Cho S. Breaking the Barrier between Regionalism and Multilateralism: A New Perspective on Trade Regionalism // Harvard International law journal. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 421.

⁹⁵ Zakir P. Op. cit. P. 902.

создаваемых РТС, однако уже на стадии оценки рабочими группами соблюдения требований ст. XXIV эта процедура показала свои слабые места и по сути оказалась неэффективной⁹⁶. Во многом это связано с тем, что решение рабочей группы по таким вопросам должно быть принято консенсусом. Поэтому, несмотря на то, что рабочие группы были созданы в отношении 115 из 124 РТС, направленных за это время государствами в секретариат ГАТТ, ни одно из проверяемых РТС не было признано нарушающим требования ст. XXIV⁹⁷, а доклады рабочих групп просто содержали перечень вызванных обсуждением вопросов без каких-либо конкретных выводов⁹⁸. Кроме того, зачастую в ГАТТ создавались несколько рабочих групп, одновременно рассматривающие различные РТС, что приводило к фрагментированным подходам при оценке РТС и исключало упорядоченное обсуждение общих для всех РТС дискуссионных вопросов⁹⁹.

В качестве примера отсутствия какого-либо успеха у этой процедуры обычно приводится история с рассмотрением в рамках рабочей группы Договора о создании ЕЭС 1957 г. Рабочая группа и страны-члены ЕЭС так и смогли прийти к согласию о соответствии этого договора требованиям ст. XXIV ГАТТ, ограничившись указанием на то, что «в силу недостаточной информации, не представляется возможным провести проверку»¹⁰⁰. Кроме того, проявленная неготовность стран-членов ГАТТ на решительные шаги в отношении правомерности Договора о ЕЭС и их желание избежать прямой конфронтации создали «проблематичный прецедент» в отношении дальнейшего применения ст. XXIV ГАТТ на практике¹⁰¹.

Как отмечает П. Хилполд, несмотря на дискриминационные условия РТС для государств, не участвующих в них, все полученные Секретариатом ГАТТ РТС получали в итоге поддержку у большинства членов ГАТТ, при этом только

⁹⁶ Langille J. Op. cit. P. 1505.

⁹⁷ Zakir H. Op. cit. P. 903.

⁹⁸ Ibid.

⁹⁹ Devuyt Y., Serdarevic A. Op.cit. P. 45.

¹⁰⁰ Report on Treaty Establishing the European Economic Community, Feb. 1959 GATT B.I.S.D. (7th Supp.) p. 69, 71 (1959).

¹⁰¹ Zakir P. Op. cit. P. 903.

в 5 случаях решения по создаваемым РТС были приняты консенсусом всех членов ГАТТ ¹⁰² (наиболее известным стало доклад рабочей группы по таможенному союзу между Словакией и Чехией¹⁰³).

Одним из первых дискуссионных вопросов при толковании государствами в рамках рабочих групп ст. XXIV стал вопрос о обязательном наличии взаимности между государствами, заключающими РТС при оценке требования о либерализации «практически всей торговли» в данных РТС. В рамках ГАТТ 1947 г. в Секретариат ГАТТ было направлено несколько РТС, которые предоставляли льготы не всем их государствам-участникам, а только ряду из них, что вызвало дискуссии и разногласия в рабочих группах ¹⁰⁴. Наиболее очевидным примером стали Ломейские конвенции, заключенные странами ЕС с государствами Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана, бывшими ранее колониями европейских стран. Все эти конвенции предусматривали только преференции для бывших колоний и не обязывали их предоставить европейским странам аналогичные льготы ¹⁰⁵. В итоге такие односторонние преференциальные соглашения не вызвали негативной реакции и вошли в практику ГАТТ.

Другим дискуссионным вопросом стало толкование рабочими группами слов о либерализации в рамках РТС «практически всей торговли», что могло означать как количественные, так и качественные оценки ¹⁰⁶. Во время рассмотрения Договора о ЕЭС на предмет соответствия ст. XXIV ГАТТ ряд государств членов ЕЭС предлагал исходить из количественных оценок и принять порог в 80% или в 95% как низший предел для «практически всей торговли». Это предложение вызвало разные мнения у членов рабочей группы, где ряд государств предлагал качественный подход, при котором анализ

¹⁰² Hilpold P. Op. cit. P. 236.

¹⁰³ Working Party Report of the Customs Union between the Czech Republic and the Slovak Republic GATT L/ 75011 of 15 July 1993.

¹⁰⁴ Devuyst Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 29-30.

¹⁰⁵ Devuyst Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 29-30.

¹⁰⁶ Matsushita M., Lee Y.S. Proliferation of Free Trade Agreements and Some Systemic Issues - In Relation to the WTO Disciplines and Development Perspectives // The Law and Development Review. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 31-33.

должен проводиться по всем секторам, даже там, где внутренняя торговля носит незначительный масштаб¹⁰⁷.

С другой стороны, применение только качественного подхода было очевидным образом отвергнуто в ходе обсуждения рабочей группой соглашения о создании Европейской Ассоциации свободной торговли (ЕФТА). Это соглашение исключало либерализацию тарифов на продукцию сельского хозяйства, поэтому при обсуждении этого соглашения в рабочей группе ГАТТ страны-члены ЕФТА делали упор на то, что ст. XXIV использует слова «практически вся торговля», а не «торговля практически всеми товарами». Проявившаяся разница во мнениях привела к тому, что рабочая группа не смогла прийти к какому-либо решению¹⁰⁸.

Еще одним так и не решённым вопросом стали положения п. 4 ст. XXIV ГАТТ, говорящие о том, что «целью таможенного союза или зоны свободной торговли должно быть содействие торговле между составляющими их территориями, а не создание барьеров для торговли других договаривающихся сторон с этими территориями», а именно представляют ли собой эти слова отдельное обязательство для государств-участников РТС. В то время как страны-участники РТС настаивали, что эти слова должны рассматриваться как некая преамбула без каких-либо правовых последствий, третьи государства указывали, что это является отдельным обязательством, которое также подлежит проверке вместе со другими требованиями ст. XXIV ГАТТ¹⁰⁹.

Помимо практики токования ст. XXIV ГАТТ рабочими группами, внимания в этом отношении также заслуживают выводы в двух докладах третейских групп (которые так и остались неутверждёнными Советом ГАТТ). В докладе группы 1985 года по делу *EC – Citrus Products*, впервые за всю

¹⁰⁷ Choi W-M., Lee Y-S. Facilitating Preferential Trade Agreements between Developed and Developing Countries: A Case for “Enabling” the Enabling Clause // Minnesota Journal of International Law. 2012. Vol. 21. No. 1. P. 3-4.

¹⁰⁸ Zakir P. Op. Cit. P. 892.

¹⁰⁹ Devuyt Y., Serdarevic A. Op.cit. P. 35.

историю ГАТТ рассматривался вопрос о действительности РТС по основанию ст. XXIV ГАТТ¹¹⁰, однако группа воздержалась от принятия такого решения, отметив отсутствие консенсуса среди стран-членов ГАТТ при оценке ими данного РТС и, как следствие, неопределённости его правового статуса¹¹¹, а также напрямую указав, что анализ соглашений по ст. XXIV ГАТТ является прерогативой государств¹¹².

В деле *ЕЕС – Bananas II*, Европейские Сообщества пытались использовать ст. XXIV ГАТТ в обоснование правомерности своего преференциального режима импорта бананов из стран Африки, бассейна Карибского моря и Тихого океана. В своём также неутверждённом докладе группа не согласилась с этим аргументом ЕЭС, отметив, что ст. XXIV ГАТТ касается только РТС, предусматривающих либерализацию торговли товарами, произведёнными во всех странах-членах данного РТС¹¹³.

В целом можно согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что отсутствие прямого указания в тексте ГАТТ на применение механизма рассмотрения споров в ГАТТ к спорам, вытекающим из ст. XXIV ГАТТ, а также общая «слабость» механизма по рассмотрению споров в ГАТТ стали серьёзным препятствием на пути создания внятной практики рассмотрения споров по ст. XXIV¹¹⁴.

б) Практика применения ст. XXIV после создания ВТО.

В ходе Уругвайского раунда торговых переговоров, который привел к созданию ВТО, ряд государств выражали свою обеспокоенность низкой эффективностью ст. XXIV ГАТТ, предлагая предусмотреть в рамках этой статьи новый механизм контроля за созданием РТС, который был бы также

¹¹⁰ Речь шла о предоставлении со стороны ЕС тарифных преференций в отношении цитрусовых, импортируемых из ряда средиземноморских стран (Алжир, Кипр, Египет, Израиль, Ливан, Мальта, Марокко, Испания, Тунис и Турция).

¹¹¹ Panel Report. European Community – Tariff Treatment on Imports of Citrus Products from Certain Countries in the Mediterranean Region. GATT Doc. L/5776. 7 February 1985.

¹¹² Panel Report. European Community – Tariff Treatment on Imports of Citrus Products from Certain Countries in the Mediterranean Region. GATT Doc. L/5776. 7 February 1985. § 4.15.

¹¹³ Panel Report. EEC – Import Regime for Bananas. GATT Doc. DS38/R. 11 February 1994.

¹¹⁴ Zakir H. Op. cit. P. 904.

уполномочен рассматривать вопросы компенсации третьим странам, чьи интересы оказались затронуты такими РТС¹¹⁵. Итогом развернувшейся дискуссии стало принятие Договорённости в отношении интерпретации ст. XXIV ГАТТ¹¹⁶. В этой Договорённости в параграфе 12 было особо отмечено право любого государства, у которого возникли сомнения по поводу соответствия РТС требованиям ст. XXIV, передать вопрос на рассмотрение ОРС ВТО¹¹⁷.

Усиление контроля на уровне ВТО за создаваемыми РТС предполагалось осуществлять в двух направлениях, а именно в рамках дипломатической модели со стороны самих государств-членов ВТО, а также в рамках Органа по разрешению споров ВТО путём вовлечения в рассмотрение этих вопросов третейских групп и Апелляционного органа.

1) Усиление дипломатического контроля.

В рамках усиления дипломатического контроля за соблюдением требований статьи XXIV ГАТТ Генеральный Совет ВТО создал в 1996 г. специальный Комитет про региональным торговым соглашениям (*Committee on Regional Trade Agreements*), состоящий из представителей всех стран-членов ВТО и призванный (а) заменить собой процесс рассмотрения РТС в *ad hoc* рабочих группах ГАТТ¹¹⁸, (б) принести системность в изучение и толкование различных вопросов, связанных с РТС¹¹⁹. В обязанности Комитета входило рассмотрение поступающих от государств РТС, их оценка и подготовка докладов, которые должны быть утверждены Генеральным Советом ВТО.

¹¹⁵ Alam S., Islam. N. Op. cit. P. 5.

¹¹⁶ Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/10-24_e.htm (дата обращения: 25.11. 2024).

¹¹⁷ Ibid. Para. 12.

¹¹⁸ WTO. Decision of the General Council on 6 February 1996 (WT/L/127). Committee on Regional trade agreements. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/127.pdf (дата обращения: 12.11.24).

¹¹⁹ Nsour M. Regional Trade Agreements in the Era of Globalization: A Legal Analysis // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. 2008. Vol. 33. No. 3. P. 417.

Однако, как показала практика деятельности этого Комитета, государства в первую очередь не всегда соблюдают требование о транспарентности создаваемых РТС. Вследствие того, что п. 7 ст. XXIV не конкретизировал сроки и содержание информации, которую государства должны предоставить в Комитет после создания ими РТС, государства зачастую задерживают направление таких уведомлений или предоставляют неполную информацию, что затрудняет своевременное и адекватное реагирование со стороны Комитета¹²⁰. Более того, не редки случаи отказа государств уведомлять Комитет о созданных ими РТС в отсутствие каких-либо санкций за такое уклонение¹²¹.

С учётом того, что в ВТО в рамках ГАТТ и ГАТС также были созданы Советы для контроля за выполнением государствами своих обязательств, то в случае создания РТС, где регулировались вопросы торговли товарами, уведомление о РТС первоначально направлялось в Совет по торговле товарами (*Council for Trade in Goods*), который был уполномочен рассматривать полученные РТС в рамках своей компетенции и передавать их на рассмотрение Комитета по РТС для оценки соответствия требованиям ст. XXIV ГАТТ. В случае РТС по торговле услугами первоначально уведомление направлялось в Комитет по торговле услугами ГАТС (*Council for Trade in Services*), который при этом оставлял на свое усмотрение вопрос о передаче РТС далее в Комитет по РТС. Ситуация усложнялась тем, что значительная часть РТС создавалась под эгидой Разрешительной оговорки (в данном случае РТС между развивающимися странами), и соответственно уведомление от таких РТС направлялось в Комитет по торговле и развитию (*Committee on Trade and Development (CTD)*)¹²². Это привело к тому, что, например, из 16 действующих таможенных союзов в отношении 8 из них уведомления были направлены в

¹²⁰ Zakir P. Op. cit. P. 899.

¹²¹ WTO. Background Note by the WTO Secretariat. Compendium of Issues Related to Regional Trade Agreements. WTO Doc. TN/RL/W/8/Rev.1. Para. 3. URL: https://jmcti.org/2000round/com/doha/tn/tn_rl_w_008rev1.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

¹²² Devuyt Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 46.

Комитет по РТС¹²³, а остальные 8 были адресованы в Комитет по торговле и развитию¹²⁴. Практика Комитета в ходе первых лет его работы показала, что весь процесс рассмотрения полученных им РТС занимает несколько лет¹²⁵. Кроме того, он оказался неэффективным в силу правила консенсуса при принятии им решений, а также из-за того, что в состав Комитета входят все страны-члены ВТО, включая те государства, которые заключили РТС, находящиеся на рассмотрении этого Комитета. Как отмечает Дж.-А. Кроуфорд, при обсуждении любых РТС в рамках Комитета в защиту РТС всегда выступают заключившие их государства, в то время сомнения в их соответствии ст. XXIV ГАТТ высказывают, как правило, третьи государства¹²⁶.

В ходе переговоров в рамках Дохийского раунда государства-члены ВТО выражали сомнения в эффективности такой системы уведомлений по поводу РТС, предлагая заменить ее уведомлением, направляемым в один орган ВТО¹²⁷. Развернувшаяся дискуссия не получила дальнейшего развития в этом направлении, однако привела к принятию в 2006 г. Генеральным Советом ВТО решения о создании особого Механизма по транспарентности заключаемых государствами РТС (*Transparency Mechanism*)¹²⁸. Как отмечается в литературе, создание Механизма транспарентности РТС показало осознание государствами-членами ВТО невозможности «жесткого» подхода при коллективной оценке создаваемых РТС на предмет их соответствия положениям ВТО и сделанный им выбор в пользу «мягкого подхода», который

¹²³ Caribbean Community (CARICOM); Central American Common Market (CACM); Eurasian Economic Union (EAEU); European Union (EU); EU–Andorra CU; EU–San Marino CU; EU–Turkey CU (EUTCU); South African Customs Union (SACU).

¹²⁴ Andean Community (CAN); Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA); East African Community (EAC); Economic and Monetary Community of Central Africa (CEMAC); Economic Community of West African States (ECOWAS); Gulf Cooperation Council (GCC); Southern Common Market (MERCOSUR); and West African Economic and Monetary Union (WAEMU).

¹²⁵ Crawford J-A. A new Transparency Mechanism for Regional Trade Agreements // Singapore YearBook of International Law. 2007. Vol. 11. P. 135.

¹²⁶ Crawford J-A. Op.cit. P. 135.

¹²⁷ Devuyt Y. Serdarevic, A. op.cit. P.46.

¹²⁸ WTO. Decision of the General Council of 14 December 2006. WTO Doc. WT/L/671. Transparency Mechanism for Regional Trade Agreements.

больше основан на рассмотрении создаваемых РТС, а не на контроле за их созданием¹²⁹.

В соответствии с Механизмом Транспарентности государства-члены ВТО при создании ими РТС должны направлять соответствующее уведомление как можно раньше, как правило, сразу после ратификации заключаемого ими РТС и в любом случае до практического введения преференциального режима между государствами-сторонами РТС¹³⁰. При этом срок рассмотрения направленного в ВТО РТС не должен при обычных условиях превышать один год после получения соответствующего уведомления¹³¹.

Одним из наиболее важных нововведений в процедуру рассмотрения на уровне ВТО создаваемых РТС стало изменение роли Секретариата ВТО в этом процессе. Если раньше Секретариату ВТО отводилась довольно скромная роль при оценке РТС, то после создания Механизма транспарентности Секретариат ВТО стал обязан под свою ответственность и в ходе консультаций со всеми заинтересованными сторонами подготовить фактическую презентацию полученного РТС¹³². Такой шаг получил поддержку в доктрине, где отмечалось, что включение Секретариата ВТО в процесс рассмотрения РТС должно привнести целостность, профессионализм и объективность в процесс оценки торговой политики государств-членов РТС на уровне ВТО¹³³.

С другой стороны, Д. Видус отмечает, что де-юре ни одно РТС не может действовать без одобрения со стороны КРТС¹³⁴. Это может произойти в том случае, если государства, входящие в Комитет, посчитают, что предоставленное на их рассмотрение региональное соглашение не приведет к созданию зоны свободной торговли и таможенного союза, и если стороны

¹²⁹ Crawford J-A. Op.cit. P. 138.

¹³⁰ WTO Transparency Mechanism for RTAs. Para. 3.

¹³¹ WTO Transparency Mechanism for RTAs. Para. 6.

¹³² WTO Transparency Mechanism for RTAs. Annex paras. 2-4.

¹³³ Devuyst Y., Serdarevic A. Op. cit. P. 52.

¹³⁴ Видус, Д. Э. Некоторые проблемы деятельности Комитета по региональным торговым соглашениям // Международное право и международные организации. 2019. № 1. С.. 41-42.

данного РТС не готовы изменить такое соглашение в соответствии с полученными от Комитета рекомендациями. В этом случае стороны РТС обязаны не вводить это соглашение в силу¹³⁵.

Однако из-за того, что все решения на уровне ВТО, включая решения комитетов, принимаются консенсусом, Комитет по РТС не смог принять ни одного доклада по поводу несоответствия какого-либо РТС требованиям ВТО¹³⁶. Кроме того, даже после введения срока для направления уведомления в Комитет, государства зачастую воздерживаются от их соблюдения, направляя уведомление о заключенном РТС уже после создания ими таможенного союза или зоны свободной торговли и избегая тем самым проверки и дискуссии¹³⁷. Таким образом процедура контроля за созданием РТС из предварительной (*ex ante*) превращается де-факто в последующую (*ex post*), что расходится с теми намерениями, которыми руководствовались государства при разработке ими ст. XXIV ГАТТ¹³⁸.

Это упущение признали и сами участники переговоров в рамках Уругвайского раунда¹³⁹. В то время никто не мог предположить масштабов и темпов развития РТС, что на фоне слабости контрольного механизма привело со временем к тому, что статья XXIV ГАТТ стала одной из самых нарушаемых статей ГАТТ¹⁴⁰. Сами государства, заключая различные РТС, очевидно, не опасаются нарушить положения этой статьи, а существующее правило консенсуса делает бессмысленными любые попытки ужесточить контроль за создаваемыми РТС на уровне Комитета¹⁴¹. В доктрине отмечается, что члены ВТО, которые являются одновременно участниками РТС, никогда не рассматривали серьезно Комитет и его процедуры, презюмируя, что созданные

¹³⁵ Видус Д. Э. Указ соч. С. 41.

¹³⁶ Devuyst Y., Serdarevic A. Op.cit. P. 21.

¹³⁷ Cottier T., Foltea M. Op.cit. P. 61.

¹³⁸ Видус Д. Э. Указ. соч. С. 43-44.

¹³⁹ Cottier T., Foltea M. Op.cit. P. 45.

¹⁴⁰ Patterson G. Implications for the GATT and the World Trading System // Free trade areas and US trade policy / Schott, J. J. (ed.). Institute for International Economics. Washington, DC. 1989. P. 361.

¹⁴¹ Gao H., Lim C. Saving the WTO from the Risk of Irrelevance: The WTO Dispute Settlement Mechanism as a 'Common Good' for RTA Disputes // Journal of International Economic Law. 2008. Vol. 11. Issue 4. P. 903.

ими РТС отвечают требованиям ст. XXIV ГАТТ сразу после их создания, а не после их проверки Комитетом¹⁴². При этом П. Хипхолд отмечает, что с учетом многообразия уже заключенных РТС сами государства-члены ВТО понимают опасность усиления контроля за ними со стороны Комитета и не настаивают на этом¹⁴³. Подобная практика заставила одного из авторов признать, что те пределы для создания РТС, которые существуют на бумаге, де-юре по-прежнему действуют, хотя и не применяются на практике¹⁴⁴.

II) Юрисдикционный контроль в ВТО за созданием РТС.

По оценкам исследователей, государства-члены ВТО лишь в очень редких случаях оспаривали соответствие РТС многосторонним правилам торговли в ОРС ВТО¹⁴⁵. В доктрине приводится несколько возможных причин, по которым государства-члены ВТО воздерживаются от оспаривания РТС, заключающиеся в следующем¹⁴⁶: во-первых, все государства-члены ВТО в настоящее время участвуют в самых разнообразных РТС, и никто из государств не видит практической необходимости в уточнении или ужесточении правил в соответствии со статьей XXIV, поскольку это может работать против их собственных интересов; во-вторых, государства-члены ВТО могут не доверять третейским группам принимать обязательные решения по-экономически и политически сложным вопросам соблюдения статьи XXIV; в-третьих, если РТС не либерализует «практически всю» внутреннюю торговлю между государствами-членами РТС и тем самым нарушает статью XXIV, у третьих сторон может не быть стимула оспаривать это несоответствие, поскольку наиболее логичным результатом таких действий будет еще большая дискриминация этих третьих сторон как итог создания РТС, а не меньшая.

¹⁴² Nsour M. Op.cit. P. 419.

¹⁴³ Hilpold P. Op. cit. P. 246.

¹⁴⁴ Langille J. Op.cit. P. 1506.

¹⁴⁵ Mavroidis P. If I Don't Do It, Somebody Else Will (Or Won't): Testing the Compliance of Preferential Trade Agreements With the Multilateral Rules // Journal of World Trade. 2006. Vol. 40. No. 1. P. 187.

¹⁴⁶ Ibid.

Кроме того, в доктрине отмечается еще один не решенный на практике вопрос о возможности параллельного рассмотрения одного и того же РТС в Комитете по РТС и в ОРС ВТО, при котором потенциальный конфликт может проявиться в виде разных решений ОРС и КРТС по одному и тому же вопросу¹⁴⁷. Д. Видус видит решение этой проблемы в установлении правила, согласно которому решения Комитета будут иметь юридическую силу в том случае, если они не оспорены в ОРС ВТО¹⁴⁸.

Вопрос о соответствии РТС праву ВТО лишь однажды оказался на рассмотрении ОРС ВТО, когда в конце 1990-х годов Индия пыталась обжаловать квоты на текстиль, введенные Турцией в результате создания таможенного союза между ЕС и Турцией¹⁴⁹. В сентябре 1963 г. между ЕС и Турцией было заключено соглашение об ассоциации, которое предусматривало также поэтапный переход к таможенному союзу¹⁵⁰. 6 марта 1995 г. Совет по ассоциации между ЕС и Турцией принял решение о переходе к финальной стадии таможенного союза и о введении преимущественно схожей торговой политики в торговле с третьими странами, включая сектор текстиля¹⁵¹. Для целей реализации этого пункта Турцией ввела количественные ограничения на импорт текстильных изделий из Индии по 19 товарным позициям¹⁵².

Созданная по просьбе Индии третейская группа пришла в своем докладе к выводу о том, что введенные Турцией количественные ограничения не соответствовали ст. X и XII ГАТТ, а также ст. 2.4 Соглашения по текстилю и одежде¹⁵³. При этом группа из-за соображений процессуальной экономии не

¹⁴⁷ Mavroidis P. Op.cit. P. 199-201.

¹⁴⁸ Видус Д. Э. Указ соч. С. 43.

¹⁴⁹ WTO DS34. Turkey — Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm .(дата обращения: 18.02.2024).

¹⁵⁰ Agreement establishing an Association between the European Economic Community and Turkey // Official Journal of the European Communities. L 361. Vol. 20. 31 December 1977. P. 29-43.

¹⁵¹ Decision No 1/95 of the EC-Turkey Association Council of 22 December 1995 on implementing the final phase of the Customs Union // Official Journal. L 35. Vol. 39. 13 February. P. 1 – 47.

¹⁵² Zakir H. Op.cit. P. 905.

¹⁵³ WTO. Panel Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/R .31 May 1999. §10.1.

стала рассматривать вопрос соответствия ст. XXIV ГАТТ таможенного союза между ЕС и Турцией¹⁵⁴. Как отмечает П. Хипхолд, третейская группа выбрала прагматичный подход и не стала рассматривать вопросы соответствия таможенного союза требованиям ст. XXIV ГАТТ, исходя из своего понимания, что все эти требования выполнены¹⁵⁵.

В поданной в Апелляционный орган ВТО апелляционной жалобе Турция не стала оспаривать установленные группой нарушения статей ГАТТ и Соглашения по текстилю и одежде, вместо этого утверждая, что группа допустила ошибку, отказавшись рассматривать аргумент Турции о том, что введенные ей ограничения являются оправданными по ст. XXIV ГАТТ. Таким образом, Апелляционный орган подтвердил компетенцию третейских групп рассматривать вопросы правомерности созданных РТС с точки зрения их соответствия ст. XXIV ГАТТ и более того, не установил никаких ограничений для этого¹⁵⁶.

Апелляционный орган, действуя, по мнению ряда авторов, как конституционный суд¹⁵⁷, не согласился с отказом группы исследовать выполнение ст. XXIV ГАТТ, указав в своём докладе, что группы должны эти условия проверять¹⁵⁸. Кроме того, Апелляционный орган признал, что создание таможенного союза или зоны свободной торговли является правом любого государства члена ВТО, но с соблюдением ряда условий¹⁵⁹.

По мнению Апелляционного органа, создание РТС может в принципе рассматриваться как обоснование для принятия меры, противоречащей праву ВТО, при условии, что выполнены требования статьи XXIV ГАТТ¹⁶⁰. Апелляционный орган в данном споре также отметил, что вводная часть п. 5

¹⁵⁴ WTO. Panel Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/R. 31 May 1999., §9.4, 9.208.

¹⁵⁵ Hilpold P. Op.cit. P. 248.

¹⁵⁶ WTO Appellate Body Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/AB/R. 22 October 1999. § 58-60.

¹⁵⁷ Hilpold P. Op.cit. P. 245.

¹⁵⁸ WTO Appellate Body Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/AB/R. 22 October 1999. §. 59.

¹⁵⁹ Hilpold P. Op.cit. P. 249.

¹⁶⁰ WTO Appellate Body Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/AB/R. 22 October 1999. §45.

статьи XXIV ясно дает понять, что статья XXIV может при определённых условиях оправдывать принятие мер, которые несовместимы не только со ст. I ГАТТ, но и с другими положениями соглашений ВТО, и может быть использована в качестве возможного обоснования при обнаружении такого несоответствия¹⁶¹.

Кроме этого, Апелляционный орган установил двухуровневый тест для анализа соответствия оспариваемой меры положениям ГАТТ. Во-первых, следует установить, что созданный государствами таможенный союз или зона свободной торговли полностью соответствуют требованиям ст. XXIV ГАТТ. Во-вторых, оспариваемая мера абсолютно необходима для полноценного создания такого РТС в том смысле, что без оспариваемой меры создание данного РТС было бы невозможно¹⁶².

В литературе отмечается, что, введя критерий необходимости, Апелляционный орган таким образом сместил бремя доказывания в таких делах, при котором уже не третьи страны должны показать, что РТС не соответствует правилам ст. XXVI ГАТТ, а непосредственно государства-члены РТС должны доказать, что созданный ими таможенный союз или зона свободной торговли полностью отвечают указанному выше двухуровневому тесту¹⁶³.

В завершение своих рассуждений Апелляционный орган пришёл к выводу, что Турции не удалось доказать невозможность создания таможенного союза между ЕС и Турцией в том случае, если бы не были приняты оспоренные Индией количественные ограничения¹⁶⁴. Однако при этом Апелляционный орган уклонился от решения вопроса о соответствии созданного ЕС и Турцией таможенного союза ст. XXIV ГАТТ, заявив, что этот вопрос среди прочих должен пока быть оставлен без рассмотрения¹⁶⁵.

¹⁶¹ Ibid.

¹⁶² WTO Appellate Body Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/AB/R. 22 October 1999. § 52.

¹⁶³ Hiphald P. Op.cit. P. 248.

¹⁶⁴ WTO. Appellate Body Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/AB/R. 22 October 1999. § 63.

¹⁶⁵ Ibid. §65.

Другим известным спором в ВТО, где также рассматривались вопросы соответствия РТС правилам ВТО, стал спор *Canada - Measures Affecting Automotive Industry*, который касался беспошлинного ввоза автомобилей определенных производителей на основе специального Соглашения между Канадой и США (Автопакт). Если Япония и ЕС в своей жалобе утверждали, что Канада тем самым нарушила ст. I ГАТТ, то Канада, со своей стороны, заявляла о том, что она создала зону свободной торговли с Мексикой и США (НАФТА), и беспошлинный ввоз в данном случае является исключением из принципа наиболее благоприятствуемой нации, разрешённым статьей XXIV ГАТТ¹⁶⁶.

Третьей группой в своем докладе отметила, что в данном случае беспошлинный ввоз автомобилей был разрешён, помимо Мексики и США, также производителям из других стран, не входивших в НАФТА, что сразу исключало в данном случае применение к оспариваемой мере ст. XXIV ГАТТ¹⁶⁷. Кроме того, группа также отметила, что беспошлинный ввоз был предоставлен не всем автопроизводителям из США, а только некоторым, что это также исключает возможность расценить эту меру как снимающую все пошлины в отношении товаров, произведённых в государствах-членах данного РТС. С учетом этих факторов, группа пришла к выводу, что ст. XXIV ГАТТ не может быть использована как исключения, оправдывающее нарушение ст. I ГАТТ введённой Канадой мерой¹⁶⁸.

Кроме того, в споре *Peru – Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products* Апелляционный орган отметил, что соглашения ВТО содержат конкретные положения, касающиеся поправок, изъятий или исключений для РТС, которые имеют преимущественную силу над общими положениями Венской конвенции о праве международных договоров, такими

¹⁶⁶ WTO. Panel Report. Canada-Certain Measures Affecting the Automotive Industry. WT/DS139/R. WT/DS1442/R. 11 February 2000. § 10.52-10.54.

¹⁶⁷ WTO. Panel Report. Canada-Certain Measures Affecting the Automotive Industry. WT/DS139/R. WT/DS1442/R. 11 February 2000. §.10.55.

¹⁶⁸ WTO. Panel Report. Canada-Certain Measures Affecting the Automotive Industry. WT/DS139/R. WT/DS1442/R. 11 February 2000. § 10.55.

как статья 41, предусматривающая условия, при которых участники многостороннего договора могут заключить соглашение об изменении договора¹⁶⁹. Это особенно верно в случае с соглашениями о зонах свободной торговли с учётом того, что статья XXIV ГАТТ допускает отступления от некоторых правил ВТО в таких соглашениях.

На сегодняшний день очевидно, что ОРС ВТО не станет признавать какое-либо РТС противоречащим праву ВТО. Вопросы соотношения ВТО и РТС должны решать не международные суды, а сами государства. Во всех случаях, когда государства-ответчики ссылались на статью XXIV в качестве обоснования правомерности принятых ими мер, третейские группы и Апелляционный орган делали все возможное, чтобы избежать ответа на эти вопросы.

Значение вертикальных, нисходящих отношений между соглашениями ВТО и РТС, по крайней мере в юридическом плане, на наш взгляд, сильно переоценено. Государства-члены ВТО на самом деле не проверяют и не оспаривают, действительно ли РТС соответствуют статье XXIV ГАТТ, «Разрешительной оговорке» или статье V ГАТС. Кроме того (и это часто упускается из виду), положения соглашений ВТО не запрещают РТС. Они контролируют только те случаи, когда эти соглашения могут быть дискриминационными, то есть предусматривают льготы для сторон РТС, исключая из этого процесса других членов ВТО.

В тех случаях, когда РТС затрагивают вопросы, не охватываемые соглашениями ВТО (так называемые «ВТО-экстра») и не подпадающие под действие одного из положений ВТО о режиме наибольшего благоприятствования – например, вопросы конкуренции, труда, окружающей среды или некоторые аспекты иностранных инвестиций – эти положения РТС даже не подпадают под действие режима наибольшего благоприятствования на уровне ВТО¹⁷⁰.

¹⁶⁹ WTO. Appellate Body Report. Peru – Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products. WT/DS457/AB/R. 20 July 2015. §5.112.

¹⁷⁰ Pauwelyn J., Wolfgang A. Op.cit. P. 501.

Наконец, тот факт, что нормы ВТО, регулирующие создание РТС (как, например, статья XXIV ГАТТ) являются не запретами, а предусматривают исключения из режима наибольшего благоприятствования, также имеет решающее значение для так называемых положений «ВТО-минус» в РТС, то есть тех, где государства-участники РТС разрешали бы в отношениях между собой торговые меры, которые в обычном случае нарушали бы правила ВТО (например, торговые санкции, введённые в ответ на нарушения прав человека, которые нарушили бы статью XI ГАТТ и не могут быть оправданы в соответствии со статьей XX ГАТТ)¹⁷¹. Такие положения «ВТО-минус» оказываются правомерными между сторонами РТС, поскольку такие положения не дают преимуществ (напротив, они допускают больше ограничений). Правила ВТО в отношении режима наибольшего благоприятствования не нарушаются; следовательно, нет необходимости ссылаться (не говоря уже о выполнении всех условий) на исключение статьи XXIV ГАТТ¹⁷².

Таким образом, можно сделать вывод о том, что статья XXIV ГАТТ не выполнила отведённую ей роль, оказавшись слишком громоздкой и неэффективной на практике в силу расплывчатых положений и очевидного нежелания самих государств-членов ВТО толковать и прояснять эти положения в сторону более жёсткого контроля над создаваемыми РТС, а также в силу правила консенсуса при оценке соответствия РТС нормам ВТО. Некоторые процессуальные улучшения в порядок применения на практике ст. XXIV ГАТТ, осуществлённые после появления ВТО в виде создания Комитета по РТС, а также распространение юрисдикции ОРС ВТО на эти вопросы, не привели к коренному изменению сложившейся ситуации. Равно как смотрятся уже запоздалыми и не отвечающими сегодняшним интересам государств предложения о реформировании ст. XXIV ГАТТ в сторону ее ужесточения. На сегодняшний день РТС являются уже устоявшейся и привычной практикой,

¹⁷¹ Ibid. P. 6.

¹⁷² Ibid.

нежели исключением, призванным лишь дополнять универсальное регулирование на уровне ВТО.

Глава 2. Механизмы разрешения споров в РТС

2.1. Типология и эволюция механизмов разрешения споров в РТС

Как отмечается в доктрине, включение положений о порядке разрешения споров стали обязательным условием для заключаемых РТС в силу неизбежности появления у сторон разночтений в отношении объема и сути обязательств, взятых на себя их сторонами¹⁷³. В последнее время появились пока немногочисленные зарубежные исследования, в которых на основе значительного количества эмпирического материала исследуются тенденции развития и предлагаются различные классификации таких механизмов разрешений споров в РТС, а также высказываются предположения, почему государства предпочитают выбирать тот или иной механизм в конкретных случаях.

Так, А. Поргес отмечает, что, несмотря на свободу выбора у участников РТС в отношении конкретных деталей такого механизма, равно как они могут решить вообще от него отказаться в своем соглашении, на практике в РТС используются три вида механизмов разрешения споров, а именно (а) политико-дипломатический механизм, основанный на непосредственных переговорах, (б) постоянно действующий суд (трибунал) и (в) рассмотрение споров арбитражем *ad hoc* по модели третейских групп в ВТО¹⁷⁴. При этом РТС, заключаемые до 1990-х годов XX века, как правило, содержали только дипломатические методы разрешения споров в виде переговоров. Так, все торговые соглашения ЕС с третьими странами, заключённые до начала 2000-х годов, равно как и ранние торговые соглашения в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (англ.: *Association of South East Asian Nations*, ASEAN; далее — АСЕАН), предусматривали переговоры как единственный механизм для разрешения споров¹⁷⁵.

¹⁷³ Porges, A. *Dispute Settlement // Preferential Trade Agreement Policies for Development: A Handbook.* / Chauffour J-P., Maur J-C. (Eds.). Washington D.C. The World Bank. 2011. P. 467.

¹⁷⁴ Porges, A. *Op.cit.* P. 470.

¹⁷⁵ *Ibid.*

Со временем произошло некоторое усложнение используемых в рамках РТС механизмов разрешения споров за счёт появления постоянно действующих апелляционных инстанции¹⁷⁶. Это привело к тому, что предложенная А. Поргес квалификация была модернизирована группой авторов, предложивших во вторую группу отнести все квазисудебные модели разрешения споров, куда входят помимо *ad hoc* арбитражей, рассматривающих спор по первой инстанции, также и механизмы РТС, предусматривающие постоянно действующую апелляционную инстанцию. В свою очередь, третья группа состоит из механизмов разрешения споров, где на уровне первой (часто единственной) инстанции споры рассматриваются постоянно действующим судом¹⁷⁷. При этом в современных РТС наблюдается заметная эволюция в сторону независимых судебных или арбитражных механизмов, в рамках которых выносятся обязательные решения по рассмотренным спорам.

А. Поргес выделяет три ключевые компонента, которые являются обязательными для всех юрисдикционных механизмов разрешения споров в РТС. Во-первых, необходимо предусмотреть наличие и порядок функционирования независимых органов по разрешения споров, пусть и действующих на *ad hoc* основе. Во-вторых, сторонам спора нужны судьи или арбитры, способные компетентно и беспристрастно рассмотреть переданный им спор. В-третьих, эти механизмы должны предусматривать соответствующие правила процедуры, по которым будут рассматриваться споры¹⁷⁸.

1) Политико-дипломатические механизмы.

¹⁷⁶ Апелляционные инстанции, созданные в МЕРКОСУР и АСЕАН, имеют ограниченные возможности по пересмотру решений, вынесенных арбитражами в качестве первой инстанции, рассматривая апелляционные жалобы в отношении применения норм права, а не оценки фактов. При этом у них нет право на возврат дела на новое рассмотрение в первой инстанции.

¹⁷⁷ Chase, C., Yanovich, A., Crawford, J. *Op.cit.* P. 616-617.

¹⁷⁸ Porges, A. *Designing Common but Differentiated Rules for Regional Trade Disputes.* // RTA Exchange. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and the Inter-American Development Bank (IDB). 2018. P. 5.

В эту группу входят следующие используемые в РТС механизмы разрешения споров:

а) РТС, текст которых вообще не содержит положений о порядке разрешения споров.

б) РТС, которые в качестве механизма для разрешения споров предусматривают только переговоры и (или) передачу спора на разрешение политическому органу, состоящему из представителей сторон (например, конференции министров государств-участников). Например, Соглашение ЕАЭС и КНР предусматривает, что любые споры, возникающие в связи с настоящим Соглашением, должны быть урегулированы только путём консультаций с целью достижения взаимоприемлемого решения¹⁷⁹.

в) РТС, которые предусматривают передачу спора на рассмотрение третьей стороны, имеющей право принимать обязательные решения по спору (суд или арбитраж), но при этом у государств – членов таких РТС есть право вето в отношении такой передачи или право заблокировать создание арбитражного трибунала (как в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (*далее* — ГАТТ) до образования ВТО, когда государство-ответчик могло заблокировать создание третейской группы). Именно возможность государства заблокировать такую передачу спора переводит такие механизмы в РТС в разряд политико-дипломатических¹⁸⁰.

2) Квазисудебные модели разрешения споров.

Как уже указывалось выше, абсолютное большинство современных РТС предусматривают в качестве механизма для разрешения споров передачу споров на рассмотрение *ad hoc* панели арбитров, причём некоторые РТС

¹⁷⁹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 года). URL: <https://eec.eaunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy- EAEU-alternate -final.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).

¹⁸⁰ Chase, C., Yanovich, A., Crawford, J. Ugaz P. Op. cit. P. 618.

предусматривают апелляционную инстанцию (в механизмах разрешения споров в МЕРКОСУР и в АСЕАН). Как отмечает М. Трунк-Федорова, механизмы разрешения споров, которые содержатся в современных соглашениях о свободной торговле, основаны на хорошо зарекомендовавшей себя системе рассмотрения дел с помощью третейских групп ВТО, причём в ряде региональных договоров были устранены ставшие очевидными некоторые недоработки механизма ВТО, а также был сделан ряд нововведений, в зависимости от интересов соответствующих договаривающихся сторон¹⁸¹. Тем не менее в целом, отклонения от модели третейских групп ВТО в современных РТС являются относительно редким явлением¹⁸².

При этом соответствующие положения РТС далеки от какого-либо разнообразия, что говорит о разном отношении государств к этим вопросам в зависимости от их опыта в разрешении споров такого рода и различного подхода к разрешению споров арбитражем. Например, в соглашении СЕТА между ЕС и Канадой положения о разрешении споров сгруппированы в Главе 29 (*Dispute settlement*) и состоящей из 19 статей, в которых предусмотрены такие вопросы как порядок формирования арбитражного трибунала, вопросы процедуры, толкования арбитрами текста соглашения, исполнение вынесенных решений, соотношение между этим механизмом и Органом по разрешению споров ВТО (*далее* — ОРС). Соглашение между ЕАЭС и Вьетнамом в главе 14, состоящей из 17 статей, также содержит детальное описание механизма разрешения межгосударственных споров.

Кроме того, современные РТС этой группы могут предусматривать различные процедуры для разного вида споров. Например, в уже упомянутом соглашении между ЕАЭС и Вьетнамом отдельно оговаривается, что эта глава не применяется по спорам, связанным с вопросами госзакупок, электронной коммерции, конкуренции и устойчивого развития (Главы Соглашения с 10 по

¹⁸¹ Трунк-Федорова М.П. Разрешение споров в рамках соглашений о свободной торговле: альтернатива механизму Всемирной торговой организации? // Международное правосудие. 2019. No. 3 (31). С.105.

¹⁸² Chase, C., Yanovich, A., Crawford, J. Ugaz. Op. cit. P. 641.

13 соответственно), которые разрешаются только путем предусмотренных этими главами процедур межгосударственных консультаций. В свою очередь, Соглашение о свободной торговле между ЕС и Кореей в главе 13, где предусмотрены обязательства в сфере устойчивого развития, включая вопросы соблюдения экологических и трудовых стандартов, содержит применительно к спорам по этой главе только политико-дипломатический механизм в виде начала проведения консультаций, а потом передачи спора на рассмотрение создаваемой экспертной группы (англ.: *Review panel*), которая предлагает сторонам свои рекомендации.

Отсутствие каких-либо шаблонов при разработке механизмов рассмотрения споров в различных РТС наглядно иллюстрируется с Соглашением о свободной торговле между Кореей и Канадой (с англ.: *Canada–Korea Free Trade Agreement*). В этом соглашении полномочия панели экспертов по спорам в отношении соблюдения государствами трудовых стандартов включают также оценку денежной компенсации в случае невыполнения одной из сторон соглашения рекомендаций, подготовленных экспертной группой в своем докладе¹⁸³. Причем отдельно стороны этого соглашения договорились о том, что выводы экспертной группы в отношении размера компенсации (с англ.: *Monetary Assessments*) в случае отказа государства-нарушителя добровольно их исполнить будут рассматриваться для целей принудительного взыскания как окончательное решение компетентного суда этой страны¹⁸⁴.

Копируя ВТО, все РТС из этой группы предусматривают стадию обязательных консультаций до передачи спора в *ad hoc* арбитраж и стадию контроля за исполнением принятых арбитражем решений, которая, как правило, повторяет статью 25 Договоренности о разрешении споров ВТО. Например, статья 14.4 Соглашения между ЕАЭС и Вьетнамом предусматривает в случае возникновения разногласий между спорящими

¹⁸³ Free Trade Agreement Between Canada and The Republic of Korea. Annex 18-E. URL: https://sice.oas.org/Trade/CAN_KOR/English/Text_e.asp (дата обращения 23.03.2024).

¹⁸⁴ Ibid. Para. 6.

сторонами по поводу установления разумного срока для исполнения арбитражного решения или корректности его исполнения передачу спора об этом на рассмотрение того же состава арбитров. Кроме того, иногда в РТС данной группы механизмы рассмотрения споров предусматривают создание апелляционной инстанции (как в случае с АСЕАН или МЕРКОСУР).

Комментируя выбор разработчиками региональных торговых соглашений процедуры рассмотрения споров в ВТО в качестве определенного идеала для регионального механизма рассмотрения споров, в литературе отмечается, что это несёт также некоторые риски. На уровне ВТО все расходы по администрированию спора (поддержка Секретариата ВТО, гонорары членам третейской группы и Апелляционного органа) производятся за счет бюджета ВТО, формируемого за счет ежегодных взносов государств — членов ВТО, при этом со сторон спора не взимаются никакие пошлины за ведения спора. Развивающиеся страны могут обращаться в Консультативный центр по праву ВТО (англ.: *Advisory Centre for WTO Law, ACWL*) за юридическими консультациями и помощью в случае возникновения спора. В случае возникновения спора на уровне РТС из этой группы стороны спора оказываются перед необходимостью создания каждый раз и за свой счёт структуры по администрированию спора на одноразовой основе, что влечёт за собой соответствующие административные, финансовые и процедурные проблемы¹⁸⁵. В этом случае администрирование рассмотрения споров в *ad hoc* арбитраже в течение значительного времени может оказаться сложным и непредсказуемо затратным мероприятием для государств — участников регионального торгового соглашения.

3) Судебная модель разрешения споров в РТС

¹⁸⁵ Falls S. Outsourcing FTA Dispute Settlement Administration to Third-Party International Arbitral Institutions: Opportunities and the Role of the Permanent Court of Arbitration // *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 52.

В эту самую немногочисленную группу входят Суд ЕС, Суд ЕАЭС, Суд ЕАСТ, Андский Трибунал и африканские суды субрегиональной интеграции¹⁸⁶. Как правило, создание постоянно действующего суда является обязательным компонентом региональных торговых соглашений в форме таможенного союза (исключением является Суд ЕАСТ, Суд ECOWAS и Трибунал Южноафриканского сообщества развития, которые созданы в рамках соглашений о зонах свободной торговли). Ряд этих судов, в том числе Суд ЕС и Суд ЕАЭС, предусматривают также апелляционную инстанцию. Одним из существенных отличий механизмов разрешения споров из этой группы является предоставление доступа к ним институтам, создаваемым в рамках таких соглашений, а также в той или иной степени частным лицам. Кроме того, такие суды обладают преюдициальной юрисдикцией, то есть правом отвечать на преюдициальные запросы национальных судов государств-членов соответствующего регионального соглашения (за исключением Суда ЕАЭС), а также юрисдикцией по контролю в отношении актов, принимаемых институтами, создаваемыми в рамках такого регионального соглашения (по таким основаниям как превышение своих полномочий и несоответствие учредительным договорам). Наличие постоянно действующего суда со своими правилами процедуры, со своим секретариатом и с назначенными на длительный срок судьями (как правило, от 4 до 9 лет) позволяет государствам преодолеть те организационные проблемы, с которыми сталкиваются государства, решившие использовать механизм *ad hoc* арбитража. Постоянный характер таких региональных судов позволяет также создать устойчивую практику рассмотрения споров, что является трудно достижимым в случае *ad hoc* арбитражей.

¹⁸⁶ Суд COMESA (Common Market for Eastern and Southern Africa) (COMESA), который состоит из суда первой инстанции и из Апелляционной Палаты, Суд Восточно-африканского Сообщества (East African Community), также состоящий из палаты первой инстанции и апелляционной палаты, Суд Экономического Сообщества восточноафриканских государств (Economic Community of West African States), Трибунал Южноафриканского Сообщества Развития (Southern African Development Community), Суд Восточноафриканского экономического и валютного союза (West African Economic and Monetary Union).

2.2. Практика рассмотрения споров в рамках РТС

Ранее проблема одновременного сосуществования юрисдикционных систем ВТО и различного рода РТС активно обсуждалась в отечественной и зарубежной литературе. В доктрине отмечались высокие риски, которые могли себя проявить в силу отсутствия в РТС чёткой регламентации этих вопросов в виде, например, указаний на иерархию¹⁸⁷. Среди таких рисков с высоким конфликтным потенциалом обычно указывались возможность появления конкурирующих толкований сходных норм международного права, риски распространения практики злоупотреблений в виде форум шоппинга (англ.: *forum shopping*) со стороны потенциальных заявителей (выбора ими наиболее удобного механизма для разрешений конкретного спора), а также риски появления конкурирующих арбитражных или судебных решений, что в целом могло привести к усилению фрагментации международного экономического права. Так, А.С. Смбатян в 2011 году отмечала, что «есть основания полагать, что проблема конфликта также между ОРС ВТО и региональными органами правосудия со временем будет нарастать»¹⁸⁸. В свою очередь, А.М. Солнцев двумя годами позже также указывал на то, что «вероятность появления множества конфликтных ситуаций как в области различного толкования одинаковых правовых норм, так и в сфере выбора юрисдикций существенно возрастает»¹⁸⁹.

Однако появившиеся с течением времени доступные статистические данные показывают, что рост общего количества региональных торговых соглашений не привёл к росту числа торговых споров, рассматриваемых в рамках соответствующих региональных механизмов. Как пишет А. Поргес, с учётом того, что государства вряд ли соблюдают нормы РТС лучше, чем нормы ВТО, количество споров, рассмотренных в региональных механизмах по

¹⁸⁷ Смбатян А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. No. 8. С. 76.

¹⁸⁸ Смбатян А.С. Указ соч. №. 8. С. 80.

¹⁸⁹ Солнцев А.М., Голубев В.В. ВТО и региональные интеграционные объединения: конкуренция юрисдикций и применимых принципов права при разрешении межгосударственных споров // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. No. 1. С. 95.

разрешению споров, является непропорционально малым по сравнению с сотнями заключённых РТС и сотнями споров, переданных на рассмотрение на уровне ВТО¹⁹⁰. Об этом же парадоксе говорят и другие исследователи, отмечая, что распространение региональных механизмов по разрешению споров, положения о которых стали стандартными для современных РТС, количество инициированных в рамках региональных механизмов остается незначительным¹⁹¹. При этом абсолютное большинство таких региональных механизмов остаётся вообще незадействованными в силу того, что государства — участники РТС по-прежнему предпочитают рассматривать споры между собой на уровне ВТО, даже имея при этом доступ к региональным механизмам¹⁹² (по подсчётам исследователей, около 25% споров, рассмотренных на уровне ВТО, являются разбирательствами между государствами-участниками разнообразных РТС и вполне могли бы быть разрешены на региональном уровне¹⁹³). Однако справедливости ради следует отметить, что указанные в доктрине риски конфликта юрисдикций между механизмами разрешения споров ВТО и РТС все же проявились на практике, хотя и в исключительных случаях. Так, в рамках спора *Argentina – Poultry*¹⁹⁴ Бразилия обратилась к механизму разрешения споров ВТО после неудачи в Трибунале МЕРКОСУР, в то время как в деле *Mexico – Soft Drinks*¹⁹⁵, США подали жалобу в ВТО после блокирования с их стороны создания третьей группы НАФТА, инициированного первоначально по просьбе Мексики.

Мнения отечественных и зарубежных исследователей в отношении причин такого парадокса в целом сходятся. Так, М. Трунк-Федорова среди

¹⁹⁰ Porghes, A. Op. cit. P. 2-3.

¹⁹¹ Chase, C., Yanovich, A., Crawford, J. Ugaz, P. P. 609-610.

¹⁹² Falls S. Outsourcing FTA Dispute Settlement Administration to Third-Party International Arbitral Institutions: Opportunities and the Role of the Permanent Court of Arbitration // *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 51.

¹⁹³ Marceau G. The primacy of the WTO dispute settlement system // *Questions of International Law*. Vol. 23. 2015. P. 13.

¹⁹⁴ WTO DS241. *Argentina – Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil (Argentina – Poultry)*. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds241_e.htm (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁹⁵ WTO DS308. *Mexico — Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverage*. URL: https://www.wto.org/english/Tratop_e/dispu_e/cases_e/ds308_e.htm (дата обращения: 15.12.2023).

причин популярности среди государств рассмотрения споров в ВТО, а не в РТС, выделяет следующее: 1) процессуальная эффективность и отработанность системы разрешения споров ВТО; 2) высокая степень исполнения решений за счет возможности применения санкций; 3) предсказуемость за счет наличия устоявшейся практики; 4) наличие апелляционной инстанции; 5) наличие постоянно действующего секретариата, оказывающего помощь членам третейских групп и Апелляционного органа ВТО; 6) более высокий уровень репутационных потерь для государства, отказывающегося выполнить вынесенное против него решение¹⁹⁶. В свою очередь, Ю. Пауэллин среди таких причин называет такие факторы как (а) затраты и расходы на администрирование и ведение спора покрываются в значительной степени за счёт бюджета ВТО или Консультационного центра по праву ВТО, (б) более нейтральный выбор членов третейских групп и возможность апелляционного обжалования вынесенного решения, (в) преференциальный подход к наименее развитым государствам, (г) создание более широкой практики толкования и применения норм за счёт более широкого состава ВТО по сравнению с РТС¹⁹⁷.

Некоторое изменение траектории этой тенденции ожидалось вследствие кризиса системы рассмотрения споров ВТО вследствие прекращения в конце 2019 года деятельности Апелляционного органа ВТО. Так, М. Трунк-Федорова предполагала, что в этих условиях «можно ожидать роста числа обращений к региональным моделям, которые действительно могут стать альтернативой механизму разрешения споров в рамках ВТО»¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Трунк-Федорова М.П. Указ. Соч. С. 106; А.С. Исполинов также отмечает, что государства стали отдавать предпочтение Органу по рассмотрению споров ВТО в силу его авторитета, богатой и устоявшейся практики и апелляционного рассмотрения, и чьи решения выглядят гораздо более легитимными. Исполинов А. С. Что скрывается за броским термином интеграционное правосудие? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. No. 3. С.109.

¹⁹⁷ Pauwelyn J. Going Global, Regional, or Both? Dispute Settlement in the Southern African Development Community (SADC) and Overlaps with the WTO and Other Jurisdictions // Minnesota Journal of International Law. 2004. Vol. 13. No. 2. P.302-303.

¹⁹⁸ Трунк-Федорова М.П. Указ соч. С. 110.

В период с 2007 по 2016 годы единственным случаем успешного начала и завершения межгосударственного разбирательства по вопросам торговли в рамках РТС стал спор Коста-Рика - Сальвадор в рамках Соглашения о свободной торговле Доминиканской Республики - Центральной Америки - США (с англ.: *Dominican Republic–Central America–United States Free Trade Agreement, CAFTA-DR*)¹⁹⁹. Чуть позднее, уже в 2017 году, был рассмотрен спор в отношении соблюдения трудовых стандартов, инициированный США против Гватемалы в 2010 году, на основании того же Соглашения²⁰⁰.

По мнению Г. Виджидала, 2018 год стал переломным моментом в части обращения государств к механизмам разрешения споров в рамках РТС, так как за период с 2018 по 2022 годы государства семнадцать раз инициировали разбирательство споров в таких механизмах²⁰¹, из них к концу 2023 года пять споров уже завершились решениями по существу спора. Отдельно можно отметить спор между двумя региональными организациями (Европейский Союз и Таможенный союз Юга Африки (с англ.: *Southern African Customs*), по которому третейская группа вынесла в 2023 году решение в пользу ЕС. Этот спор касался введённой Таможенным союзом Юга Африки защитной меры, которая затронула экспорт ЕС на сумму 183 млн. евро, и рассматривался в рамках механизма по разрешению споров, предусмотренному региональным торговым соглашением, заключённым между этими организациями²⁰².

Однако из этих семнадцати споров только девять (то есть половина) касались выполнения традиционных торговых обязательств, к которым также

¹⁹⁹ Panel Report. El Salvador – Tariff treatment to goods originated from Costa Rica. CAFTA-DR/ARB/2014/CR-ES/18. 18 November 2014. URL: [https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=cafta/panel/elsalvador-tariffs\(cafta\).pdf&mode=download#page=1](https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=cafta/panel/elsalvador-tariffs(cafta).pdf&mode=download#page=1) (дата обращения: 03.11.2024).

²⁰⁰ Panel report. United States v. Guatemala (In the Matter of Guatemala – Issues Relating to the Obligations Under Article 16.2.1(a) of the CAFTA-DR. 14 June 2017. URL: https://www.trade.gov/sites/default/files/2020-09/Guatemala%20%E2%80%93%20Obligations%20Under%20Article%2016-2-1%28a%29%20of%20the%20CAFTA-DR%20%20June%2014%202017_1_0.pdf (дата обращения: 03.11.2024). Более подробно см.: Brooks T. U.S.-Guatemala Arbitration Panel Clarifies Effective Enforcement Under Labor Provisions of Free Trade Agreement // *International Labor Rights Case Law*. 2018. Vol. 4. Issue 1. P. 45-51.

²⁰¹ Vidigal G. Regional Trade Adjudication and the Rise of Sustainability Disputes: Korea—Labor Commitments and Ukraine—Wood Export Bans // *American Journal of International Law*. 2022. Vol. 116. No. 3. P. 569.

²⁰² См.: Panel rules in favour of EU on Southern African Customs Union’s safeguard on EU poultry cuts. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/news/panel-rules-favour-eu-southern-african-customs-unions-safeguard-eu-poultry-cuts-2022-08-03_en#_ftn2 (дата обращения 12.01.2024).

применимы нормы ВТО. В качестве примера можно привести спор между ЕС и Украиной, рассмотренный специальной арбитражной комиссией на основе Соглашения об ассоциации между ними (с англ.: *Association Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Ukraine, of the other part*). В рамках данного дела Европейский Союз обжаловал введённые со стороны Украины запретительные меры на вывоз с её территории необработанной древесины, настаивая на том, что действия Украины нарушали статью 35 Соглашения об Ассоциации, которая прямо отсылает к ст. XI ГАТТ, объявляя что ст. XI ГАТТ стала неотъемлемой частью данного соглашения²⁰³.

Остальные споры оказались связаны с положениями РТС, которые регулируют вопросы, выходящие за рамки ВТО (например, вопросы соблюдения трудовых стандартов, охраны труда и окружающей среды), что находятся за рамками юрисдикции ОРС ВТО, и могут быть рассмотрены только в региональных механизмах разрешения споров²⁰⁴.

С другой стороны, статистика рассмотрения споров на уровне ВТО также убедительно показывает, что опасения по поводу масштабов кризиса ОРС ВТО оказались преувеличенными. С декабря 2019 года по конец 2023 года государства направили в ОРС ВТО 31 жалобу, при этом третейские группы продолжают рассматривать споры и выносить по ним решения (с января 2020 года в 10 спорах были сформированы третейские группы, которые в 3 делах уже приняли решения по существу спора)²⁰⁵.

Эти цифры позволяют сделать определённые обобщения. Во-первых, это говорит о том, что государства по-прежнему предпочитают рассматривать

²⁰³ Final Report of the Arbitration Panel established pursuant to Article 307 of the Association Agreement between Ukraine, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part. . European Union v. Ukraine (Ukraine wood exports ban). 11 December 2020. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-european-union-v-ukraine-ukraine-wood-exports-ban-establishment-of-the-panel-tuesday-28th-january-2020#decision_14064 (дата обращения 24.12.2023).

²⁰⁴ Dispute settlement activity — some figures. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm#_ftn1 (дата обращения: 10. 01. 2024)

²⁰⁵ Ibid.

торговые споры на уровне ВТО, и для них очевиден выбор в пользу ОРС ВТО до 2018 года. Для этого государства активно используют клаузулу «*fork in the road*», предусмотренную подавляющим большинством РТС второй группы. Суть такой клаузулы отражена в буквальном переводе данного выражения как «развилка на дороге». Данный тип оговорки предполагает потенциальному заявителю самому сделать предварительный выбор между ОРС ВТО и механизмом разрешения споров, предусмотренному региональным соглашением²⁰⁶. При этом сделанный им выбор одного механизма по разрешению споров означает утрату возможности обратиться к другому. Эта оговорка, первоначально направленная на то, чтобы избежать конфликта юрисдикций²⁰⁷, сейчас в массовом порядке используется для фактического игнорирования региональных механизмов разрешения торговых споров в пользу ОРС ВТО. Так же можно отметить, что эта оговорка, предлагаемая доктриной как средство для предотвращения практики форум шоппинга (англ.: *forum shopping*)²⁰⁸, позволяет государствам на практике выбирать ОРС ВТО как по-прежнему наиболее для них удобный (в широком смысле) сейчас механизм разрешения торговых споров.

Во-вторых, государства при этом тестируют региональные механизмы разрешения споров, оценивая их сильные и слабые стороны и используя их в первую очередь для разрешения тех споров, которые находятся вне предметной или субъектной юрисдикции ОРС ВТО (как в случае со спором между ЕС и Таможенным союзом Юга Африки, который не мог быть передан в ОРС ВТО в силу того, что ответчик не является членом ВТО). Такое

²⁰⁶ Например, п. 2. ст. 14.3 Соглашения между ЕАЭС и Вьетнамом предусматривает, что «споры по одному и тому же вопросу между одними и теми же Сторонами спора, возникающие одновременно в рамках настоящего Соглашения и Соглашения ВТО, могут разрешаться в рамках любого из предусмотренных указанными международными договорами способов разрешения спора по выбору Стороны-истца. Выбранный таким образом способ разрешения спора исключает использование другого способа».

²⁰⁷ Graewert T. *Conflicting Laws and Jurisdictions in the Dispute Settlement Process of Regional Trade Agreement and the WTO* // *Contemporary Asia Arbitration Journal*. 2008. No. 1. P. 313-314.

²⁰⁸ Pauwelyn, J., Salles L. *Forum Shopping before International Tribunals: (Real) Concerns, (Im)Possible Solutions* // *Cornell International Law Journal*. 2009. Vol. 42. Issue 1. P. 89.

тестирование региональных механизмов позволяет государствам делать выводы и адаптировать региональные механизмы соответствующим образом.

В-третьих, можно предположить, что до тех пор, пока урегулирование споров на уровне ВТО не остановится в целом вследствие кризиса (или пока от него не откажутся сами государства, сделав маловероятный сейчас выбор в пользу региональных механизмов), то государства, даже имея под рукой механизмы разрешения споров в региональных РТС, скорее всего, продолжат в обозримом будущем отдавать своё предпочтение в пользу ОРС ВТО²⁰⁹. Решающими факторами здесь будут не только удобство ОРС ВТО, но и желание избежать ситуации с вероятной фрагментацией международного торгового права в виде сотен международных региональных торговых соглашений, толкуемых и применяемых многочисленными разнообразными региональными механизмами разрешения споров.

2.3. Проблемные аспекты взаимодействия ОРС ВТО и региональных систем разрешения международных торговых споров

Проблематика взаимодействия между различными органами правосудия приобрела особую актуальность в связи с начавшимся в 90-годы XX века процессом распространения международных судов и трибуналов. В отличие от национальных судебных систем с их иерархичностью и строгими правилами подведомственности и подсудности в международном правосудии в целом отсутствует какая-либо нормативная регламентация разделения компетенции судов или указание на иерархию органов международного правосудия, что лишь подчёркивает «горизонтальность» отношений между ними, но при этом не отрицает взаимосвязь и взаимодействие между ними²¹⁰. Данные соображения составляют основу, на которой сегодня выстраивается диалог между механизмом разрешения споров в рамках Всемирной торговой

²⁰⁹ Marceau G. Op.cit. P. 13.

²¹⁰ Смбалян А. С. Конфликт юрисдикций органов международного правосудия как отрицание их взаимосвязей // Российский юридический журнал. 2013. No. 5 (92). С. 26-36.

организации (ОРС ВТО) и различными механизмами разрешения торговых споров на региональном уровне. Проблема одновременного сосуществования юрисдикционных систем ВТО и различного рода РТС становилась предметом изучения таких отечественных авторов как О.В. Кадышева²¹¹, А.С. Смбатян²¹², А.М. Солнцев²¹³, М.П. Трунк-Федорова²¹⁴, А.Р. Хузиханова²¹⁵.

В том, что касается ВТО, то механизм разрешения споров ВТО представляет собой уникальный структурный элемент Всемирной торговой организации, который осуществляет свою деятельность с целью обеспечения предсказуемости глобального регулирования торговли и действует на основе Договоренности о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров от 15 апреля 1994 год (ДРС). Его отличительной и уникальной чертой является то, что он сочетает в себе арбитражную, дипломатическую и судебную процедуры урегулирования споров²¹⁶, а постоянный характер деятельности Апелляционного органа позволял ряду исследователей говорить о квазисудебном характере этого механизма²¹⁷.

Такая уникальность и специфичность характера функционирования Органа по разрешению споров ВТО (ОРС ВТО) на практике доказала свою эффективность и заслужила признание и поддержку государств. За период начиная с 1 января 1995 по 31 января 2023 года в ОРС ВТО было передано в общей сложности 616 запросов на консультацию, а третейские группы были

²¹¹ Кадышева О.В. Решение Органа по рассмотрению споров Всемирной торговой организации по делу "Бразилия - меры, затрагивающие импорт шин с восстановленным протектором": "торговый спор завершен, а лихорадка денге только началась" // Современное право. 2013. No. 9. С. 127-131.

²¹² Смбатян, А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения : соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров // Российск. внешнеэконом. вестник. 2011. No. 8. С. 74 – 82.

²¹³ Солнцев А.М., Голубев В.В. ВТО и региональные интеграционные объединения: конкуренция юрисдикций и применимых принципов права при разрешении межгосударственных споров // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2013. No. 1. С. 93-99.

²¹⁴ Трунк-Федорова М.П. Разрешение споров в рамках соглашений о свободной торговле: альтернатива механизму Всемирной торговой организации? // Международное правосудие. 2019. No. 3 (31). С. 102–113.

²¹⁵ Хузиханова А.Р. Орган по разрешению споров ВТО и судебные механизмы международных региональных организаций экономической интеграции: конфликт юрисдикций // Российский юридический журнал. 2016. No. 6 (111). С. 47-51.

²¹⁶ Исполинов А. С. К 20-летию ВТО: критический взгляд на практику Органа по разрешению споров // Торговая политика. 2015. No. 1.С. 11.

²¹⁷ Исполинов А.С. Кадышева О.В, Кризис механизма разрешения споров всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. No. 10. С. 139.

созданы в отношении 369 споров²¹⁸. Делая упор на подобные статистические данные, зарубежные²¹⁹ и отечественные²²⁰ исследователи высоко оценивали такой высокий вотум доверия со стороны государств, разделяя мнение П. Лами, который назвал ОРС ВТО «жемчужиной в короне ВТО»²²¹.

Однако под влиянием процессов глобализации с 2000-х годов в международной торговой системе стала очевидной тенденция увеличения количества заключаемых государствами региональных торговых соглашений (РТС). Так если на 1995 год число действующих РТС равнялось 45, а число уведомлений о РТС в Секретариате ВТО пересекло барьер в 28 соглашений, то к 2000 году данные показатели уже выросли до 82 и 98 соответственно, к 2010 году достигли отметки 212 и 320²²². По состоянию на 1 августа 2024 года действующими являются около 369 РТС²²³. А по оценкам ряда специалистов общее число региональных торговых соглашений уже перевалило за 800²²⁴.

Стоит подчеркнуть, что на уровне ВТО (в статьях XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле и V Генерального соглашения по торговле услугами) был предусмотрен ряд формальных требований к РТС, заключаемым государствами-членами ВТО либо в форме таможенных союзов, либо в форме соглашений о зонах свободной торговли. Эти требования можно условно разбить на две группы. Первая группа затрагивает поощрение реальной экономической интеграции; вторая же группа направлена на недопущение появления в рамках РТС более ограничительных пошлин и иных

²¹⁸Dispute settlement activity — some figures. For a complete list of the numbers of disputes by stage in the proceedings, on a yearly basis // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm#rfc (дата обращения 10. 01. 2024).

²¹⁹Batyah Sierpinski, Hélène Tourard. Mise à l'épreuve du système de règlement des différends de l'OMC. Est-ce un rejet du multilatéralisme ou une mise en cause de l'ordre économique actuel ? // Revue internationale de droit économique 2019/4 (t. XXXIII). P. 423 - 447.

²²⁰Исполинов А.С. Указ соч. С.12.

²²¹WTO disputes reach 400 mark // 2009 Press Releases, PRESS/578. 6 November 2009. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres09_e/pr578_e.htm (дата обращения 05. 03. 2023).

²²²Regional trade agreements. Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения 01.08.2024).

²²³Regional trade agreements. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (дата обращения: 01.08.2024).

²²⁴Regional trade agreements. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (дата обращения: 01.08.2024).

инструментов в отношении с государствами, не входящими в состав участников регионального объединения, в сравнении с существовавшим ранее уровнем. Однако современная практика заключения самых разнообразных РТС показала, что эти требования не создают непреодолимых препятствий, что приводит к дублированию, совпадению предметов ведения²²⁵ и даже противоречиям между нормами ВТО и положениями РТС.

Если на первых этапах апробации государствами РТС в них преобладали дипломатические модели разрешения разногласий, то в настоящий момент в рамках многих РТС сформировались свои полноценные механизмы для рассмотрения торговых споров. Государства, наблюдая за успехами ОРС ВТО, переносили опыт универсальной квазисудебной модели на заключаемые ими РТС, перенимая принципы судопроизводства и тем самым повышая вероятность обязательности рассмотрения торговых споров на региональном уровне по выделенному кругу вопросов. Очевидно, что с позиции государства-потенциального заявителя такое развитие событий должно восприниматься в позитивном ключе, поскольку у него появляется шанс выбрать наиболее лояльную к себе юрисдикцию. Наряду с этим в литературе нередко сами исследователи отмечают, что «наличие для государств нескольких судов, лучше, чем их полное отсутствие»²²⁶. При этом на фоне кризиса механизма разрешения споров на уровне ВТО, связанного с прекращением деятельности Апелляционного органа ОРС ВТО, вырос интерес именно к региональным механизмам разрешения споров²²⁷.

В связи с этим особого внимания, на наш взгляд, заслуживает необходимость произведения анализа как возможных коллизий юрисдикций универсального и региональных механизмов рассмотрения споров, так и

²²⁵ Хузиханова А.Р. Орган по разрешению споров ВТО и судебные механизмы международных региональных организаций экономической интеграции: конфликт юрисдикций. // Российский юридический журнал. 2016. №. 6 (111). С. 47-48.

²²⁶ Pauwelyn J.Salles L. Forum Shopping before International Tribunals: (Real) Concerns, (Im)PossibleSolutions // Cornell International Law Journal. 2009. Vol. 42. Issue 1. P.80.

²²⁷ Исполинов А.С. Кадышева О.В. Указ соч. С. 142-143.

возможных способов для устранения таких коллизий или их минимизации. При этом под коллизиями понимается ситуации, при которых, «спор может быть полностью или частично передан на рассмотрение двух или более различных судов или трибуналов»²²⁸. Конфликтные ситуации в сфере взаимодействия юрисдикционных органов региональной интеграции и ОРС ВТО наиболее вероятны в случаях: (а) параллельного судопроизводства, когда спор рассматривается одновременно в рамках двух механизмов по разрешению споров в отношении одного и того же предмета и по тем же основаниям до того как будет вынесено решение одним из них; (б) когда окончательное решение было уже вынесено в рамках одного механизма по разрешению спора, но проигравшая сторона пытается повторно инициировать разбирательство в рамках другого механизма; (в) когда универсальный или региональный юрисдикционный орган принимает спор к рассмотрению, но ответчик утверждает, что данному органу следует воздержаться от вынесения решения, поскольку в этом случае надлежащей компетенцией по данному спору обладает другой механизм разрешения споров.

Хотелось бы отдельно подчеркнуть, что вышеизложенная проблематика уже давно вышла за рамки доктринальных рассуждений о потенциальных рисках и перешла в практическую плоскость.

В этом плане в качестве примера хрестоматийного спора можно привести рассмотренный на уровне ВТО спор *Mexico — Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages* / Мексика – безалкогольные напитки²²⁹. Сама ситуация имеет свою предысторию и является результатом длительного противостояния Мексики и США в области тарифного квотирования импорта мексиканского сахара. Изначально в попытках Мексики обеспечить себе гарантированные Североамериканским соглашением о свободной торговле

²²⁸ Graewert T. *Conflicting Laws and Jurisdictions in the Dispute Settlement Process of Regional Trade Agreement and the WTO* // *Contemporary Asia Arbitration Journal*. 2008. No. 1. P. 290.

²²⁹ WTO DS308. *Mexico — Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages*. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds308_e.htm (дата обращения 5 февраля 2023).

квоты на сахар, она обратилась с просьбой о создании третьей группы по урегулированию споров в рамках НАФТА. Однако спор так и не был урегулирован по существу в силу того, что США просто блокировали создание такой группы. В качестве ответа Мексика ввела в отношении США ограничивающие торговлю меры в виде 20 процентного налога на продажу и связанные дистрибьютерские услуги на импортные напитки, содержащие в своём составе заменители сахара, при этом местные напитки, производившиеся с использованием тростникового сахара из самой Мексики, не попадали под действие данных мер. После этого уже Соединенные Штаты подали жалобу в ОРС ВТО в отношении введённого налога, ссылаясь на нарушение Мексикой статьи III ГАТТ-1994, которая предусматривает обязательство государств-членов ВТО предоставлять иностранным товарам национальный режим. В ходе рассмотрения спора на уровне ВТО Мексикой в качестве оправдания правомерности своих действий был высказан довод о том, что третья группа хоть и обладает юрисдикцией в отношении этого спора, но она должна была воздержаться от его рассмотрения в силу наличия у Группы таких «подразумеваемых полномочий»²³⁰. Мексика также настаивала на том, что в целом все вопросы «сахарной войны», включая квоты и введённый налог, должны быть в комплексе переданы в арбитраж в рамках НАФТА, куда, как уже упоминалось ранее, Мексика обращалась за созданием группы. В свою очередь, Апелляционный орган не согласился с доводами Мексики и не признал ее аргументацию в качестве достаточной для отказа группы в своей юрисдикции. Несмотря на возражения Мексики, спор все же был рассмотрен на уровне ВТО, а жалоба Мексики, поданная в рамках НАФТА, так и осталась повисшей в воздухе.

Данный спор показал, что потенциал возможной конкуренции юрисдикций уже был заложен самим фактом появления РТС, поэтому появление подобных случаев стало неизбежным. Кроме того, так же не

²³⁰ WTO. Appellate Body Report. Mexico – Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages. WT/DS308/AB/R. 6 March 2006. §44.

способствуют снижению подобных рисков уже появившиеся случаи, когда государства обращаются к механизмам разрешения споров в рамках двусторонних соглашений о зоне свободной торговли по спорам, вытекающим из норм, просто дублирующих правила ВТО и при этом одновременно подпадающих под юрисдикцию ОРС ВТО. В качестве примера можно указать на уже указанный выше спор между ЕС и Украиной²³¹, рассмотренный специальной арбитражной комиссией на основе Соглашения об ассоциации. В рамках данного дела Европейский союз обжаловал введённые со стороны Украины запретительные меры на вывоз с ее территории необработанной древесины, настаивая на том, что действия Украины нарушали действия Украины нарушали статью 35 Соглашения об Ассоциации, которая фактически дублирует статьи XI ГАТТ 1994.

Хотя этот спор был рассмотрен в рамках двустороннего юрисдикционного механизма, это обстоятельство само по себе не запрещало сторонам спора передать дело на рассмотрение в ОРС ВТО по тому же предмету и основаниям в будущем. В этой ситуации ОРС ВТО не был бы никак преюдициально связан первоначальным решением региональной арбитражной Комиссии.

В условиях, когда международное право по своей природе предполагает отсутствие «высшей судебной инстанции», становится понятной обеспокоенность государств проблемой появления противоречивых и непоследовательных решений в результате конфликта региональных и универсальных механизмов по разрешению торговых споров. В этой ситуации велики риски того, что спор может оказаться до конца не разрешённым²³², а

²³¹ Final Report of the Arbitration Panel established pursuant to Article 307 of the Association Agreement between Ukraine, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part. European Union v. Ukraine (Ukraine wood exports ban). 11 December 2020. URL: https://jusmundi.com/en/document/decision/en-european-union-v-ukraine-ukraine-wood-exports-ban-establishment-of-the-panel-tuesday-28th-january-2020#decision_14064 (дата обращения 24.12.2023).

²³² Pauwelyn, J. Salles L. Forum Shopping before International Tribunals: (Real) Concerns, (Im)Possible Solutions," Cornell International Law Journal. 2009. Vol. 42: No 1. P.83.

противоречащие решения будут нести угрозу для стабильности всей системы разрешения международных торговых споров²³³.

Хотелось бы также отметить, что сам по себе риск возникновения ситуаций конфликта юрисдикций не стоит воспринимать как свидетельство полного отсутствия какого-либо инструментария для его устранения.

На сегодняшний день упомянутый инструментарий представлен в виде особых конструкций-оговорок, которые можно разделить на несколько групп²³⁴.

Первую группу оговорок составляют юрисдикционные оговорки о исключительной юрисдикции того или иного механизма разрешения торговых споров. Данный тип характерен как для ВТО, так и для РТС. В этом отношении особый интерес представляет статья 23 (Укрепление многосторонней системы) Договорённости о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, которая, по мнению некоторых исследователей, достаточно четко закрепляет приоритет ОРС ВТО в урегулировании споров по кругу вопросов, связанных с обязательствами государств-членов ВТО²³⁵.

Однако стоит отметить, что реализация данных положений на практике оказалась не такой однозначной, как хотелось бы исследователям и государствам-членам ВТО при разработке этих положений. С одной стороны, в деле *United States — Sections 301–310 of the Trade Act 1974* / США – статьи 301-310 Закона о внешней торговле 1974 третья группа в пункте 7.43 своего доклада истолковала положения статьи 23.1 ДРС следующим образом: государства-члены ВТО «**должны** прибегать к урегулированию спора посредством механизма разрешения споров, закрепленному в тексте ДСУ в ситуациях, когда имеются нарушения правил ВТО. В этих обстоятельствах

²³³Ibid.

²³⁴ Furculita C. Fork-in-the-Road Clauses in the New EU FTAs: Addressing Conflicts of Jurisdictions with the WTO Dispute Settlement Mechanism. // CLEER Paper Series, T.M.C. Asser Institute for International & European Law 2019/1. P.11.

²³⁵ Culot H. Comment le TTIP s'articulerait-il avec le droit de l'OMC ? // Revue internationale de droit économique, 2017. No 1 (t. XXXI). P. 24.

государства-члены должны передавать свои споры в ОРС ВТО, **исключая при этом любую другую систему**, в частности систему одностороннего обеспечения соблюдения прав и обязательств ВТО»²³⁶.

С другой стороны, в деле Peru — Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products / Перу – Сельскохозяйственная продукция²³⁷ одним из ключевых на рассмотрении Апелляционного органа оказался вопрос о возможном отказе Гватемалы от оспаривания действия Системы ценового диапазона в рамках механизма разрешения споров ВТО при заключении ею Соглашения о зоне свободной торговли с Перу. В своем докладе Апелляционный орган подчеркнул, что отказ государства от прав, предоставленных ему Договорённостью о разрешении споров ВТО может быть совершён в иных формах нежели взаимосогласованное решение, однако не зависимо от формы такой отказ должен быть чётко сформулирован²³⁸. При этом Апелляционный орган также обращает внимание, что оговорка о выборе суда/места для разрешения споров в будущем в тексте соглашения о зоне свободной торговле по своему характеру не является исключительной, и стороны имели право на обращение к механизму разрешения споров ВТО²³⁹.

Вторую группу составляют так называемые клаузулы *«fork in the road»*. Их суть отражена даже в буквальном переводе данного выражения «развилка на дороге». Данный тип оговорок предполагает право потенциального заявителя самому осуществить предварительный выбор между юрисдикциями. При этом сделанный им выбор одного механизма по разрешению споров означает утрату возможности обращаться к другому. Использование подобных конструкций на практике можно наблюдать в

²³⁶WTO Panel Report. United States — Sections 301–310 of the Trade Act 1974. WT/DS152/R. 22 December 1999. §7.43.

²³⁷ WTO DS457. Peru — Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds457_e.htm (дата обращения 12.01.2023).

²³⁸ WTO. Appellate Body Report. Peru – Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products. WT/DS457/AB/R. 20 July 2015. § 5.25.

²³⁹ WTO. Appellate Body Report. Peru – Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products. WT/DS457/AB/R. 20 July 2015. § 5.27.

МЕРКОСУР (южноамериканский общий рынок, в основе которого лежит Асунсьонский договор от 26 марта 1991 года). Так, параграф 2 статьи 1 Протокола Оливос (Протокол о разрешении споров в МЕРКОСУР, подписан 18.02.2002) непосредственно посвящён, ситуации, когда спор потенциально может быть рассмотрен Арбитражным трибуналом МЕРКОСУР или ОРС ВТО. В этом случае государствам-заявителям предоставляется право выбирать один из механизмов, однако это автоматически приводит к невозможности сторонам спора в дальнейшем инициировать спор по тому же предмету в рамках другого механизма.

Рассмотрим следующий показательный пример из практики - спор *Argentina — Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil / Аргентина-антидемпинговые пошлины на птицу из Бразилии*²⁴⁰. В рамках данного дела Бразилия обратилась к механизму разрешения споров ВТО **после неудачи в Арбитражном трибунале МЕРКОСУР** по вопросу введенных со стороны Аргентины пошлин в отношении импорта замороженного мяса домашней птицы. В ответ на это Аргентина поставила вопрос о допустимости осуществления третейской группой своей юрисдикции, сославшись при этом на положения выше упомянутого Протокола Оливос, и на то, что данный спор уже был рассмотрен в рамках МЕРКОСУР. Также Аргентина заявляла о нарушении Бразилией таких принципов международного права, как добросовестность и эстоппель. В свою очередь, Бразилия утверждала, что спор в ОРС ВТО подан ей по иным основаниям.

Несмотря на возражения Аргентины, дело все же было рассмотрено Третейской группой, которая пришла к выводу, что принятые Аргентиной меры противоречат ее обязательствам в рамках ВТО. Согласно позиции Третейской группы, нарушение принципа добросовестности (*good faith*) может иметь место только в случае: 1) нарушения материальных норм Соглашений ВТО; 2) такое нарушение должно быть нечто большим, чем «простым

²⁴⁰ WTO DS241. Argentina — Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds241_e.htm (дата обращения 18.02.2024).

нарушением». В силу того, что Аргентина не указывала наличие какого-либо нарушения материальных норм ВТО со стороны Бразилии как основания для своего требования о нарушении принципа добросовестности, утверждение о нарушении Бразилией принципа добросовестности было группой отвергнуто²⁴¹. Что же касается нарушения принципа эстоппеля, то по мнению группы, условия для возможности его применения также не были выполнены. Группа исходила из того, что согласие Бразилии на отказ от последующего обращения в ОРС ВТО при использовании трибунала МЕРКОСУР должно быть выражено явно и недвусмысленно, что не было, по ее мнению, сделано в данном споре²⁴².

Интересно, что в упомянутом ранее деле «Мексика-безалкогольные напитки», при рассмотрении дела третьей группой в рамках ВТО Мексика не стала ссылаться на клаузулу «*fork in the road*», которая также была предусмотрена в тексте статьи 2005 Североамериканского соглашения о зоне свободной торговли, хотя это могло бы усилить ее аргументацию о необходимости передачи спора в арбитраж НАФТА в виду ранее уже поданной Мексикой жалобой в рамках этого механизма. В своем докладе Апелляционный орган не посчитал нужным высказать свою позицию по поводу того, могло ли это обстоятельство стать препятствием для осуществления ОРС ВТО своей юрисдикции в подобных ситуациях в будущем, оставив данный вопрос открытым²⁴³.

С учётом вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что оговорки, как инструмент для минимизации рисков конкуренции юрисдикций, не всегда являются эффективно действующими, однако они представляют собой первичный сдерживающий механизм. Стоит отметить, что практика

²⁴¹ WTO. Panel Report. Argentina — Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil. WT/DS241/R.22 April 2003. §7.36.

²⁴² WTO. Panel Report. Argentina — Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil. WT/DS241/R.22 April 2003. §7.38.

²⁴³ WTO Appellate Body Report. Mexico – Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages. WT/DS308/AB/R. 6 March 2006. §54.

конкуренции механизмов по разрешению споров пока не приобрела значительных масштабов, но при этом сохраняется ее разрушительный потенциал. По этой причине в научном сообществе предлагается ряд решений по усовершенствованию регулирования подобных конфликтов, а именно: использование принципов *res judicata* и *lis pendens* (в отечественной доктрине данный подход находит свою поддержку у А.С. Смбатян²⁴⁴), введение правила об обязательном исчерпании средств защиты в рамках региональной организации; использование оговорки о исключительной подсудности в заключаемом РТС.

1) Использование принципов *res judicata* и *lis pendens*.

Принцип *res judicata* означает, что принятое судебное решение, вступившее в силу, является окончательным и обязательным для спорящих сторон, а повторное производство не осуществимо. Применение данного принципа сопряжено с одновременным наличием нескольких условий: предмет, стороны спора и основания иска должны быть тождественны²⁴⁵. Применительно к вопросам соотношения механизмов разрешения споров на уровне ВТО и РТС данный подход находит свою поддержку у А.С. Смбатян²⁴⁶. В свою очередь, Пауэллин отмечает, что в контексте международного права данный принцип действует не столь эффективно по сравнению с внутренним правом, так как он направлен на исключение в дальнейшем именно аналогичных по своему содержанию требований, то есть устанавливает требования к допустимости иска, но никак не ограничивает юрисдикцию того или иного органа рассмотрения споров²⁴⁷. К тому же сама практика применения *res judicata* на международном уровне скудна, а на уровне ВТО

²⁴⁴ Смбатян, А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров / А. С. Смбатян // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. No. 8. С. 80-82.

²⁴⁵ Смбатян А.С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение // Международное публичное и частное право. 2012. N 1. С. 3.

²⁴⁶ Смбатян, А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения : соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров / А. С. Смбатян // Российский внешнеэкономический вестник.2011. No. 8. С. 80-82.

²⁴⁷ Pauwelyn.J., Salles L. Op.cit. P. 102.

группы стараются его избегать. Даже в уже известном нам споре «Мексика-безалкогольные напитки» группа в своем докладе пояснила, что вопрос об оспаривании права США подать жалобу в ОРС ВТО Мексикой не поднимался. При этом она подчеркнула, что предмет и существо спора в рамках ВТО не были идентичными жалобе Мексики в НАФТА²⁴⁸. Апелляционный орган впоследствии подтвердил данный подход²⁴⁹.

В свою очередь принцип *lis pendens* устанавливает, что факт принятия к рассмотрению спора одним судом исключает параллельную юрисдикцию другого суда. В правовой литературе нет единого мнения о возможности использования данной конструкции в рамках рассмотрения международных споров. Так, например, А. Райниш является сторонником его применения в международном правосудии, а Ж. Куниберти отрицает подобную возможность²⁵⁰.

2) В исследовании Хузихановой А.Р предлагается решение этой проблемы **в виде введения правила об обязательном исчерпании средств защиты** в рамках региональной организации перед тем, как спор будет передан на уровень ВТО (при этом оговаривается, что на практике такое станет возможным только после преобразования международного правосудия в полноценную систему с «иерархической структурой»²⁵¹). На наш взгляд, использование обсуждаемого подхода может войти в противостояние с самой сущностью международного правопорядка, поскольку, как было сказано ранее, в международно-правовых отношениях на первый план выходят принципы горизонтальности, а не иерархии.

²⁴⁸ WTO Panel Report. Mexico – Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages. WT/DS308/R. 7 October 2005. §7.13-7.14.

²⁴⁹WTO Appellate Body Report. Mexico – Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages. WT/DS308/AB/R. 6 March 2006. § 54.

²⁵⁰ Pauwelyn.J.Salles L. Op.cit. P.106.

²⁵¹ Хузиханова А.Р. Орган по разрешению споров ВТО и судебные механизмы международных региональных организаций экономической интеграции: конфликт юрисдикций. // Российский юридический журнал. 2016. №. 6 (111). С. 50.

Кроме того, Хузиханова А.Р. предлагает сделать обязательными для ОРС ВТО обращение к праву регионального договора и применение норм, закреплённых в интересах государств-членов, и дополнить статью 13 Договорённости о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров в ВТО, позволив панелям арбитров ОРС ВТО делать не только запросы о предоставлении сторонами спора необходимой информации, но и запросы в региональные суды о пояснении норм региональных торговых соглашений²⁵². Стоит отметить, что при всей абстрактной привлекательности данных предложений шансы на их практическую реализацию являются низкими.

3) Использование оговорки о исключительной подсудности в тексте заключаемых РТС.

Представители научного сообщества указывают на недостаточность распространения практики применения данного инструмента, чтобы можно было бы давать полноценную однозначную оценку и рассуждать о положительном или отрицательном эффекте его действия²⁵³. Вместе с тем в отношении данного способа урегулирования конфликта юрисдикций уже наблюдается среди государств и научного сообщества некий скепсис и настороженность. Так, рассуждая о сущности данного инструмента, Д.Г. Колос²⁵⁴ обращает наше внимание, что использование подобного рода оговорок сопровождается применением различного рода юрисдикционными органами принципов *lis pendens* и *res judicata*, которые в рамках международного права не действуют в своем классическом понимании, о чем было сказано ранее. В добавление к этому, данный инструментарий не учитывает ситуацию, когда альтернативный механизм разрешения споров также будет исходить из своей исключительной подсудности²⁵⁵.

²⁵² Хузиханова А.Р. Указ. соч. С.50.

²⁵³ Колос Д.Г. Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11, Право: научный журнал. Москва. 2022. N 3. С. 36.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Бублик В.А. Губарева А.В.. Конфликт юрисдикций в глобальной и региональных системах разрешения споров // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. No. 5. С. 114.

В качестве заключения можно отметить, что взаимодействие правопорядков ВТО и РТС строятся на отношениях взаимного паритета, что нередко приводит к столкновению и наложению друг на друга соответствующих механизмов по разрешению споров. На наш взгляд, снижение риска возникновения конфликтов возможно только путем организации диалога между двумя юрисдикционными системами и модернизации правового поля, которое должно быть в первую очередь исходить со стороны ВТО как универсального регулятора, обладающего высоким авторитетом.

2.4. Вопросы прямого эффекта права ВТО в контексте разрешения споров в рамках региональных торговых соглашений

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в международном праве остаётся проблема использования национальными судами государств-членов ВТО положений, содержащихся в соглашениях ВТО. В литературе этот вопрос обычно рассматривается как часть общей проблемы действия соглашений ВТО в национальных правопорядках²⁵⁶. Однако такие вопросы, как применение норм ВТО органами по разрешению споров, созданными в рамках региональных торговых соглашений (РТС), практически не рассматриваются исследователями. Исключением является лишь рассмотренная ниже позиция Суда ЕС, вызвавшая дискуссии в академическом сообществе. Однако отмечаемый в последние два десятилетия количественный рост РТС, в том числе и в форме таможенных союзов (например, ЕАЭС), заставляет

²⁵⁶ Гудков И., Мизулин Н. Правила ВТО: проблемы прямого действия и эффективности мер ответственности за нарушения // *Право ВТО*. 2012. № 1. С. 11–18; Кадышева О. В. Применение положений соглашений Всемирной Торговой Организации российскими судами: обзор арбитражной практики // *Евразийский юридический журнал*. 2015. № 1(80). С. 85-90; Щеголев С.И. Применение права Всемирной торговой организации судами участников ВТО: международный и зарубежный опыт // *Закон*. 2013. № 5. С. 152–166; Исполинов А. С. Применение норм ВТО национальными судами: теория и практика // *Государство и право*. 2014. № 9. С. 75–85; Тюрина Н. Е. Имплементация права ВТО в российскую правовую систему // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 4. С. 247-251.

посмотреть на эту проблему по-новому с доктринальной и практической точек зрения, учитывая ее нерешенность на уровне ВТО и самих РТС.

Вопросы применения норм ВТО национальными судами или органами по разрешению споров в рамках РТС являются частью общей проблемы действия норм международного права в национальных правовых системах и правовых системах РТС. В государствах проблема применения национальными судами норм международного права возникает в тех случаях, когда они придерживаются монистического подхода к нормам международного права, и полностью отсутствует, когда государствами применяется дуалистический подход к международному праву. При втором подходе национальные суды лишаются какой-либо возможности применять при разрешении споров нормы международного права вместо норм национального права²⁵⁷.

Прямой эффект норм международного права означает возможность использования нормы международного права, в силу её чёткости и безусловности, в национальном суде для обоснования своих требований без какого-либо национального акта об имплементации этой нормы в национальный правовой порядок и, соответственно, право суда применить эту норму для разрешения спора вместо применимых норм национального права²⁵⁸. Прямой эффект необходимо отличать от косвенного эффекта, когда для разрешения спора национальный суд использует нормы международного договора или решение международного суда в качестве решающего средства для толкования спорных положений национальных правовых актов.

Как отмечает А.С. Исполинов, существуют случаи, когда вопрос о применении национальными судами норм международного договора не возникает²⁵⁹. Во-первых, государства могут в самом международном договоре исключить его действие в национальном правовом порядке. Во-вторых, возможен вариант, когда законодательство государства исключает применение какого-

²⁵⁷ Ruiz Fabri H. Is There a Case – Legally and Politically – for Direct Effect of WTO Obligations? // *European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25. Issue 1. P. 152.

²⁵⁸ Ibid.

²⁵⁹ Исполинов А. С. Указ. Соч. 9. С. 75.

либо международного договора (или группы договоров) национальными судами. Во всех иных случаях, когда международный договор становится обязательным для государства, национальные суды оказываются перед необходимостью решать вопрос о применении норм того или иного международного договора при разрешении споров²⁶⁰. В этих случаях, как отмечают другие авторы, действует опровергаемая презумпция отсутствия у норм международного права прямого эффекта²⁶¹.

Соглашения ВТО не содержат никаких положений о допустимости их применения национальными судами. Как и в тексте ГАТТ, в соглашениях ВТО ничего не говорится об их возможном прямом эффекте. Тем не менее, известно, что предложение Швейцарии о придании прямого эффекта соглашениям ВТО было отклонено остальными государствами в ходе Уругвайского раунда²⁶². Э. Руис Фабри отмечает, что это может быть истолковано как наличие позиции доминирующего большинства государств против прямого эффекта норм ВТО²⁶³. Тем не менее отсутствие четкого договорного запрета в соглашениях ВТО на этот счет можно также расценить как желание государств оставить этот вопрос открытым и передать его решение на индивидуальное усмотрение самих государств²⁶⁴. Таким образом, прямой эффект не навязывается в качестве основной черты права ВТО.

В свою очередь, третейские группы и Апелляционный орган ВТО также обошли молчанием это вопрос. Фактически, единственным докладом, в котором, насколько нам известно, упоминается эта проблема, является доклад третейской группы по спору *United States – Sections 301–310 of the Trade Act of 1974*. Однако, вероятно, в тот момент не было необходимости углубляться в

²⁶⁰ Исполинов А.С. Указ. соч. С. 75.

²⁶¹ Ruiz Fabri H. Op. cit. P. 152.

²⁶² Ehlermann C.-D. On the Direct Effect of the WTO Agreements // Spontaneous Order, Organization and the Law: Liber Amicorum E.-J. Mestmäcker / T. Einhorn (ed.). 2003. P. 414.

²⁶³ Ruiz Fabri H. Op. cit. P. 154.

²⁶⁴ Ibid.

этот вопрос, поэтому группа придерживается довольно традиционного утверждения, согласно которому²⁶⁵:

«В соответствии с доктриной прямого эффекта, которая, как было установлено, существует, прежде всего, в правовом порядке ЕС, а также в некоторых соглашениях о зоне свободной торговли, обязательства, адресованные государствам, толкуются как создающие юридически закреплённые права и обязанности для отдельных лиц. Ни ГАТТ, ни ВТО до сих пор не интерпретировались институтами ГАТТ/ВТО как правовой порядок, обладающий прямым эффектом. Следуя этому подходу, ВТО не создала нового правового порядка, субъектами которого являлись бы как договаривающиеся стороны или государства-члены ВТО, так и их граждане».

Такое делегирование этого вопроса на усмотрение государствам-членам ВТО привело к тому, что они по-разному подошли к его решению. Исследователи отмечают, что сегодня абсолютное большинство государств-членов ВТО, включая США, ЕС, Индию, Японию, Китай и ЮАР, отказываются признать прямой эффект норм права ВТО в своих национальных правовых порядках²⁶⁶. При принятии такого решения государствами безусловно учитывалась специфика соглашений ВТО в отношении порядка разрешения споров и исполнения вынесенных решений, которая состоит в том, что достижение компромисса между спорящими сторонами возможно на любой стадии рассмотрения спора, включая стадию исполнения вынесенного решения. Кроме того, порядок исполнения рекомендаций, содержащихся в докладах третейских групп и Апелляционного органа, также допускает различные варианты поведения государства-ответчика. Ещё одним решающим фактором при принятии решения об отказе в прямом эффекте норм ВТО в национальном правовом порядке стали соображения взаимности, т. е. нежелание создавать другим государствам преимущества в виде доступа их юридических

²⁶⁵ WTO Panel Report. United States – Sections 301–310 of the Trade Act of 1974. WT/DS152/R. 22 December 1999. §7.72.

²⁶⁶ Исполинов А.С. Вопросы прямого применения права ВТО в правовом порядке России // Законодательство. 2014. №2. С. 76.

лиц в национальные суды по этим вопросам в ситуации, когда предприятия данного государства лишены такого доступа в судах другого государства-члена ВТО²⁶⁷.

Так, США с самого начала выбрали решение о полном исключении прямого эффекта права ВТО в национальном правовом порядке, законодательно запретив такой прямой эффект права ВТО в Законе о соглашениях Уругвайского раунда, принятом Конгрессом США и имплементирующем в США Марракешское соглашение 1994 года²⁶⁸.

В ЕС вопрос о прямом эффекте права ВТО не получил чёткого решения на уровне нормативных актов, хотя в преамбуле решения Совета ЕС о подписании Марракешского соглашения указано, что «в силу своей природы Соглашение о создании ВТО, включая приложения к нему, не подлежит прямому применению в судах Сообщества или судах государств-членов ЕС»²⁶⁹. В силу этого позиция ЕС в отношении права ВТО была сформулирована в ряде решений Суда ЕС, в основном касавшихся торговых споров между США и ЕС. В рамках этих споров, начиная со знаменитого дела о бананах, соответствующие нормативные акты ЕС признавались третейскими группами не соответствующими праву ВТО²⁷⁰. После отказа ЕС исполнять эти решения США были введены санкции против ЕС в виде запретительных пошлин на целый ряд товаров. В итоге в суды государств-членов ЕС и в Суд ЕС были поданы множество исков от предприятий, которые пострадали в

²⁶⁷ Там же. С. 72.

²⁶⁸ Uruguay Round Agreements Act (URAA). An Act to approve and implement the trade agreements concluded in the Uruguay Round of multilateral trade negotiations // Public Law 103-465, 108 Stat. 4809. 8 December 1994.

²⁶⁹ Council Decision concerning the conclusion on behalf of the European Community, as regards matters within its competence, of the agreements reached in the Uruguay Round multilateral negotiations (1986-1994). // Official Journal of the European Communities. L 336. Vol 37. 23 December 1994.

²⁷⁰ WT/DS27 EC – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds27_e.htm (дата обращения: 10.10.2024); WT/DS320 US – Continued Suspension of Obligations in the EC – Hormones Dispute. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds320_e.htm (дата обращения 10.10.2024). См. по этому поводу Alter K. J., Meunier S. Nested and Overlapping Regimes in the Transatlantic Banana Trade Dispute // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. No. 3. P. 362-382.

результате неправомерных, с точки зрения ОРС ВТО, мер, введенных ЕС, либо понесли убытки от введения на уровне ВТО санкций против ЕС²⁷¹.

Наиболее полно на сегодняшний день позиция Суда ЕС в отношении прямого эффекта норм ВТО сформулирована в решении Суда ЕС по делу *ФИАММ и Федон*²⁷² инициированном европейскими компаниями, понёсшими значительные убытки из-за запретительных пошлин, введенных США в качестве санкций за неисполнение ЕС доклада ОРС ВТО по делу *ЕС – Бананы*. В решении по делу *ФИАММ и Федон* Суд ЕС заявил, что частные лица не вправе требовать признания акта ЕС незаконным на основании его противоречия праву ВТО в судах ЕС²⁷³. По мнению Суда ЕС, основным аргументом в пользу такого вывода является тот факт, что разрешение споров в рамках ВТО основано в значительной степени на переговорах государств-участников спора. В случае признания национальной меры противоречащей правилам ВТО отмена такой меры является по определению решением, лишь рекомендованным ВТО, но при этом допустимы и иные варианты действий²⁷⁴.

Кроме того, в деле Португалия против Совета Суд ЕС указал на требования взаимности и на то, что «признание того, что задача обеспечения соответствия права Сообщества правилам ВТО возлагается непосредственно на судебную систему Сообщества, лишило бы законодательные или исполнительные органы Сообщества возможностей для манёвра, которыми пользуются их коллеги из государств-торговых партнеров Сообщества»²⁷⁵. В этом контексте прямой эффект норм ВТО в судах ЕС привел бы к отсутствию взаимности по отношению к другим государствам-членам ВТО и неравномерному применению норм ВТО.

²⁷¹ Bronckers M. The Effect of the WTO in European Court Litigation // Texas International Law Journal. Vol. 40. 2005. P. 443–448; Tranchtmann J. Bananas, Direct Effect and Compliance // European Journal of International Law. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 655–678.

²⁷² CJEU. Joined cases C-120/06 P and C-121/06 P. Fabbrica italiana accumulatori motocarri Montecchio SpA (FIAMM) and Fabbrica italiana accumulatori motocarri Montecchio Technologies LLC (C-120/06 P), Giorgio Fedon & Figli SpA and Fedon America, Inc. (C-121/06 P) v Council of the European Union and Commission of the European Communities. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 9 September 2008. [2008] ECR I–06513.

²⁷³ Ibid. §116.

²⁷⁴ Ibid.

²⁷⁵ ECJ. Case C-149/96. Portugal v. Council, [1999] ECR I-8395. §46.

Тем не менее, Суд ЕС в своей практике сформулировал два исключения из своего запрета прямого эффекта права ВТО.

В рамках первого исключения (*Fediol exemption*), в тех случаях, когда оспариваемый акт ЕС прямо ссылается на конкретные и чёткие положения ГАТТ или ВТО, заявители могут просить суды осуществить судебный контроль над такими актами, исходя из соответствующих норм ВТО²⁷⁶. Второе исключение применяется, когда нормативный акт ЕС принят для реализации конкретного обязательства, взятого на себя ЕС в контексте ГАТТ-ВТО. В этом случае заявитель, на которого распространяется действие такого нормативного акта, может обратиться в Суд ЕС с просьбой установить, действовали ли институты ЕС при принятии этого акта в соответствии с обязательствами ЕС (*Nakajima exception*)²⁷⁷. Суд ЕС в своей практике настаивает на очень узком толковании этих исключений, и на сегодня они применялись только в сфере антидемпинга и общей торговой политики²⁷⁸.

Такой запрет Суда ЕС прямого эффекта норм ВТО контрастирует с его подходом к прямому эффекту других международных соглашений. Как отмечают исследователи, Суд ЕС в разное время признавал прямой эффект положений соглашений об ассоциации, соглашений о зоне свободной торговли, соглашений о партнёрстве и сотрудничестве, отказав при этом в прямом эффекте нормам ВТО и нормам Конвенции по морскому праву 1982 года²⁷⁹.

В академической литературе подход Суда ЕС к прямому эффекту права ВТО подвергается критике, и предлагается его все же смягчить. По мнению одних авторов, расширение прямого эффекта на нормы ВТО стало бы показателем серьёзного отношения Суда ЕС к международному праву и

²⁷⁶ CJEU. Case 70/87, *Fédération de l'industrie de l'huilerie de la CEE (Fediol) v. Commission of the European Communities*. Judgment of the Court of 22 June 1989. [1989] ECR 1781. §22.

²⁷⁷ CJEU. Case 69/89, *Nakajima All Precision Co. Ltd v. Council of the European Communities*. Judgment of the Court of 7 May 1991. [1991] ECR I-02069 §27-32.

²⁷⁸ Zang M. Q. Shall We Talk? Judicial Communication between the CJEU and WTO Dispute Settlement // *The European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. No. 1. P. 277.

²⁷⁹ *Ibid.* P. 276. См., например, дело: CJEU. Case C-308/06. *Intertanko and Others v. Secretary of State for Transport*. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 June 2008. [2008] ECR I-04057.

отвечало бы международным обязательствам при одновременном повышении их эффективности²⁸⁰. Это также расширило бы права частных лиц, поскольку каждый гражданин мог бы следить за выполнением своим государством международных обязательств²⁸¹.

В отношении прямого эффекта норм ВТО в правовом порядке ЕАЭС можно сказать, что проблема пока не получила однозначного решения. В литературе указывается, что «очень непростоим вопросом является вопрос о прямом и косвенном действии норм права ВТО в правовом порядке Таможенного союза, т. е. о праве частных лиц ссылаться на нормы права ВТО в Суде ЕврАзЭС для оспаривания актов Евразийской комиссии либо при толковании права таможенного союза»²⁸².

При этом соответствующая практика судов евразийской интеграции пока отсутствует или очень фрагментарна. Однако необходимо отметить, что подход Суда ЕврАзЭС к этим вопросам отличался от подхода судов РФ. Так, в решении по жалобе Новокраматорского комбината Суд ЕврАзЭС посчитал соглашения ВТО составной частью правового порядка Таможенного союза, сославшись на Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы (далее – ДФТС)²⁸³. Пока без ответа остался вопрос о прямом эффекте норм права ВТО в правовом порядке ЕАЭС. Иными словами, может ли частный заявитель обратиться в Суд ЕАЭС и просить признать решение ЕЭК не соответствующим какому-либо охваченному соглашению в рамках ВТО, аргументируя это тем, что данные соглашения относятся к международным договорам, заключенным в рамках Союза. До настоящего времени Суд ЕАЭС никак не сформулировал свое отношение к этой проблеме.

²⁸⁰ Ruiz Fabri H. Op. cit. P. 166.

²⁸¹ Ibid.

²⁸² Исполинов А.С. Указ. соч. С. 69.

²⁸³ Решение Суда ЕврАзЭС от 24.06.2013 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, Решения Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года N 904 "О мерах по защите экономических интересов производителей стальных кованых валков для прокатных станов в Таможенном союзе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148151/ (дата обращения: 28.02.2023).

Некоторые отечественные исследователи видят определенные плюсы в признании прямого эффекта норм ВТО в правовом порядке России (и эти же рассуждения применимы к ЕАЭС в целом). Так, по их мнению, предоставление судам большей роли в мониторинге действий правительства и обеспечении соблюдения правил ВТО, которые приносят пользу бизнесу, помогло бы улучшить деловой климат в России. Кроме того, согласно этой точке зрения, наделение прямым эффектом права ВТО придало бы российским национальным судам большую роль в системе государственного управления²⁸⁴. В то же время О.В. Кадышева призывает к более сдержанному подходу, отмечая противоречивость немногочисленной практики единообразного применения положений соглашений ВТО российскими арбитражными судами, а также сложность и объемность норм, подлежащих применению в сочетании с отсутствием у российских судей опыта и знаний в области применения международного права, что только осложняет ситуацию²⁸⁵.

В том случае, если российские суды разрешат иностранным компаниям предъявлять иски, основанные на прямом применении права ВТО, и начнут выносить решения о возмещении убытков в случаях несоблюдения Россией правил ВТО, то Россия может оказаться в ситуации, когда она должна будет выплачивать компенсации конкурентам российского бизнеса, что даст им конкурентное преимущество. Кроме того, прямой эффект правил ВТО, т.е. их применение национальными судами государств-членов ЕАЭС и Судом ЕАЭС, привел бы к тому, что Россия и остальные страны ЕАЭС имели бы более слабую переговорную позицию и меньшую гибкость, чем другие государства-члены ВТО, при обсуждении своей политики и поиске надлежащих и взаимоприемлемых решений. Кроме того, высказываются опасения, что в случае прямого эффекта норм ВТО российские суды, суды стран-членов ЕАЭС

²⁸⁴ Гудков И., Мизулин Н. Указ соч. С. 18.

²⁸⁵ Кадышева О. В. Применение положений соглашений Всемирной Торговой Организации российскими судами: обзор арбитражной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1(80). С.90.

и Суд ЕАЭС будут вовлечены в процесс применения и толкования права ВТО. Поскольку эти суды не имеют опыта или знаний в области права ВТО, это может привести к появлению противоречащих друг другу толкований и расхождению с практикой третейских групп и Апелляционного органа, что грозит фрагментацией и нарушением единства права ВТО.

Подводя итог, можно отметить, что нерешенность вопроса о прямом эффекте норм ВТО в правовом порядке ЕАЭС несёт в себе очевидный элемент правовой неопределённости и требует скорейшего прояснения, возможно в виде соответствующих разъяснений со стороны Верховного суда или Конституционного суда РФ. Тем не менее можно согласиться с точкой зрения, согласно которой в тех договорах, которые затрагивают сложные экономические вопросы, которые часто связаны с быстрыми изменениями, к тому же между большими группами очень разных стран, обычно считается неуместным сокращать поле для манёвра правительств и законодательных органов, которые должны сохранять способность сбалансировать интересы государства на этапе имплементации норм²⁸⁶. В таком контексте нет никаких сомнений в том, что к прямому эффекту норм права ВТО следует относиться с осторожностью, принимая во внимание, что такой эффект не вытекает из текста соглашений ВТО и, на наш взгляд, противоречит интересам национальной экономической политики.

²⁸⁶ Ruiz Fabri H. Op. cit. P. 173.

Глава 3. Механизмы разрешения споров в торговых соглашениях между ЕАЭС и третьими государствами

3.1. Соглашения ЕАЭС с третьими странами

Созданный в 2015 году Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) также не остался в стороне от общей тенденции к расширению сети РТС, на сегодняшний день заключив уже 5 таких соглашений (с Вьетнамом²⁸⁷, Сербией²⁸⁸, Ираном²⁸⁹, Сингапуром²⁹⁰ и Китаем²⁹¹), а всего в Евразийскую экономическую комиссию уже поступило более 40 предложений о заключении торговых соглашений с зарубежными странами²⁹². Очевидны намерения ЕАЭС создать широкую сеть таких соглашений, рассчитанную прежде всего на Восточное полушарие, и с перспективой распространения на все основные регионы мира. В исследованиях отмечается, что партнерами ЕАЭС по заключаемым соглашениям являются, как правило, небольшие государства и не самые сильные экономики, а содержание договоров о ЗСТ пока не является столь широким и глубоким, как, например, у Европейского Союза²⁹³ (далее –

²⁸⁷ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, было подписано 29 мая 2015 года и вступило в силу 5 октября 2016 года. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/vietnam.php> (дата обращения 22.02.2024).

²⁸⁸ Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны, подписано 25 октября 2019 года и вступило в силу 10 июля 2021 года. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/serbia.php> (дата обращения 22.02.2024).

²⁸⁹ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны от 25 декабря 2023. Оно призвано заменить Временное соглашение между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны, которое было подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 27 октября 2019 года. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/iran.php> (дата обращения 22.02.2024).

²⁹⁰ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/singapore.php> (дата обращения 22.02.2024).

²⁹¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 года. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/china.php> (дата обращения 22.02.2024).

²⁹² Комендантов С.В. Указ. соч. URL: <https://inter-legal.ru/soglasheniya-o-svobodnoj-torgovle-eaes-i-ego-gosudarstv-chlenov-s-tretimi-gosudarstvami-evolyutsiya-realizatsiya-i-perspektivy> (дата обращения: 15.12.23).

²⁹³ Bronckers, M., Gruni, G. Retooling the Sustainability Standards in EU Free Trade Agreements // Journal Of International Economic Law. 2021. Vol 24. No. 1. P. 25-51.

ЕС) (справедливости ради надо отметить, что ЕС сейчас заключает соглашения уже второго поколения, далеко выходящие за рамки создания зон свободной торговли ²⁹⁴). Кроме этого, во всех соглашениях, заключаемых ЕАЭС, присутствуют положения ВТО-плюс (в первую очередь в отношении торговли услугами, технических барьеров в торговле, санитарных и фитосанитарных мер), в то время как договорённости в рамках ВТО-экстра есть лишь в незначительных масштабах в трех соглашениях (положения об электронной коммерции есть в соглашениях с Сербией, Сингапуром и Вьетнамом, а нормы о защите данных и защите прав потребителей предусмотрены в Соглашении с Вьетнамом, но только применительно к электронной коммерции). Положения о защите интеллектуальной собственности, охране труда и инвестиций есть также в соглашении с Вьетнамом, но они обязательны только для России.

Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан 29.05.2014) в статье 7 предусматривает, что ЕАЭС может заключать международные договоры как самостоятельно, так и совместно с государствами-членами (что является обязательным при заключении международных договоров в тех сферах, где решения органов ЕАЭС являются обязательными для государств-членов, а это в первую очередь внешняя торговля товарами). Такое требование делает неизбежным в рамках ЕАЭС заключение региональных торговых соглашений с третьими странами только в формате, при котором они заключаются Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и третьими государствами, с другой. Подобного рода смешанные соглашения широко применяются в практике ЕС, хотя и вызывают доктринальные споры в отношении их соответствия международному праву ²⁹⁵ . Однако ситуация с РТС, заключаемыми Европейским Союзом, принципиально отличается, поскольку там требование о смешанном характере таких соглашений вытекает не из учредительных договоров, а основано на том, что ряд полномочий,

²⁹⁴ Bercero I. G. Dispute Settlement in European Union Free Trade Agreements: Lessons Learned? // *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System* / Bartels L., Ortino F. (eds). Oxford. Oxford Academic. P. 383.

²⁹⁵ Kaspiarovich, Y., Levrat, N. European Union Mixed Agreements in International Law under the Stress of Brexit // *European Journal of Legal Studies*. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 121-150.

включая регулирование портфельных инвестиций, до сих пор находится в сфере совместной компетенции ЕС и государств-членов²⁹⁶. При этом порядок заключения международных договоров Союза с третьей стороной определяются отдельным Соглашением о международных договорах ЕАЭС союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями, который был подписан в г. Сочи 14.05.2018 г.²⁹⁷. Наряду с этим хотелось бы отметить следующее: если первые РТС, заключённые со стороны ЕАЭС, уже стали предметом исследований со стороны академического сообщества, то вопросы механизмов разрешения споров, которые предусмотрены этими соглашениями, пока остаются вне поля зрения российских авторов. Кроме того, несмотря на наличие в литературе исследований, посвящённых Суду ЕАЭС²⁹⁸, вопросы взаимодействия Суда ЕАЭС и механизмов разрешения торговых споров, предусмотренных в заключаемых со стороны ЕАЭС соглашениях с третьими странами, пока остаются за рамками публикаций отечественных исследователей.

3.2. Механизмы разрешения споров в соглашениях ЕАЭС с третьими странами

Включение положений о порядке разрешения споров стали обязательным условием для заключаемых РТС в силу неизбежности появления разночтений в отношении объёма и сути обязательств, взятых на себя их сторонами. В современных РТС наблюдается заметная эволюция в сторону использования в

²⁹⁶ Thym D. Mixture after Opinion 2/15: Judicial Confusion over Shared Competences // VerfassungsBlog. URL: <https://verfassungsblog.de/mixity-after-opinion-215-judicial-confusion-over-shared-competences/> (дата обращения: 05.01. 2024).

²⁹⁷ Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1418.

²⁹⁸ Соколова, Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 108. № 11. С. 96-103; Соколова Н. А. Укрепление региональной интеграции: судебное влияние// Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10(71). С. 181-189.

них независимых судебных или арбитражных механизмов, в рамках которых выносятся обязательные решения по спорам, причем абсолютное большинство современных РТС предусматривают в качестве механизма для разрешения споров передачу споров на рассмотрение *ad hoc* арбитражного трибунала.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) также не остался в стороне от общей мировой тенденции к расширению сети РТС, приступив к поэтапному заключению таких соглашений с третьими странами. При этом в рамках ЕАЭС заключение таких соглашений возможно только в формате смешанных соглашений, при котором они заключаются Союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и третьими государствами, с другой. Содержание таких договоров пока сводится к созданию зоны свободной торговли, то есть не является столь широким и глубоким, как, например, у ЕС, который сейчас заключает соглашения уже второго поколения, далеко выходящие за рамки создания зон свободной торговли. Тем не менее, во всех соглашениях, заключаемых ЕАЭС, присутствуют положения ВТО-плюс, в то время как нормы, относящиеся к группе ВТО-экстра есть лишь в незначительных масштабах в трех соглашениях.

В том, что касается механизмов по рассмотрению споров, предусмотренных в этих Соглашениях ЕАЭС, то нужно отметить, что почти все они (за исключением Соглашения с КНР) используют скопированную с ВТО модель квазисудебного механизма разрешения споров или сочетание политико-дипломатического и квазисудебного механизма разрешения споров в зависимости от предмета спора. Квазисудебный механизм предусматривает стадию обязательных консультаций до передачи спора в *ad hoc* арбитраж, стадию арбитражного разбирательства и стадию контроля за исполнением принятых арбитражем решений.

В зависимости от использования тех или иных механизмов разрешения споров все эти соглашения можно разделить на три группы:

1) Соглашения, которые предусматривают разрешение споров **только путем использования политико-дипломатических механизмов**. Пока в эту группу входит только соглашение с Китаем, которое предусматривает, что любые споры должны быть урегулированы только путём консультаций с целью достижения взаимоприемлемого решения

2) Соглашения, предусматривающие **только квазисудебную модель** разрешения споров. Это соглашения с Ираном и с Сербией.

3) Соглашения, в которых в зависимости от существа спора **предусмотрено использование политико-дипломатического или квазисудебного механизма разрешения споров**. К таким договорам относятся соглашение с Вьетнамом, в котором отдельно оговаривается, что споры, связанные с вопросами государственных закупок, электронной коммерции, конкуренции и устойчивого развития (главы Соглашения с 10 по 13 соответственно) разрешаются только путем предусмотренных этими главами процедур межгосударственных консультаций. В эту же группу входит соглашение с Сингапуром, где общие положения об арбитражном рассмотрении споров не применяются к спорам, вытекающим из глав о конкуренции, электронной коммерции и государственных закупок, которые решаются также только путем предусмотренных процедур консультаций.

3.3. Квазисудебная модель разрешения споров: общее и особенное в процедурных вопросах

Копируя ВТО, соглашения ЕАЭС с третьими странами (за исключением соглашения с КНР) предусматривают стадию обязательных консультаций до передачи спора в *ad hoc* арбитраж, стадию арбитражного разбирательства и стадию контроля за исполнением принятых арбитражем решений, которая, как правило, повторяет статью 25 Договоренности о разрешении споров ВТО. В отличие от ВТО соглашения, заключаемые ЕАЭС, не предусматривают создание апелляционной инстанции и апелляционного обжалования докладов арбитражных групп.

В этих соглашениях устанавливается, что в случае недостижения в течение шестидесяти (60) дней согласия между спорящими сторонами в ходе обязательных консультаций государство-заявитель может инициировать арбитражное разбирательство. В этом случае создается арбитражная группа (арбитражная панель в терминологии соглашений с Ираном и с Вьетнамом) из трех арбитров. В течение тридцати (30) дней с даты получения запроса на учреждение Арбитражной панели государством-ответчиком каждая сторона спора назначает по одному арбитру из числа лиц, обладающих знаниями и/или опытом в сфере права, международной торговли или в области разрешения споров, вытекающих из международных торговых соглашений. Назначенные таким образом арбитры выбирают председателя группы. В случае отказа одной из сторон назначить своего арбитра или в случае недостижения согласия между арбитрами по поводу кандидатуры председателя, назначающей стороной будет являться Председатель Международного суда ООН (в соглашении с Сингапуром эта роль отводится Генеральному директору ВТО, а в соглашении с Сербией Генеральному Секретарю Постоянной Палаты третейского суда). Такое решение позволяет избежать ситуации с блокировкой создания арбитражной панели. Именно с этой проблемой столкнулись в 1990-х годах государства-члены НАФТА, пытавшиеся инициировать рассмотрение спора в рамках НАФТА, что привело в итоге к полному отказу от такого механизма рассмотрения межгосударственных споров²⁹⁹.

Задачей арбитражной группы во всех соглашениях ЕЭАС является вынесение решения о соответствии рассматриваемой меры положениям соответствующего соглашения и подготовить доклад в достаточно сжатые сроки (как правило, в течение девяноста дней или шестидесяти дней в случаях, не терпящих отлагательства). Если группа приходит к выводу, что оспоренная мера государства-ответчика не соответствует этому соглашению, то доклад должен также включать установленные факты и **рекомендации** об

²⁹⁹ Lester, S., Manak, I., Arpas, A. Access to Trade Justice: Fixing NAFTA's Flawed State-to-State Dispute Settlement Process // World Trade Review. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 63.

устранении несоответствия (соглашения с Ираном и с Сербией) или **требование** об устранении (соглашения с Вьетнамом и с Сингапуром) нарушения в разумные сроки.

Все соглашения ЕАЭС предусматривают стадию контроля за исполнением рекомендаций (требований) арбитражных групп. В ходе этой стадии в случае возникновения разногласий между спорящими сторонами по поводу установления разумного срока для исполнения арбитражного решения или корректности его исполнения возможна передача спора об этом на рассмотрение того же состава арбитров. Также как в ВТО, в случае несоблюдения ответчиком выводов группы государство-заявитель вправе приостановить действие уступок или прочих льгот, предоставляемых в соответствии с Соглашением в интересах ответчика, но только в эквивалентной мере, которую Арбитражная панель признала несоответствующей Соглашению. В случае разногласия между сторонами спора в отношении эквивалентности приостановления уступок вопрос передаётся также на рассмотрение первоначальной группы, до решения которой льготы не подлежат приостановлению.

Отличительной чертой соглашения с Сингапуром является то, что там в качестве приложений приведены Правила процедуры арбитражной группы и Кодекс поведения арбитров. Другие соглашения исходят из того, что правила процедуры будут разработаны уже после создания группы (панели), что объективно осложнит подготовку доклада в не без того сжатые сроки, установленные соглашениями.

Одинаково во всех соглашениях решены вопросы вознаграждения арбитров и понесённых расходов. Каждая сторона берет на себя все расходы назначенного ею арбитра, свои собственные расходы и судебные расходы, проистекающие из участия в процедурах Арбитражной панели (группы). Вознаграждение и расходы Председателя Арбитражной панели (группы) и

прочие расходы, связанные с ведением арбитражного разбирательства, распределяются между сторонами спора в равных долях.

В отношении обязательности докладов панели (группы) все соглашения ЕАЭС предусматривают, что они должны безусловно признаваться Сторонами.

3.4. Проблемные вопросы квазисудебных механизмов разрешения споров в соглашениях ЕАЭС с третьими странами

Комментируя выбор разработчиками региональных торговых соглашений процедуры рассмотрения споров в ВТО в качестве некоего идеала для регионального механизма рассмотрения споров, можно отметить, что это несёт также некоторые риски. На уровне ВТО все расходы по администрированию спора (поддержка Секретариата ВТО, гонорары членам третейской группы и Апелляционного органа) производятся за счёт бюджета ВТО, формируемого за счёт ежегодных взносов государств — членов ВТО, при этом со сторон спора не взимаются пошлины за ведения спора. В доктрине уже отмечалось, что в случае возникновения спора на уровне регионального торгового соглашения (в данном случае Соглашения ЕАЭС с третьим государством) стороны спора оказываются перед необходимостью создания каждый раз и за свой счёт структуры по администрированию спора фактически на одноразовой основе, что влечёт за собой соответствующие административные, финансовые и процедурные проблемы³⁰⁰. В этом случае администрирование рассмотрения споров в *ad hoc* арбитраже в течение значительного времени может оказаться сложным и непредсказуемо затратным мероприятием для государств — участников такого Соглашения.

Вопросы исключения или минимизации рисков конфликта юрисдикций между ОРС ВТО и механизмами, предусмотренными Соглашениями ЕАЭС (в

³⁰⁰ Falls S. Op. cit. P. 52.

виде параллельных или последующих разбирательств по одному и тому же спору), решены в соглашениях одинаковым способом за счет включения в их текст так называемой оговорки «развилка на дороге» (*fork in the road*). Данный тип оговорок предполагает потенциальному заявителю самому сделать предварительный выбор между ОРС ВТО и механизмом разрешения споров, предусмотренным региональным соглашением, при этом сделанный им выбор одного механизма по разрешению споров означает утрату возможности обращаться к другому. Например, пункт 2 статьи 14.3 Соглашения между ЕАЭС и Вьетнамом предусматривает, что «споры по одному и тому же вопросу между одними и теми же Сторонами спора, возникающие одновременно в рамках настоящего Соглашения и Соглашения ВТО, могут разрешаться в рамках любого из предусмотренных указанными международными договорами способов разрешения спора по выбору Стороны-истца. Выбранный таким образом способ разрешения спора исключает использование другого способа».

При этом нужно отметить, что эта оговорка, являясь сейчас неким стандартом для региональных квазисудебных механизмов разрешения торговых споров, первоначально была направлена исключительно на то, чтобы избежать конфликта юрисдикций этих механизмов и порядка рассмотрения споров на уровне ВТО³⁰¹. Однако сейчас эта оговорка активно используется для фактического игнорирования региональных механизмов разрешения торговых споров в пользу ОРС ВТО, что приводит к тому, что большинство таких региональных механизмов остаётся незадействованными в силу того, что государства — участники РТС предпочитают рассматривать споры между собой на уровне ВТО, как в по-прежнему наиболее для них удобном (в широком смысле) сейчас механизме разрешения торговых споров³⁰². Представляется, что именно в рамках этой логики будут действовать страны-партнеры ЕАЭС по заключённым торговым соглашениям. На сегодняшний

³⁰¹ Graewert T. Op. cit. P. 313-314.

³⁰² Falls S. Op. cit. P. 51.

день пока не зафиксировано ни одного обращения сторон Соглашений ЕАЭС с третьими странами ни в ВТО, ни в региональный механизм разрешения споров, предусмотренный этими Соглашениями. Скорее всего, эти механизмы разрешения споров будут использоваться в тех случаях, когда одна из сторон спора не является участником ВТО (Иран и сам ЕАЭС), либо когда речь идет о невыполнении одной из сторон обязательств ВТО-плюс или ВТО-экстра, споры о которых не относятся к компетенции ОРС ВТО. Кроме того, не исключено нарастание кризиса системы разрешения споров на уровне ВТО, что в конечном счете приведет к активизации использования региональных механизмов разрешения споров, в том числе и предусмотренных соглашениями ЕАЭС с третьими странами³⁰³.

Другим риском является то, что механизмы разрешения споров, предусмотренные соглашениями ЕАЭС, являются примером эффекта матрешки. Этот эффект состоит в том, что внутри ЕАЭС появляются по мере заключения торговых соглашений с третьими странами индивидуализированные для каждого такого соглашения механизмы разрешения споров, в рамках которых при рассмотрении споров также будут подлежать толкованию и применению нормы права ЕАЭС. Пока еще непонятно, насколько это представляет собой реальный риск для монополии Суда ЕАЭС по толкованию норм ЕАЭС, но исключать появление этого риска нельзя.

³⁰³ Исполинов А. С., Кадышева О. В. Кризис механизма разрешения споров Всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. № 10. С.142.

Заключение

Многочисленные региональные торговые соглашения стали неотъемлемой чертой современного регулирования международной торговли. Помимо создания зон свободной торговли, современные РТС ныне регулируют вопросы инвестиций, интеллектуальной собственности, защиты прав потребителей, трудовых и экологических стандартов, зачастую идя гораздо дальше, чем существующие нормы ВТО. Широкому распространению самых разнообразных РТС также способствовала слабость контрольного механизма на уровне ВТО, который бы обеспечивал соответствие заключаемых РТС правилам ВТО. Существовавшее длительное время отсутствие прямого указания в тексте ГАТТ на применение механизма рассмотрения споров в ГАТТ к спорам, вытекающим из ст. XXIV ГАТТ, а также общая «слабость» механизма по рассмотрению споров в ГАТТ стали серьезным препятствием на пути создания внятной практики рассмотрения споров по ст. XXIV. В 1996 г. рамках усиления дипломатического контроля за соблюдением требований статьи XXIV ГАТТ был создан специальный Комитет по региональным торговым соглашениям. Однако практика Комитета в ходе первых лет его работы показала, что он оказался неэффективным в силу правила консенсуса при принятии им решений, а также из-за того, что в состав Комитета входят все страны-члены ВТО, включая те государства, которые заключили РТС, находящиеся на рассмотрении этого Комитета. Кроме того, даже после введения срока для направления уведомления в Комитет, государства зачастую воздерживаются от их соблюдения, направляя уведомление о заключённом РТС уже после создания ими таможенного союза или зоны свободной торговли и избегая тем самым проверки и дискуссии. Сами государства, заключая различные РТС, очевидно, не опасаются нарушить положения этой статьи, а существующее правило консенсуса делает бессмысленными любые попытки ужесточить контроль за создаваемыми РТС на уровне Комитета. При этом государства-члены ВТО лишь в очень редких случаях оспаривали соответствие РТС многосторонним

правилам торговли в ОРС ВТО. Тем не менее Апелляционный орган ВТО разработал двухуровневый тест для анализа соответствия оспариваемой меры положениям ст. XXIV ГАТТ. По его мнению, во-первых, следует установить, что созданный государствами таможенный союз или зона свободной торговли полностью соответствуют требованиям ст. XXIV ГАТТ; во-вторых, оспариваемая мера должна быть абсолютно необходима для полноценного создания такого РТС в том смысле, что без оспариваемой меры создание данного РТС было бы невозможно.

На сегодня проблема соотношения норм РТС и норм соглашений ВТО является одной из наиболее актуальных в современной повестке ВТО, а своего рода «институциональный конфликт» между ВТО и многочисленными РТС, рассматривается как одна из причин серьёзного замедления регуляторного процесса на уровне ВТО.

Включение в тексты РТС положений о порядке разрешения споров стало обязательным условием в силу неизбежности появления у государств-участников разногласий в отношении объёма и сути взятых на себя обязательств. В современных РТС наблюдается эволюция в сторону использования независимых судебных или арбитражных механизмов, в рамках которых выносятся обязательные решения по спорам, при этом абсолютное большинство современных РТС предусматривают в качестве механизма для разрешения споров передачу споров на рассмотрение арбитражных трибуналов *ad hoc*, создаваемых и действующих по модели третейских групп в ВТО. Такое копирование РТС модели разрешения споров в ВТО может быть следствием ряда причин, среди которых не последнюю роль играют признание государствами успешности и эффективности ОРС ВТО для разрешения споров и для толкования соглашений ВТО, а также позитивное отношение государств к процессуальным особенностям разрешения споров ВТО и к механизму контроля за исполнение вынесенных третейскими группами, который остается полностью под контролем самих государств. Постоянно

действующие региональные суды создаются только в тех немногих РТС, которые предусматривают создание таможенных союзов (например, в ЕС и ЕАЭС). В этом случае полномочия принимать обязательные решения по таможенным тарифам передаются от государств к наднациональным институтам, что в свою очередь требует соответствующего постоянного судебного контроля за их решениями.

Тем не менее на практике рост количества региональных торговых соглашений не привёл к пропорциональному росту числа торговых споров, рассматриваемых в рамках соответствующих региональных механизмов, которые в своем абсолютном большинстве остаются незадействованными. Этот парадокс не означает отсутствие разногласий среди государств-участников РТС, и объясняется тем, что государства — участники РТС по-прежнему предпочитают рассматривать споры между собой на уровне ВТО, даже имея при этом доступ к региональным механизмам. При этом региональные механизмы используются в первую очередь для разрешения споров, которые касаются вопросов, выходящих за рамки ВТО (например, вопросы соблюдения трудовых стандартов, охраны труда и окружающей среды), и поэтому не могут быть переданы на рассмотрение в ОРС ВТО. Решающими факторами в пользу выбора государствами ОРС ВТО являются не только отмеченное удобство ОРС ВТО, но и желание избежать ситуации с вероятной фрагментацией международного торгового права, которое может проявиться вследствие неизбежных разночтений при толковании разнообразными региональными механизмами во многом сходных ключевых положений региональных торговых соглашений. При этом в тех региональных торговых соглашениях, где создаются постоянно действующие суды, наблюдается обратная тенденция в виде фактического запрета государствам членам обращаться в ВТО в обход этих судов.

Можно также предположить, что до тех пор, пока урегулирование споров на уровне ВТО не остановится в целом вследствие кризиса (или пока от него

не откажутся сами государства, сделав маловероятный сейчас выбор в пользу региональных механизмов), то государства, даже имея под рукой механизмы разрешения споров в региональных РТС, скорее всего, продолжат в обозримом будущем отдавать свое предпочтение в пользу ОРС ВТО.

Можно также отметить, что нерешенность вопроса о прямом эффекте норм ВТО в правопорядке различных РТС предусмотренными механизмами по разрешению споров несёт в себе очевидный элемент правовой неопределённости и требует скорейшего прояснения. Тем не менее можно согласиться с точкой зрения, согласно которой в тех договорах, которые затрагивают сложные экономические вопросы, которые часто связаны с быстрыми изменениями, к тому же между большими группами очень разных стран, обычно считается неуместным сокращать поле для манёвра правительств и законодательных органов, которые должны сохранять способность сбалансировать интересы государства на этапе имплементации норм. В таком контексте нет никаких сомнений в том, что к прямому эффекту следует относиться с осторожностью.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) также не остался в стороне от общей мировой тенденции к расширению сети РТС, приступив к поэтапному заключению таких соглашений с третьими странами. В том, что касается механизмов по рассмотрению споров, предусмотренных в этих Соглашениях ЕАЭС, то нужно отметить, что почти все они используют скопированную с ВТО модель квазисудебного механизма разрешения споров или сочетание политико-дипломатического и квазисудебного механизма разрешения споров в зависимости от предмета спора. Квазисудебный механизм предусматривает стадию обязательных консультаций до передачи спора в *ad hoc* арбитраж, стадию арбитражного разбирательства и стадию контроля за исполнением принятых арбитражем решений.

Говоря о Договоре о ЕАЭС и его механизме разрешения споров в виде Суда ЕАЭС, нужно отметить, что внутри ЕАЭС появляются по мере

заклучения торговых соглашений с третьими странами индивидуализированные для каждого такого соглашения механизмы разрешения споров, в рамках которых при рассмотрении споров также будут подлежать толкованию и применению нормы права ЕАЭС. Пока еще непонятно, насколько это представляет собой реальный риск для монополии Суда ЕАЭС по толкованию норм ЕАЭС, но исключать появление этого риска нельзя.

Перечень использованных источников

I. Международные нормативно-правовые акты и иные документы:

1. Agreement establishing African Continental free trade area. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-treaty-consolidated_text_on_cfta_-_en.pdf (дата обращения: 23.05.2024).
2. Agreement establishing an Association between the European Economic Community and Turkey // Official Journal of the European Communities. L 361. Vol. 20. 31 December 1977. P. 29-43.
3. Comprehensive Economic and Trade Agreement (CETA) between Canada, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part // Official Journal of the European Union. L 11. Vol. 60. 14 January 2017. P. 23–1079.
4. Comprehensive Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9121/CBP-9121.pdf> (дата обращения 23.05.2024).
5. Conference Report, The Third United Nations Law of the Sea Conference: The Current Status and the Informal Single Negotiating Text // Case Western Reserve Journal of International Law. 1976. Vol. 8. P. 33-45.
6. Council of the European Union. Council decision authorising the opening of negotiations with the United States of America for an agreement on the elimination of tariffs for industrial goods. 6052/19. 9 April 2019. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39180/st06052-en19.pdf> (дата обращения 23.05.2024).
7. Council Decision concerning the conclusion on behalf of the European Community, as regards matters within its competence, of the agreements reached in the Uruguay Round multilateral negotiations (1986-1994). // Official Journal of the European Communities. L 336. Vol 37. 23 December 1994.
8. Decision No 1/95 of the EC-Turkey Association Council of 22 December 1995 on implementing the final phase of the Customs Union // Official Journal. L 35. Vol. 39. 13 February. P. 1 – 47.

9. Decision on Differential and More Favourable Treatment, Reciprocity and Fuller Participation of Developing Countries. 28 November 1979. GATT document L/4903. BISD 26S/203. P. 203-205.

10. Free Trade Agreement Between Canada and The Republic of Korea. URL: https://sice.oas.org/Trade/CAN_KOR/English/Text_e.asp (дата обращения 23.03.2024).

11. ILC. Report of the Study Group of the International Law Commission. Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law. A/CN.4/L.682. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

12. North American Free Trade Agreement. URL: <https://www.italaw.com/sites/default/files/laws/italaw6187%2814%29.pdf> (дата обращения: 23.05.2024).

13. Uruguay Round Agreements Act (URAA). An Act to approve and implement the trade agreements concluded in the Uruguay Round of multilateral trade negotiations // Public Law 103-465, 108 Stat. 4809. 8 December 1994.

14. WTO. Background Note by the WTO Secretariat. Compendium of Issues Related to Regional Trade Agreements. WTO Doc. TN/RL/W/8/Rev.1. Para. 3. URL: https://jmcti.org/2000round/com/doha/tn/tn_rl_w_008rev1.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

15. WTO. Decision of the General Council on 6 February 1996 (WT/L/127). Committee on Regional trade agreements. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/127.pdf (дата обращения: 12.11.24).

16. WTO. Decision of the General Council of 14 December 2006. WTO Doc. WT/L/671. Transparency Mechanism for Regional Trade Agreements.

17. WTO. World Trade Report 2007: Six Decades of Multilateral Cooperation: What Have We Learnt? Geneva. 2007.

18. Генеральное Соглашение по торговле услугами (ГАТС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров). Марракеш. 15 апреля 1994 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/2541542/> (дата обращения: 25.02.2024).

19. Соглашение о международных договорах Евразийского экономического союза с третьими государствами, международными организациями или международными интеграционными объединениями // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1418.

20. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны от 25 декабря 2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/iran.php> (дата обращения 22.02.2024).

21. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (подписано 17 мая 2018 года и вступило в силу 25 октября 2019 года). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 22.02.2024).

22. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/singapore.php> (дата обращения 22.02.2024).

23. Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны, подписано 25 октября 2019 года и вступило в силу 10 июля 2021 года. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/serbia.php> (дата обращения 22.02.2024).

24. Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны, было подписано 29 мая 2015 года и вступило в силу 5 октября 2016 года. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/vietnam.php> (дата обращения 22.02.2024).

II. Материалы судебной и арбитражной практики:

1. CJEU. Case 70/87, *Fédération de l'industrie de l'huilerie de la CEE (Fediol) v. Commission of the European Communities*. Judgment of the Court of 22 June 1989. [1989] ECR 1781.

2. CJEU. Joined cases C-120/06 P and C-121/06 P. *Fabbrica italiana accumulatori motocarri Montecchio SpA (FIAMM) and Fabbrica italiana accumulatori motocarri Montecchio Technologies LLC (C-120/06 P), Giorgio Fedon & Figli SpA and Fedon America, Inc. (C-121/06 P) v Council of the European Union and Commission of the European Communities*. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 9 September 2008. ECR [2008] I-06513.

3. CJEU. Case C-308/06. *Intertanko and Others v. Secretary of State for Transport*. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 3 June 2008. [2008] ECR I-04057.

4. CJEU. Case 69/89, *Nakajima All Precision Co. Ltd v. Council of the European Communities*. Judgment of the Court of 7 May 1991. [1991] ECR I-02069.

5. ECJ. Case C-149/96. *Portugal v. Council*. [1999] ECR I-8395.

6. Final Report of the Arbitration Panel established pursuant to Article 307 of the Association Agreement between Ukraine, of the one part, and the European Union and its Member States, of the other part. *European Union v. Ukraine (Ukraine wood exports ban)*. 11 December 2020. URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-european-union-v-ukraine-ukraine->

[wood-exports-ban-establishment-of-the-panel-tuesday-28th-january-2020#decision_14064](#) (дата обращения: 24. 12.2023).

7. Panel Report. EEC – Import Regime for Bananas. GATT Doc. DS38/R. 11 February 1994. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/gatt_e/94banana.pdf (дата обращения: 12. 11. 2024).

8. Panel Report. El Salvador – Tariff treatment to goods originated from Costa Rica. CAFTA-DR/ARB/2014/CR-ES/18. 18 November 2014. URL: [https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=cafta/panel/elsalvador-tariffs\(cafta\).pdf&mode=download#page=1](https://www.worldtradelaw.net/document.php?id=cafta/panel/elsalvador-tariffs(cafta).pdf&mode=download#page=1) (дата обращения: 03.11.2024).

9. Panel Report. European Community – Tariff Treatment on Imports of Citrus Products from Certain Countries in the Mediterranean Region. GATT Doc. L/5776. 7 February 1985. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/gatt_e/82citrus.pdf (дата обращения: 12. 11. 2024).

10. Panel report. United States v. Guatemala (In the Matter of Guatemala – Issues Relating to the Obligations Under Article 16.2.1(a) of the CAFTA-DR. 14 June 2017. URL: https://www.trade.gov/sites/default/files/2020-09/Guatemala%20%E2%80%93%20Obligations%20Under%20Article%2016-2-1%28a%29%20of%20the%20CAFTA-DR%20%20June%202014%202017_1_0.pdf (дата обращения: 03.11.2024).

11. WTO. Appellate Body Report. European Communities – Conditions for the Granting of Tariff Preferences to Developing Countries. WT/DS246/AB/R. 7 April 2004. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds246/ab/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds246/ab/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения: 12. 11. 2024).

12. WTO. Appellate Body Report. Mexico – Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages. WT/DS308/AB/R. 6 March 2006. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol)

[=%20wt/ds308/ab/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](#) (дата обращения 24. 12.2023).

13. WTO. Appellate Body Report. Peru – Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products. WT/DS457/AB/R. 20 July 2015. (дата обращения 24.12.23).

14. WTO. Appellate Body Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/AB/R. 22 October 1999. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(%20wt/ds34/ab/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(%20wt/ds34/ab/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения: 15.12.23).

15. WTO. Appellate Body Report. United States — Standards for Reformulated and Conventional Gasoline. WT/DS2/AB/R. 29 April 1996. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(%20wt/ds2/ab/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(%20wt/ds2/ab/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения 15.12.23).

16. WTO. Panel Report. Argentina — Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil. WT/DS241/R.22 April 2003. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds241_e.htm (дата обращения: 24.12.2024).

17. WTO. Panel Report. Canada-Certain Measures Affecting the Automotive Industry. WT/DS139/R. WT/DS1442/R. 11 February 2000. § 10.52-10.54. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=Q:/WT/DS/142R.pdf&Open=True> дата обращения 15.11.2024).

18. WTO. Panel report. Korea - Definite Safeguard Measure on Imports of Certain Dairy Products. WT/DS98/R. 21 June 1999. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(%20wt/ds98/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(%20wt/ds98/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения 03.11.2024).

19. WTO. Panel Report. Mexico – Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverages. WT/DS308/R. 7 October 2005. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds308/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds308/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения: 26.12.2023).

20. WTO Panel Report. Turkey – Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. WT/DS34/R. 31 May 1999. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds34/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds34/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения 15.12.23).

21. WTO. Panel Report. United States — Sections 301–310 of the Trade Act 1974. WT/DS152/R. 22 December 1999. URL: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(@Symbol=%20wt/ds152/r*%20not%20rw*\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=(@Symbol=%20wt/ds152/r*%20not%20rw*)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=true#) (дата обращения 15.12.23).

22. Решение Суда ЕврАзЭС от 24.06.2013 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании не соответствующим международным договорам, заключенным в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, Решения Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 года N 904 "О мерах по защите экономических интересов производителей стальных кованых валков для прокатных станов в Таможенном союзе». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148151/ (дата обращения: 28.02.2023).

III. Монографии, учебники, статьи на русском языке:

1. Барончини Э. ВТО и региональные системы разрешения споров: конфликт юрисдикций // Международное правосудие. 2014. No. 3 (11). С. 131-136.

2. Березина Е. К. Особенности политико-правовых документов ЕАЭС с третьими странами // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. №. 4. С. 61-66.
3. Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. №. 2. С. 223–236.
4. Боклан Д., Боклан О., Смбалян А. Значение Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния для защиты интересов сторон при разрешении споров в рамках ВТО // Международное правосудие. 2016. №. 4 (20). С. 99–113.
5. Бублик В.А. Губарева А.В.. Конфликт юрисдикций в глобальной и региональных системах разрешения споров // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. №. 5. С. 112-120.
6. Видус, Д. Э. Некоторые проблемы деятельности Комитета по региональным торговым соглашениям // Международное право и международные организации. 2019. № 1. С. 40-44.
7. Гудков И., Мизулин Н. Правила ВТО: проблемы прямого действия и эффективности мер ответственности за нарушения // Право ВТО. 2012. № 1. С. 11–18.
8. Зуев В.Н., Островская Е.Я., Скрыбина В.Ю., Калачигин Г.М. Особенности стратегии ЕАЭС по формированию сети ЗСТ // Экономический журнал ВШЭ. 2021. №. 25 (1). С.42–64.
9. Исполинов А.С. Вопросы прямого применения права ВТО в правопорядке России // Законодательство. 2014. №2. С. 68-79.
10. Исполинов А. С. Концепция *acquis communautaire* в праве ЕС // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. №. 5. С. 68–88.
11. Исполинов А. С. К 20-летию ВТО: критический взгляд на практику Органа по разрешению споров // Торговая политика. 2015. №. 1. С. 10–30.

12. Исполинов А. С. Что скрывается за броским термином интеграционное правосудие? // Право. Журнал высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 105-120.
13. Исполинов А.С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex Russia (Русский закон). 2017. №.10. С. 58-87.
14. Исполинов А. С. Применение норм ВТО национальными судами: теория и практика // Государство и право. 2014. № 9.С. 75–85.
15. Исполинов А.С. Кадышева О.В, Кризис механизма разрешения споров всемирной торговой организации: в поисках альтернатив // Закон. 2020. №. 10. С. 136–144.
16. Кадышева О.В. Правовое регулирование ответственности в ВТО и ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. №. 2. С. 25-48.
17. Кадышева О. В. Применение положений соглашений Всемирной Торговой Организации российскими судами: обзор арбитражной практики // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1(80). – С. 85-90.
18. Кадышева О.В. Решение Органа по рассмотрению споров Всемирной торговой организации по делу "Бразилия - меры, затрагивающие импорт шин с восстановленным протектором": "торговый спор завершен, а лихорадка денге только началась" // Современное право. 2013. №. 9. С. 127-131.
19. Кадышева О. В. Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. №. 3. С. 48-58.
20. Кожеуров Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: «Смотр правовых сил» // Российский юридический журнал. 2016. №. 4. С. 94-112.

21. Кожеуров Я.С. Международная ответственность за нарушение права ВТО: соотношение с общим международным правом // Актуальные проблемы российского права. 2013. No. 10 (35). С.1334–1340.
22. Колос Д.Г. Конкуренция юрисдикции органов по разрешению споров ВТО и региональных торговых соглашений: уроки и перспективы для ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. No. 3. С. 21–41.
23. Кугейко И. В. Характеристика юрисдикций механизмов разрешения международных экономических споров // Право. Экономика. Социальное партнерство: сборник докладов Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО». Минск. Минск МИТСО. 2020. Ч. 1. С. 471—474.
24. Пименова С. Реформа инвестиционного арбитража глазами Европейского Союза: проблемы и перспективы // Международное правосудие. 2018. No. 4 (28). С. 113-125.
25. Ружин А. Н. Региональные торговые соглашения в системе ГАТТ/ВТО: роль принципов международного экономического права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. No. 1(18). С. 88-92.
26. Смбатян А.С. ВТО и региональные интеграционные объединения: соотношение «правовых сил» в урегулировании торговых споров // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. No. 8. С. 74-82.
27. Смбатян А.С. Конфликт юрисдикций органов международного правосудия как отрицание их взаимосвязей // Российский юридический журнал. 2013. No. 5 (92). С. 26-36.
28. Смбатян А.С. Принцип *res judicata* в международном публичном праве: современное прочтение // Международное публичное и частное право. 2012. No. 1. С. 2-5.

29. Соколова, Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2015. – Т. 108, № 11. – С. 96-103.
30. Соколова, Н. А. Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // *Актуальные проблемы российского права*. – 2016. – № 10(71). – С. 181-189.
31. Солнцев А.М., Голубев В.В. ВТО и региональные интеграционные объединения: конкуренция юрисдикций и применимых принципов права при разрешении межгосударственных споров // *Вестник ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция*. 2013. №. 1. С. 93-99.
32. Спартак А.Н. Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. №. 4. С. 13-37.
33. Трунк-Федорова М.П. Разрешение споров в рамках соглашений о свободной торговле: альтернатива механизму Всемирной торговой организации? // *Международное правосудие*. 2019. №. 3 (31). С. 102-113.
34. Тюрина Н. Е. Имплементация права ВТО в российскую правовую систему // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 4. С. 247-251.
35. Хузаханова А.Р. Орган по разрешению споров ВТО и судебные механизмы международных региональных организаций экономической интеграции: конфликт юрисдикций // *Российский юридический журнал*. 2016. №. 6 (111). С. 47-51.
36. Шеров-Игнатъев В.Г. Соглашения ЕАЭС о свободной торговле с третьими странами: смысл для России // *Россия и Азия*. 2020. №. 3. С. 59-69.
37. Щеголев С.И. Применение права Всемирной торговой организации судами участников ВТО: международный и зарубежный опыт // *Закон*. 2013. № 5. С. 152–166.
38. Яковенко А.В, Зимненко Б.Л., Комендантов С.В., Ярышев С.Н., Хайдарова Н.Д. О соотношении механизмов разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) и региональных торговых соглашений // *Вестник ученых-международников*. 2023. №. 1(23). С. 13-31.

IV. Монографии, учебники, статьи на иностранном языке:

1. Alam S. Islam. N. Preferential Trade Agreements and the Scope of GATT Article XXIV, GATS Article V and the Enabling Clause: An Appraisal of GATT/WTO // Netherlands International Law Review. Jurisprudence. 2009. Vol. 56. No. 1. P. 1 – 34.
2. Allee T., Elsig M. Why Do Some International Institutions Contain Strong Dispute Settlement Provisions: New Evidence from Preferential Trade Agreements? // The Review of International Organizations. 2016. Vol. 11. Issue. 1. P. 89-120.
3. Alter K. J., Meunier S. Nested and Overlapping Regimes in the Transatlantic Banana Trade Dispute // Journal of European Public Policy. 2006. Vol. 13. No. 3. P. 362-382.
4. Sierpinski B., Tourard. H. Mise à l'épreuve du système de règlement des différends de l'OMC. Est-ce un rejet du multilatéralisme ou une mise en cause de l'ordre économique actuel ? // Revue internationale de droit économique 2019/4 (t. XXXIII). P. 423 – 447.
5. Bercero I. G. Dispute Settlement in European Union Free Trade Agreements: Lessons Learned? // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / Bartels L., Ortino F. (eds). Oxford. Oxford Academic. P. 383–406.
6. Biukovic L. Dispute Resolution Mechanisms and Regional Trade Agreements: South American and Caribbean Modalities // UC Davis Journal of International Law and Policy. 2008. Vol.14. No.2. P. 255-296.
7. Boklan D., Lifshits I. Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. No. 3. P. 169–193.
8. Boklan D., Starshinova O., Bahri A. Joint Statement Initiatives: A Legitimate End to 'Until Everything is Agreed'? // Journal of World Trade. 2023. Vol. 57. No. 2. P. 339-360.

9. Boklan D., Bahri A. The WTO's Collapsing Judicial and Legislative Wings: Is 'Consensus' the Real Elephant in the Room?' // *Global Trade and Customs Journal*. 2022. Vol. 17. Issue 2. P. 81-90.
10. Bronckers M., Gruni G. Retooling the Sustainability Standards in EU Free Trade Agreements // *Journal Of International Economic Law*. 2021. Vol 24. No. 1. P. 25-51.
11. Bronckers M. The Effect of the WTO in European Court Litigation // *Texas International Law Journal*. Vol. 40. 2005. P. 443-448.
12. Brooks T. U.S.-Guatemala Arbitration Panel Clarifies Effective Enforcement Under Labor Provisions of Free Trade Agreement // *International Labor Rights Case Law*. 2018. Vol. 4. Issue 1. P. 45-51.
13. Busch M. Overlapping Institutions, Forum Shopping, and Dispute Settlement in International Trade. // *International Organization*. 2007. Vol. 61. No. 4. 735-761.
14. Chase C., Yanovich A., Crawford J., Ugaz P. Mapping of Dispute Settlement Mechanisms in Regional Trade Agreements – Innovative or Variations on a Theme? // Acharya, R. (Ed.) *Regional Trade Agreements and the Trading System*. Cambridge: Cambridge University Press. 2016. P. 608-702.
15. Chase K. Multilateralism Compromised: The Mysterious Origins of GATT Article XXIV // *World Trade Review*. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 1–30.
16. Cho S. Defragmenting World Trade // *Northwestern Journal of International Law & Business*. 2006. Vol. 27. Issue 1. P. 39-88.
17. Cho S. Breaking the Barrier between Regionalism and Multilateralism: A New Perspective on Trade Regionalism // *Harvard International Law Journal*. 2001. Vol. 42. No. 2. P. 419-465.
18. Choi W-M., Lee Y-S. Facilitating Preferential Trade Agreements between Developed and Developing Countries: A Case for “Enabling” the Enabling Clause // *Minnesota Journal of International Law*. 2012. Vol. 21. No. 1. P. 1-18.

19. Choi W-M., Legal Problems of Making Regional Trade Agreements with Non-WTO-Member States // *Journal of International Economic Law*. 2005. Vol. 8. Issue 4. P. 825–860.
20. Cottier T. Foltea M. Constitutional Functions of the WTO and Regional Trade Agreements // *Regional Trade Agreements and the WTO Legal System* / Bartels L., Ortino F. (eds). Oxford University Press. 2006. P. 43-76.
21. Crawford J-A. Fiorentino R. The Changing Landscape of Regional Trade Agreements // *WTO Discussion Paper*. World Trade Organization (WTO). Geneva. 2005. No. 8. P. 1-33.
22. Crawford J-A New. Transparency Mechanism for Regional Trade Agreements // *Singapore YearBook of International Law*. 2007. Vol. 11. P. 133-140.
23. Crawford J-A. Lim C. Cast Light and Evil Will Go Away: The Transparency Mechanism for Regulating Regional Trade Agreements Three Years After // *Journal of World Trade*. 2011. Vol. 45. No. 2. P. 375-400.
24. Culot H. Comment le TTIP s’articulerait-il avec le droit de l’OMC ?// *Revue internationale de droit économique*. 2017. No 1 (t. XXXI). P. 5 -34.
25. Davey W., Sapir A. The Soft Drinks Case: The WTO and Regional Agreements // *World Trade Review*. 2009. Vol. 8. Special Issue 1. P. 5-23.
26. Devuyst Y. Serdarevic A. The World Trade Organization and Regional Trade Agreements: Bridging the Constitutional Credibility Gap // *Duke Journal of Comparative & International Law*. 2007. Vol. 18. No. 1. P. 1-75.
27. Dolle T., Medina L. The EU’s Request for Arbitration Under the EU-Ukraine Association Agreement // *Global Trade and Customs Journal*. 2020. Vol. 15. Issue 2. P. 104-110.
28. Dunoff J. Why Constitutionalism Now?: Text, Context and the Historical Contingency of Ideas // *Journal of International Law & International Relations*. 2005. Vol. 1. No. 1-2 P.191-212.
29. Ehlermann C.-D. On the Direct Effect of the WTO Agreements // Einhorn (ed), *Spontaneous Order, Organization and the Law: Road to a European Civil Society, Liber Amicorum Ernst-Joachim Mestmäcker*. 2003. P. 413-419.

30. Falls S. Barriers to Panel Composition in RTA Dispute Settlement: Evaluating Solutions to a Perennial Problem. *World Trade Review*. 2023. Vol 22. No. 2. P. 232-254.

31. Falls S. Outsourcing FTA Dispute Settlement Administration to Third-Party International Arbitral Institutions: Opportunities and the Role of the Permanent Court of Arbitration // *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 49-78.

32. Furculita C. Fork-in-the-Road Clauses in the New EU FTAs: Addressing Conflicts of Jurisdictions with the WTO Dispute Settlement Mechanism. // *CLEER Paper Series*, T.M.C. Asser Institute for International & European Law 2019/1. P.7-40.

33. Furculita C. FTA Dispute Settlement Mechanisms: Alternative Fora for Trade Disputes—The Case of CETA and EUJEPA. // *Global Politics and EU Trade Policy / Weiß W., Furculita C. (eds). European Yearbook of International Economic Law*. Springer. Cham. 2020. P. 89-111.

34. Furculița C. The Time of PTA Dispute Settlement Mechanisms Might Have Come: Assessing the Risks. // *International Economic Dispute Settlement: Demise or Transformation? / Elsig M., Polanco R., Van den Bossche, P. (Eds.)*. Cambridge University Press. 2021. P. 442-469.

35. Furner C., Lederer N., Sergaki C. The WTO's Exclusive and Compulsory Jurisdiction v. Dispute Resolution Mechanisms in Regional Trade Agreements: A Clash of Jurisdiction? // *Global Trade and Customs Journal*. 2020. Vol.15. Issue 1. P. 24-30.

36. Gallo D., Nicola F. The External Dimension of EU Investment Law: Jurisdictional Clashes and Transformative Adjudication // *Fordham International Law Journal*. Vol. 39. Issue. 5. P. 1081-1152.

37. Gao H., Lim C. Saving the WTO from the Risk of Irrelevance: The WTO Dispute Settlement Mechanism as a 'Common Good' for RTA Disputes // *Journal of International Economic Law*. 2008. Vol. 11. Issue. 4. P. 899-925.

38. García M. Sanctioning Capacity in Trade and Sustainability Chapters in EU Trade Agreements: The EU–Korea Case // *Politics and Governance*. 2022. Vol. 10. Issue 1. P. 58-67.
39. Gathii J. The Under-Appreciated Jurisprudence of African Regional Trade Judiciaries // *Oregon Review of international law*. 2010. Vol. 12. No. 2. P. 245-281.
40. Graewert T. Conflicting Laws and Jurisdictions in the Dispute Settlement Process of Regional Trade Agreement and the WTO // *Contemporary Asia Arbitration Journal*. 2008. No. 1. P. 287-334.
41. Grigorova J., Zachari E. Dispute Settlement in Free Trade Agreements as a Suggested Alternative to WTO Dispute Settlement / *International Economic Dispute Settlement: Demise or Transformation?* M. Elsig, R. Polanco, P. Van den Bossche (Eds.). 2021. P. 470-492.
42. Gruszczynski L. The WTO and FCTC Dispute Settlement Systems: Friends or Foes? // *Asian Journal of WTO & International Health Law and Policy*. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 105-133.
43. Guan W. Consensus Yet Not Consented: A Critique of the WTO Decision-Making by Consensus // *Journal of International Economic Law*. 2014. Vol. 17. No. 1. P. 77–104.
44. Fabri H. Is There a Case – Legally and Politically – for Direct Effect of WTO Obligations? // *European Journal of International Law*. 2014. Vol. 25. No 1. P. 151–173.
45. Henckels C. Overcoming Jurisdictional Isolationism at the WTO–FTA Nexus: A Potential Approach for the WTO // *European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19. Issue 3. P. 571-599.
46. Hillman J. Conflicts between Dispute Settlement Mechanisms in Regional Trade Agreements and the WTO – What Should WTO Do// *Cornell International Law Journal*. 2009. Vol. 42. No. 2. P. 193-208.
47. Hilpold P. Regional Integration According to Article XXIV GATT - Between Law and Politics Regional Integration According to Article XXIV GATT

– Between Law and Politic // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. 2003. Vol. 7. P. 219-260.

48. Hoffmeister F. Litigating against the European Union and Its Member States – Who Responds under the ILC's Draft Articles on International Responsibility of International Organizations? // European Journal of International Law. 2010. Vol. 21. No 3. P. 723–747.

49. Horn H., Mavroidis P., Sapir, A. Beyond the WTO? An Anatomy of EU and US Preferential Trade Agreements // Bruegel Blueprint Series. 2009. Vol. 7. P. 1-65.

50. Hsu L. Applicability of WTO Law in Regional Trade Agreements: Identifying the Links // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / ed. by Bartels L., Ortino F. Oxford University Press. 2006. P 525-552.

51. Jackson J. The Perils of Globalization and the World Trading System // Fordham International Law Journal. 2000. Vol. 24. Issue. 1. P. 371-382.

52. Kaspiarovich Y., Levrat N. European Union Mixed Agreements in International Law under the Stress of Brexit // European Journal of Legal Studies. 2021. Vol 13. No. 2. P. 121-150.

53. Krajewski M. Services Liberalization in Regional Trade Agreements: Lessons for GATS “Unfinished Business? // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / Bartels, L., Ortino, F. (eds.). Oxford University Press. 2006. P. 174-200.

54. Kwak K., Marceau G. Overlaps and Conflicts of Jurisdiction between the World Trade Organization and Regional Trade Agreements. // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / Bartels, L., Ortino, F. (eds).Oxford University Press. 2006. P. 465-524.

55. Langille J. Neither Constitution nor Contract: Understanding the WTO by Examining the Legal Limits on Contracting Out Through Regional Trade Agreements // New York University law Review. 2011. Vol. 86. No. 5. P. 1482-1518.

56. Leal-Arcas R. Proliferation of Regional Trade Agreements: Complementing or Supplanting Multilateralism? // *Chicago Journal of International Law*. 2011. Vol. 11. No. 2. P. 597-629.

57. Lester S., Manak I. Arpas, A. Access to Trade Justice: Fixing NAFTA's Flawed State-to-State Dispute Settlement Process // *World Trade Review*. 2019. Vol 18. No 1. P. 63–79.

58. McDougall, R. Regional Trade Agreement Dispute Settlement Mechanisms: Modes, Challenges and Options for Effective Dispute Resolution. // RTA Exchange. Issue Paper. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and the InterAmerican Development Bank (IDB). 2018. P. 1-15.

59. Maestro D. Regulating Jurisdiction Collisions in International Law: The Case of the European Court of Justice's Exclusive Jurisdiction in Law of e Jurisdiction in Law of the Sea Disputes // *Michigan Journal of International Law*. 2020. Vol. 41. Issue. 3. P. 653-684.

60. Marín Durán G. Untangling the International Responsibility of the European Union and Its Member States in the World Trade Organization Post-Lisbon: A Competence/ Remedy Model // *The European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. Issue 3. P. 697-729.

61. Marceau G. The primacy of the WTO dispute settlement system // *Questions of International Law*. Vol. 23. 2015. P. 3-13.

62. Marceau G., Izaguerri A., Lanovoy A. The WTO's Influence on Other Dispute Settlement Mechanisms: A Lighthouse in the Storm of Fragmentation // *Journal of World Trade*. 2013. Vol. 47. No. 3. P. 481-574.

63. Marceau G., Wyatt J. Dispute Settlement Regimes Intermingled: Regional Trade Agreements and the WTO // *Journal of International Dispute Settlement*. 2010. Vol. 1. Issue. 1. P. 67-95.

64. Mathis J. WTO, Turkey - Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products // *Legal Issues of Economic Integration*. 2000. Vol. 27. Issue 1. P. 103 – 114.

65. Matsushita M., Lee Y.S. Proliferation of Free Trade Agreements and Some Systemic Issues - In Relation to the WTO Disciplines and Development Perspectives // *The Law and Development Review*. 2008. Vol. 1. No. 1. P. 23-50.
66. Mavroidis P. If I Don't Do It, Somebody Else Will (Or Won't): Testing the Compliance of Preferential Trade Agreements With the Multilateral Rules // *Journal of World Trade*. 2006. Vol. 40. No. 1. P. 187-214.
67. Mbengue M. The Settlement of Trade Disputes: Is There a Monopoly for the WTO? // *The Law & Practice of International Courts and Tribunals*. 2016. Vol. 15. Issue 2. P. 207-248.
68. Mendoza M.R., Wilke M. Revisiting the single undertaking: towards a more balanced approach to WTO negotiations // *Making Global Trade Governance Work for Development: Perspectives and Priorities from Developing Countries / Deere-Birkbeck C. (eds.). Cambridge University Press*. 2011. P. 486-506.
69. Mozssner L. The WTO and Regional Trade: a family business? The WTO compatibility of regional trade agreements with non-WTO-members//*World Trade Review*. 2014. Vol. 13. No. 4. P.633-649.
70. Mrázová M., Vines D., Zissimos B. Is the GATT/WTO's Article XXIV bad? // *Journal of International Economics*. 2013. Vol. 89. Issue. 1. P. 216–232.
71. Namgoong J. Two Sides of One Coin: The US-Guatemala Arbitration and the Dual Structure of Labour Provisions in the CPTPP // *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. 2019. Vol. 35. Issue 4. P. 483 – 509.
72. Nedeski N. Shared Obligations and the Responsibility of an International Organization and Its Member States The Case of EU Mixed Agreements // *International Organizations Law Review*. 2021. Vol. 18. No. 2. P. 139–178.
73. Nissen A. Not That Assertive: The EU's Take on Enforcement of Labour Obligations in Its Free Trade Agreement with South Korea // *European Journal of International Law*. 2022. Vol. 33. No. 2. P. 607-630.

74. Nsour M. Regional Trade Agreements in the Era of Globalization: A Legal Analysis // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. 2008. Vol. 33. No. 3. P. 359-435.
75. Ovádek M., Willemys I. International Law of Customs Unions: Conceptual Variety, Legal Ambiguity and Diverse Practice // European Journal of International Law. 2019. Vol. 30. Issue 2. P. 361–389.
76. Paiement P. Leveraging trade agreements for labor law enforcement: Drawing lessons from the US-Guatemala CAFTA-dispute // Journal Georgetown Journal of International Law. 2018. Vol.49. Issue 2. P. 675-692.
77. Palchetti P. The Allocation of International Responsibility in the Context of Investor-State Dispute Settlement Mechanisms Established by EU International Agreements // European Business Law Review . 2017. Vol 28. No. 2. P. 185-195.
78. Pantaleo L. Respondent Status and Allocation of International Responsibility Under EU Investment Agreements // European Papers. 2016. Vol. 1. No. 3. P. 847-860.
79. Patterson G. Implications for the GATT and the World Trading System // Free trade areas and US trade policy / Schott, J. J. (ed.). Institute for International Economics. Washington, DC. 1989. P. 353-366.
80. Pauwelyn J. A Typology of Multilateral Treaty Obligations: Are WTO Obligations Bilateral or Collective in Nature? // European Journal of International Law. 2003. Vol. 14. No. 5. P. 907-951.
81. Pauwelyn J. Going Global, Regional, or Both? Dispute Settlement in the Southern African Development Community (SADC) and Overlaps with the WTO and Other Jurisdictions // Minnesota Journal of International Law. 2004. Vol. 13. No. 2. P. 231-304.
82. Pauwelyn, J. Salles L. Forum Shopping before International Tribunals: (Real) Concerns, (Im)Possible Solutions // Cornell International Law Journal. 2009. Vol. 42. Issue 1. P. 77-118.

83. Pauwelyn J, Alschner W. Forget about the WTO: The network of relations between PTAs and double PTAs // Trade cooperation : the purpose, design and effects of preferential trade agreement / Dür A, Elsig M, (eds.). Cambridge University Press. 2015. P. 497-532.
84. Petersmann E.-U. The WTO and Regional Trade Agreements as Competing Fora for Constitutional Reforms: Trade and Human Rights // Regional Trade Agreements and the WTO Legal System / Bartels, L., Ortino, F. (eds.). Oxford University Press. 2006. P. 281–312.
85. Picker C. Regional Trade Agreements v. the WTO: A Proposal for Reform of Article XXIV to Counter this Institutional Threat // [University of Pennsylvania Journal of International Law](#). 2005. Vol. 26. No. 2. P. 267-319.
86. Porges, A. Designing Common but Differentiated Rules for Regional Trade Disputes. // RTA Exchange. Geneva: International Centre for Trade and Sustainable Development (ICTSD) and the Inter-American Development Bank (IDB). 2018. P. 1-11.
87. Porges, A. Dispute Settlement // Preferential Trade Agreement Policies for Development: A Handbook. / Chauffour J-P., Maur J-C. (Eds.). Washington D.C. The World Bank. 2011. P. 467-501.
88. Powell S.J., Low T. Is the WTO Quietly Fading Away?: The New Regionalism and Global Trade Rules // Georgetown Journal of Law & Public Policy. 2011. Vol. 9. P. 261-282.
89. Rovnov Y. EU-Ukraine Arbitration: Will WTO Law Become More Deferential Outside the WTO? // Journal of World Trade. 2021. Vol. 55. No. 6. P. 969-990.
90. Ruiz Fabri H. Is There a Case – Legally and Politically – for Direct Effect of WTO Obligations? // European Journal of International Law. 2014. Vol. 25. Issue 1. P. 151-173.
91. Smith J. The Politics of Dispute Settlement Design: Explaining Legalism in Regional Trade Pacts // International Organization. 2000. Vol. 54. No. 1. P. 137-180.

92. Son Tan N. The Applicability of Comity and Abuse of Rights in World Trade Organization Dispute Settlement // *The University of Tasmania Law Review*. 2016. Vol. 35. No. 1. P. 95-130.
93. Son Tan N. The applicability of Res Judicata and Lis Pendens in World Trade Organization dispute settlement // *Bond Law Review*. 2013. Vol. 25. Issue 2. P.123-165.
94. Swinbank A. British Perspectives on the GATT Article XXIV Negotiations Following the First EC Enlargement: ‘Probably More Important and More Difficult than the Consideration of the Treaty of Rome Itself’// *The International History Review*. 2023. Vol. 45. No. 5. P. 824-841.
95. Tegegn Y. AfCFTA’s Notification Options to WTO: Enabling Clause or Article XXIV Exception // *Mizan Law Review*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 357-372.
96. Todeschini-Marthe C. Dispute Settlement Mechanisms Under Free Trade Agreements and the WTO: Stakes, Issues and Practical Considerations: A Question of Choice // *Global Trade and Customs Journal*. 2018. Vol.13. Issue 9. P. 387–403.
97. Tranchtman J. Bananas, Direct Effect and Compliance // *European Journal of International Law*. 1999. Vol. 10. No. 4. P. 655–678.
98. Van den Bossche P., Zdouc W. *The Law and Policy of the World Trade Organization: Text, Cases and Materials* (4th ed.). 2017. Cambridge: Cambridge University Press. P.1-1077.
99. Van Grassek G., Sauvé P. The Consistency of WTO Rules: Can the Single Undertaking Be Squared with Variable Geometry? // *Journal of International Economic Law*. 2006. Vol. 9. No 4. P. 837–864.
100. Vidigal G. Living Without the Appellate Body: Multilateral, Bilateral and Plurilateral Solutions to the WTO Dispute Settlement Crisis // *Journal of World Investment & Trade*. 2019. Vol 20. Issue 6. P. 862-890.
101. Vidigal G. Regional Trade Adjudication and the Rise of Sustainability Disputes: Korea—Labor Commitments and Ukraine—Wood Export Bans // *American Journal of International Law*. 2022. Vol. 116. No. 3. P. 567-578.

102. Vidigal G. Why Is There So Little Litigation under Free Trade Agreements? Retaliation and Adjudication in International Dispute Settlement // *Journal of International Economic Law*. 2017. Vol. 20. No. 4. P. 927-950.
103. Wilson E.A. Russia in the WTO: Will It Give Full Direct Effect to WTO Law? // *Global Business & Development Law Journal*. 2014. Vol. 27. Issue 2. P. 325-358.
104. Wolfe R. The WTO Single Undertaking as Negotiating Technique and Constitutive Metaphor // *Journal of International Economic Law*. 2009. Vol. 12. No. 4. P. 835–858.
105. Yang S. The Key Role of the WTO in Settling its Jurisdictional Conflicts with RTAs // *Chinese Journal of International Law*. 2012. Vol. 11. No. 2. P. 281-319.
106. Yang S. The Solution for Jurisdictional Conflicts Between the WTO and RTAs: The Forum Choice Clause // *Michigan State International Law Review*. 2014. Vol. 23. No. 1. P. 107-152.
107. Zakir H. Weak Discipline: GATT Article XXIV and the Emerging WTO Jurisprudence on RTAs // *North Dakota Law Review*. 2003. Vol. 79. No.4. P. 879-919.
108. Zampetti A., Low P., Mavroidis P. Consensus Decision-Making and Legislative Inertia at the WTO: Can International Law Help? // *Journal of World Trade*. 2022. Vol.56. No. 1. P. 1-26.
109. Zang M. Q. When the Multilateral Meets the Regionals: Regional Trade Agreements at WTO Dispute Settlement // *World Trade Review*. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 33-61.
110. Zang M. Q. Shall We Talk? Judicial Communication between the CJEU and WTO Dispute Settlement // *The European Journal of International Law*. 2017. Vol. 28. No. 1. P. 273–293.

V. Диссертации:

1. Смбалян А. С. Решения органов международного правосудия и их роль в укреплении международного правопорядка: дис. ... д-ра юрид. наук / Анаит Сергеевна Смбалян. М. 2013. 520 с.

2. Хузиханова А. Р. Судебный механизм международных организаций региональной экономической интеграции: дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Хузиханова Асия Рустемовна. Казань. 2018. 240 с.

VI. Интернет-ресурсы:

1. Bhagwati J. US Trade Policy: The Infatuation with FTAs. April 1995. Discussion Paper Series No. 726. P. 4. URL: <https://academiccommons.columbia.edu/doi/10.7916/D8CN7BFM> (дата обращения: 10.12.2023).

2. Commission of the European Communities. Global Europe: Competing in the World. A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. COM (2006) 567 final. Oct. 4, 2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006DC0567> (дата обращения: 01.11.2024).

3. Commission of the European Communities. Annex to Global Europe: Competing in the World. A Contribution to the EU's Growth and Jobs Strategy. COM (2006) 567 final. Oct. 4, 2006. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52006DC0567> (дата обращения: 01.11.2024).

4. Crawford J-A. Laird S. Regional Trade Agreements and the WTO. // The University of Nottingham, Centre for Research in Economic Development and International Trade (CREDIT). Research Paper No. 00/3. P. 14. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/81764/1/00-03.pdf> (дата обращения: 25.02.2023).

5. Differential and more favourable treatment reciprocity and fuller participation of developing countries. URL:

https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/enabling1979_e.htm (дата обращения: 25.02.2024).

6. Dispute settlement activity — some figures. For a complete list of the numbers of disputes by stage in the proceedings, on a yearly basis // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/dispustats_e.htm#rfc (дата обращения: 10. 01. 2024).

7. Lee S.L., Park K.S, Seo Y. Multinational Firm’s Production Decisions under Overlapping Free Trade Agreements: Rule of Origin Requirements and Environmental Regulation // Sustainability. 2016. Vol. 9. P. 1-16. URL: https://www.researchgate.net/publication/312250411_Multinational_Firm's_Production_Decisions_under_Overlapping_Free_Trade_Agreements_Rule_of_Origin_Requirements_and_Environmental_Regulation. (дата обращения: 10.12.2023).

8. Mandelson P. EU Trade Commissioner, Speech at the London School of Economics: Bilateral Agreements in EU Trade Policy. Oct. 9. 2006. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_06_574 (дата обращения: 01.11.2024)

9. Panel rules in favour of EU on Southern African Customs Union’s safeguard on EU poultry cuts. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/news/panel-rules-favour-eu-southern-african-customs-unions-safeguard-eu-poultry-cuts-2022-08-03_en#_ftn2 (дата обращения 12.01.2024).

10. Regional trade agreements. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/region_e/region_e.htm (дата обращения:01.08.2024).

11. Regional trade agreements. Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx> (дата обращения: 01.08.2024).

12. Thym D. Mixity after Opinion 2/15: Judicial Confusion over Shared Competences // VerfassungsBlog. URL: <https://verfassungsblog.de/mixity-after->

opinion-215-judicial-confusion-over-shared-competences/ (дата обращения: 05.01.2024).

13. Understanding on the Interpretation of Article XXIV of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/10-24_e.htm (дата обращения: 18.02.2024).

14. Vidigal G. Living without the Appellate Body: Hegemonic, Fragmented and Network Authority in International Trade // Amsterdam Center for International Law. 2019. No. 2019-04. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3343327 (дата обращения: 01.12.23).

15. WTO disputes reach 400 mark // 2009 Press Releases, PRESS/578. 6 November 2009. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres09_e/pr578_e.htm (дата обращения 05. 03. 2023).

16. WTO DS241. Argentina – Definitive Anti-Dumping Duties on Poultry from Brazil (Argentina – Poultry). URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds241_e.htm (дата обращения: 15.12.2023).

17. WT/DS27 EC – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas. URL: https://www.wto.org/english/tratop_E/dispu_e/cases_e/ds27_e.htm (дата обращения: 10.10.2024)

18. WTO DS308. Mexico — Tax Measures on Soft Drinks and Other Beverage. URL: https://www.wto.org/english/Tratop_e/dispu_e/cases_e/ds308_e.htm (дата обращения: 15.12.2023).

19. WTO DS457. Peru — Additional Duty on Imports of Certain Agricultural Products. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds457_e.htm (дата обращения 12.01.2023).

20. WTO DS34. Turkey — Restrictions on Imports of Textile and Clothing Products. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds34_e.htm. (дата обращения: 18.02.2024).

21. WT/DS320 US – Continued Suspension of Obligations in the EC – Hormones Dispute. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds320_e.htm (дата обращения 10.10.2024).

22. Комендантов С.В. Соглашения о свободной торговле ЕАЭС и его государств-членов с третьими государствами: эволюция, реализация и перспективы // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. No. 7. URL: <https://inter-legal.ru/soglasheniya-o-svobodnoj-torgovle-eaes-i-ego-gosudarstv-chlenov-s-tretimi-gosudarstvami-evolyutsiya-realizatsiya-i-perspektivy> (дата обращения: 15.12.23).